

ISSN 2071-2367
e-ISSN 2500-2090

CENTRAL RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

СРЕДНЕРУССКИЙ
ВЕСТНИК
ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК

ТОМ 20

№ 4 2025

Миссия журнала. Предоставление возможности участвовать в обсуждении развития современного общества с позиций политологии, социологии, экономики, а также иных аспектов, формирующих и обуславливающих развитие Центральных регионов России, регионального и муниципального управления, продвижения интересов Российской Федерации в геополитическом пространстве.

Цель — публикация оригинальных статей, обзоров и рецензий в области теории, методологии и эмпирических исследований в области социологии, политологии и экономики. Информационная площадка о политических, социологических и экономических процессах жизни регионов и изучению зарубежного опыта политического согласия, социального созидания и экономического развития.

Целевая аудитория журнала — это профессиональное сообщество исследователей, экспертов, бизнесменов и лиц, принимающих решения в российской политике регионов России, интересующихся проблемами методологии политической науки, вопросами экономической политики и социальными трансформациями, происходящими в регионах России и за рубежом.

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
- 5.2.4. Финансы (экономические науки),
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки),
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки),
- 5.4.6. Социология культуры (социологические науки),
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки).
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки),
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований.

С 2012 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory». Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций SHERPA/RoMEO.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025

© Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025

© Редколлегия журнала «Среднерусский вестник общественных наук» (составитель), 2025

© Все права защищены

Редакционная коллегия:

Нечаев Дмитрий Николаевич – главный редактор журнала «Среднерусский вестник общественных наук», председатель редакционного совета, доктор политических наук, профессор Российского экономического университета (РЭУ) им. Г.В. Плеханова, председатель экспертного совета АНО «Институт политического анализа и стратегий» (Россия, Воронеж), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Меркулов Павел Александрович – доктор исторических наук, профессор, зам. председателя редсовета, зам. главного редактора, директор Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, e-mail: vestniksrvon@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, ответственный секретарь (Россия, Орёл), e-mail: vestniksrvon@mail.ru

Проказина Наталья Васильевна – доктор социологических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, Москва), e-mail: nvprokazina@mail.ru

Алексёнок Анна Алексеевна – доктор социологических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: alexaconst@rambler.ru

Головина Татьяна Александровна – доктор экономических наук, профессор кафедры, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: golovina_t78@mail.ru

Якимец Владимир Николаевич, доктор социологических наук, кандидат технических наук, главный научный сотрудник ИППИ РАН, эксперт Российской академии наук, e-mail: iakimets@mail.ru

по экономическим наукам

Головина Татьяна Александровна – выпускающий редактор серии «Экономика и управление», доктор экономических наук, профессор кафедры, зав. кафедрой менеджмента и управления персоналом Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: golovina_t78@mail.ru

Арабаджийски Николай – доктор по экономике, PhD, профессор, Новый Болгарский университет (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Брузати Лука – доктор экономики, PhD, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский госуниверситет (Италия, Гориция), e-mail: brusati@uniud.it

Дискин Иосиф Евгеньевич – доктор экономических наук, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, член Совета при Президенте РФ по национальным отношениям, зам. председателя ОАО «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (Россия, Москва), e-mail: diskin@c3d-fdisk.net

Дорина Елена Борисовна – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой национальной экономики и государственного управления, Белорусский государственный экономический университет (Беларусь, Минск), e-mail: dogran@mail.ru

Зайцева Татьяна Вячеславовна – доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва), e-mail: zaytv@mail.ru

Засько Вадим Николаевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры проблем рынка и хозяйственного механизма, Институт менеджмента и маркетинга, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: zentr-nk@mail.ru

Иванова Татьяна Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента, Ульяновский государственный университет (Россия, Ульяновск), e-mail: tivanova@edu.uven.ru

Гарлатти Андреа – доктор экономики, PhD, профессор кафедры экономики и статистики, Государственный университет Удине (Италия, Удине), e-mail: andrea.garlatti@unlud.it

Менегуццо Марко – доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Строева Олеся Анатольевна – доктор экономических наук, Концерн воздушно-космической обороны «Алмаз-Антей» (Россия, Москва), e-mail: stroevaolesya@mail.ru

Федело Паоло – кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет Удине (Италия, Гориция), e-mail: paolo.fedele@uiud.it

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, PhD (Social Policy, LSE), руководитель Центра экономической теории социального сектора, Институт экономики *Российской академии наук* (Россия, Москва), e-mail: t_chubarova@mail.ru

по политологическим наукам

Слатинов Владимир Борисович – редактор серии «Политология», доктор политических наук, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета (Россия, Курск), e-mail: vestniksrvon@mail.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета политологии и права, Государственный университет просвещения, профессор кафедры Государственной политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: i.bykov@spbu.ru

Глухова Александра Викторовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: soc@hist.vsu.ru

Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мирошниченко Инна Валерьевна – доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (Россия, Краснодар), e-mail: mirinna78@mail.ru

Огнева Валентина Васильевна – доктор политических наук, профессор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: ognevavv@yandex.ru

Цыбаков Дмитрий Леонидович – доктор политических наук, доцент, Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика (Россия, Москва), e-mail: d.cybakov@amchs.ru

Шабров Олег Фёдорович – доктор политических наук, профессор, кафедра государственной политики, факультет политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва), e-mail: oshabr@mail.ru

по социологическим наукам

Алексеев Анна Алексеевна – редактор направления «Социология», доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: alexaconst@rambler.ru

Бурмыкина Ирина Викторовна – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Россия, Липецк), e-mail: nr-pror@lspu.lipetsk.ru

Гостенина Валентина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии, рекламы и связей с общественностью, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: gostenina@rambler.ru

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, зав. отделом социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (Россия, Москва), e-mail: uzubok@mail.ru

Комлева Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, зам. директора по научной работе, Национальный институт исследований и развития проектов в сфере межнациональных, межконфессиональных, межэтнических, межкультурных и межстрановых коммуникаций (Москва) (Россия, Москва), e-mail: komleva72@mail.ru

Козачок Василий Иванович – доктор социологических наук, профессор, заместитель начальника академии, начальник научно-исследовательского, научно-испытательного института Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: kosachok@list.ru

Стегний Кирилл Владимирович – доктор медицинских наук, профессор постдипломного образования и ординатуры Дальневосточного государственного университета, член-корреспондент РАН (Россия, Владивосток), e-mail: stegnii.kv@dvfu.ru

Шаповалова Инна Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ») (Россия, Белгород), e-mail: inna-shapov@mail.ru

International Editorial Board

Dmitry N. Nechaev – Editor-in-chief of «Central Russian Journal of Social Sciences», Chairman of the Editorial Council, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Economic University (REU) named after Plekhanov G.V., Chairman of the Expert Council of the Institute for Political Analysis and Strategies (Russian Federation, Moscow), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Pavel A. Merkulov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Editorial Council, Deputy Editor-in-chief of «Central Russian Journal of Social Sciences». Director of the Central Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail:vestniksrvon@mail.ru

Nadezhda V. Mironenko – Executive Secretary, Candidate of Economic Sciences, Docent (Russian Federation, Orel), e-mail:vestniksrvon@mail.ru

Natalia V. Prokazina Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail:nvprokazina@mail.ru

Anna A. Alekseyenok – Managing Editor of the series «Sociology», Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management, (Russian Federation, Orel), e-mail: alexaconst@rambler.ru

Tatiana A. Golovina – Managing Editor of the series «Economics and Management», Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management (Russian Federation, Orel), e-mail:golovina_t78@mail.ru

Vladimir N. Yakimets – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Technical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Information Transmission Problems of the Russian Academy of Sciences, Expert of the Russian Academy of Sciences, e-mail: iakimets@mail.ru

Economics Science:

Tatiana A. Golovina – Editor of the series «Economics and Management», Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Management and Personnel Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management (Russian Federation, Orel), e-mail:golovina_t78@mail.ru

Nikolay Z. Arabadzhyski – Doctor of Economics, Professor, New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Luka G. Brusati – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy, Gorizia), e-mail:brusati@uniud.it

Iosif E. Diskin – Doctor of Economic Sciences, Deputy Chairman of the Scientific Council of Russian Public Opinion Research Center, Member of Public Chamber of the Russian Federation, Member of the Presidential Council on Development of Civil Society and Human Rights, Member of the Presidential Council on National Affairs, Deputy Chairman of the Russian Public Opinion Research Center (Russian Federation, Moscow), e-mail:vestniksrvon@mail.ru

Elena B. Dorina – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of National Economy and Public Administration, Belarusian State Economic University (Belarus, Minsk), e-mail:dogran@mail.ru

Vadim N. Zasko – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Market and Economic Mechanism Problems, Institute of Management and Marketing, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation,

Moscow),

e-mail:zentr-nk@mail.ru

Tatiana V. Zaytseva – Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: zaytv@mail.ru

Tatiana Y. Ivanova – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Management, Ulyanovsk State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Russian Federation, Ulyanovsk), e-mail: tivanova@edu.uven.ru

Garlatti Andrea – Doctor of Economics, Department of Economics and Statistics, Udine State University (Italy, Udine), e-mail: vestniksrvon@mail.ru

Meneguzzo Marco – Doctor of Economics, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI) (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Olesya A. Stroeva – Doctor of Economic Sciences, Professor, Almaz-Antey Aerospace Defense Concern (Russian Federation, Moscow), e-mail: stroeva-olesya@mail.ru

Fedele Paolo – Candidate of Economic Sciences, Docent, Udine State University (Italy, Gorizia), e-mail: paolo.fedele@uiud.it

Tatiana V. Chubarova – Doctor of Economic Sciences (Social Policy, LSE), Head of the Center for Economic Theory of the Social Sector, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: t_chubarova@mail.ru

Political Science:

Dmitry N. Nechaev – Editor-in-Chief of «Central Russian Journal of Social Sciences», Chairman of the Editorial Council, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Economic University (REU) named after Plekhanov G.V., Chairman of the Expert Council of the Institute for Political Analysis and Strategies (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Science and Law, State University of Education, Professor of the Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Public Relations in Politics and Public Administration, St. Petersburg State University, e-mail: i.bykov@spbu.ru

Alexandra V. Glukhova – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: soc@hist.vsu.ru

Victor A. Livtsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Docent, Head of the Department of State Policy and Public Administration, Kuban State University (Russian Federation, Krasnodar), e-mail: mirinna78@mail.ru

Valentina V. Ogneva – Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management (Russian Federation, Orel), e-mail: ognevavv@yandex.ru

Vladimir B. Slatinov – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University (Russian Federation, Kursk), e-mail: vestniksrvon@mail.ru

Dmitry L. Tsybakov – Doctor of Political Sciences, Docent, Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia (Russian Federation, Moscow), e-mail: d.cybakov@amchs.ru

Oleg F. Shabrov – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Public Policy, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: oshabr@mail.ru

Sociology Science:

Anna A. Alekseyenok – Editor of the series «Sociology», Doctor of Sociological Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management (Russian Federation, Orel), e-mail: alexaconst@rambler.ru

Irina V. Burmykina – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Prorector on Scientific Work, Lipetsk State Pedagogical University named after Semenov-Tyan-Shansky P.P., (Russian Federation, Lipetsk), e-mail: nr-pror@lspu.lipetsk.ru

Valentina I. Gostenina – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Advertising and Public Relations, Bryansk State University named after Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: gostenina@rambler.ru

Julia A. Zubok – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Youth Sociology, Institute of Social and Political Studies of Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: uzubok@mail.ru

Valentina V. Komleva – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research Work, National Institute for Research and Development of Projects in the Sphere of International, Interfaith, Interethnic, Intercultural and Intercountry Communications (Moscow) (Russian Federation, Moscow), e-mail: komleva72@mail.ru

Vasily I. Kazachok – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Head of the Academy, Head of the Research and Experimental Institute of the Academy of Federal Security Service of the Russian Federation (Russian Federation, Orel), e-mail: kosachok@list.ru

Kirill V. Stegnyy – Doctor of Medical Sciences, Professor of postgraduate education and residency at the Far Eastern State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok), e-mail: stegny.kv@dvfu.ru

Inna S. Shapovalova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of Youth Work, Belgorod State National Research University (Russian Federation, Belgorod), e-mail: inna-shapov@mail.ru

---

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Люблинский Виктор Викторович, Макушина Лариса Викторовна
Адаптация государственной социальной политики в контексте формирования иерархо-сетевой модели управления 11

Кузьмичев Андрей Юрьевич
Эффективность государственной политики управления антитеррористической защищенностью объектов Российской Федерации в условиях гибридной войны 29

Гогшвили Тамара Теймуразовна
Факторы политической ресоциализации новых граждан России в условиях распространения политического пространства..... 47

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

Савеличева Ирина Николаевна, Шаповалова Инна Сергеевна
Политическая культура молодежи в научном социологическом дискурсе 65

Проказина Наталья Васильевна
Историческая память о Великой Отечественной войне в представлениях студенческой молодежи региона 86

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Логунцова Ирина Вячеславовна
Искусственный интеллект в креативных индустриях: модели взаимодействия и возможности применения в брендинге малых городов 108

Овешникова Людмила Владимировна, Сибирская Елена Викторовна
Приоритетные направления научно-технологического развития России: от возможностей к результатам 131

Литвиненко Александр Николаевич, Лозина Юлия Александровна
Современные формы посягательств на государственную собственность как угроза экономической безопасности России 152

CONTENTS

POLITICAL SCIENCE AND PUBLIC POLICY

<i>Victor V. Lyublinsky, Larisa V. Makushina</i> Adaptation of State Social Policy in the Context of the Formation of a Hierarchical Network Management Model.....	11
<i>Andrey Yu. Kuzmichev</i> Efficiency of State Policy for Managing the Anti-terrorist Security of the Russian Federation Facilities in the Context of Hybrid War.....	29
<i>Tamara.T. Gogishvili</i> Political Re-Socialization of Russian New Citizens in the Context of Expanding Political Space.....	47

SOCIOLOGY AND LIFE

<i>Irina N. Savelicheva, Inna S. Shapovalova</i> The Political Culture of Youth in Scientific Sociological Discourse.....	65
<i>Natalya V. Prokazina</i> Views on the Historical Memory of the Great Patriotic War Among Students in a Region.....	86

ECONOMY AND MANAGEMENT

<i>Irina V. Loguntsova</i> Artificial Intelligence in Creative Industries: Models of Interaction and Applications in Small-Town Branding.....	108
<i>Ludmila V. Oveshnikova, Elena.V. Sibirskaya</i> Priority Directions of Russia's Scientific and Technological Development: from Opportunities to Results	131
<i>Alexander N. Litvinenko., Julia A. Lozina</i> Modern Forms of Encroachment on State Property as a Threat to Russia's Economic Security	152

АДАПТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИЕРАРХО-СЕТЕВОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ

В. В. Люблинский , Л. В. Макушина

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к.5

Поступила
в редакцию
14.06.2025

Поступила
после
рецензирования
16.08.2025

Принята
к публикации
26.10.2025

Аннотация. Традиционная парадигма социального государства базируется на расширении государственных социальных программ и перераспределении ресурсов в пользу наименее защищённых слоёв населения. Однако в современных условиях данный подход становится всё менее эффективным, в связи с чем сложившаяся модель социальной политики сталкивается с необходимостью адаптации к изменившимся экономическим и технологическим реалиям.

Целью статьи является исследование адаптации государственной социальной политики в условиях геополитических и технологических трансформаций, а также обоснование формирования иерархо-сетевой модели управления. **Методы.** На основе политико-экономического и сравнительного анализа рассмотрены вопросы состояния и развития социальной политики и трудовых отношений в России, а также изменения в характере управления социальной политикой, в том числе в международном контексте.

Подчеркивается важность взаимосвязи политического управления и социально-трудовых отношений, так как ключевым направлением эволюции социальной политики становится дополнение мер государственной поддержки и активизация политики инвестирования в человека. Кроме того, обосновывается переход от строгих вертикалей власти к сетевым механизмам координации, направленных на усиление влияния на устойчивость политических и совершенствование социально-трудовых отношений.

Авторы делают вывод, что адаптация государства к новым реалиям предполагает развитие сетевых форм взаимодействия между субъектами социальной политики и выработку координированных решений, основанных на принципах социальной ответственности и инклюзивности. То есть такой политики, которая бы обеспечивала согласование интересов и гибкость управления, а также снижала доминирование авторитарных и иерархических форм управления. Предлагается использовать потенциал сетевого взаимодействия в качестве инструмента повышения устойчивости современного государства.

Материалы исследования могут представлять значительный интерес для государственных органов власти, ответственным за разработку и реализацию социальной политики, специалистов в области социологии, экономики и политологии для понимания механизмов функционирования современной социальной политики.

Ключевые слова: социальная политика, иерархо-сетевая модель управления, адаптация, геополитические и технологические трансформации, сетевое управление, социально-трудовые отношения, социальная ответственность, инклюзивность, принципы экономической эффективности, социальная справедливость, меры государственной поддержки

Для цитирования: Люблинский В.В., Макушина Л.В. Адаптация государственной социальной политики в контексте формирования иерархо-сетевой модели управления // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – №4. – С. 11-28. EDN GSAFET

© Люблинский В.В., Макушина Л.В., 2025

**ADAPTATION OF STATE SOCIAL POLICY IN THE CONTEXT
OF THE FORMATION OF A HIERARCHICAL NETWORK MANAGEMENT MODEL**

V.V. Lyublinsky , **L.V. Makushina**

*Institute of Socio-Political Research of the Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
24/35, bld. 5, Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218*

Received
14.06.2025

Revised
16.08.2025

Accepted
26.10.2025

Abstract. *The traditional paradigm of the welfare state is based on the expansion of welfare state programs and the redistribution of resources in favor of the least protected segments of the population. However, in modern conditions, this approach is becoming less effective, and therefore the current model of social policy is faced with the need to adapt to the changed economic and technological realities.*

The purpose of the article is to study the adaptation of state social policy in the context of geopolitical and technological transformations, as well as to substantiate the formation of a hierarchical network management model.

Methods. Based on a political, economic and comparative analysis, the issues of the state and development of social policy and labor relations in Russia, as well as changes in the nature of social policy management, including in the international context, are considered.

The article also outlines the importance of the relationship between political management and social and labor relations, since the key direction of the evolution of social policy is the addition of state support measures and the activation of human investment policies. In addition, the paper substantiates the transition from strict power verticals to network coordination mechanisms aimed at strengthening the impact on the stability of political and improving social and labor relations.

The authors conclude that the adaptation of the state to new realities involves the development of network forms of interaction between subjects of social policy and the development of coordinated solutions based on the principles of social responsibility and inclusivity. That is, a policy that would ensure alignment of interests and flexibility of management, as well as reduce the dominance of authoritarian and hierarchical forms of government. The authors propose to use the potential of networking as a tool to increase the sustainability of the modern state.

The research materials may be of considerable interest to government authorities responsible for the development and implementation of social policy, specialists in the field of sociology, economics and political science to understand the mechanisms of functioning of modern social policy.

Keywords: *social policy, hierarchical-network network management model, adaptation, geopolitical and technological transformations, network management, social and labor relations, social responsibility, inclusivity, principles of economic efficiency, social justice, measures of state support*

For citations : Lyublinsky, V.V., Makushina, L.V. (2025) Adaptation of State Social Policy in the Context of the Formation of a Hierarchical Network Management Model. Central Russian Journal of Social Sciences. Vol. 20. no.4. P.11-28. EDN: GSAFET

© Lyublinsky V.V., Makushina L.V., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи – исследование социальной политики в условиях геополитических и технологических трансформаций, кризиса социального государства, формирования иерархо-сетевой модели управления.

Актуальность темы состоит в том, что вопросы социального развития начинают приобретать особое место в политике и стратегии государства. Основные задачи: проанализировать состояние и тренды развития социальной политики в России на современном этапе; рассмотреть вопросы, связанные с развитием социально-трудовых отношений; определить, насколько нынешняя модель социальной и социально-трудовой политики отвечает текущим и перспективным целям развития России; оценить влияние сетевого фактора на характер управления социальной политикой. Анализ проведен в контексте трансформации модели управления политикой, а именно усиления в ней сетевого фактора и снижения роли фактора иерархии. Сделан вывод, что, во-первых, происходит формирование гибкой модели социальной политики, сочетающей позитивные стороны централизованной (иерархической) и децентрализованной (сетевой) модели; во-вторых, это дает возможность расширить участие общества, социальных групп и граждан в формировании и реализации социальной политики, в решении социальных проблем.

В работе над статьей использованы методы, позволяющие с учетом специфики данной темы объективно в совокупности рассмотреть вопросы состояния и развития социальной политики и трудовых отношений в России, в том числе в международном контексте, а также изменения в характере управления социальной политикой. В этих целях применены сетевой подход, методы политико-экономического, сравнительного и статистического анализа.

На протяжении многих десятилетий социальная политика в различных странах, в том числе и в России, была ориентирована на становление и укрепление социального государства. Она служила важным инструментом консолидации общества, объединения разнородных социальных и профессиональных интересов, а также регулирования сложных общественных процессов, придавая им организованный и целенаправленный характер. В подобном государстве приоритет в политических решениях отдается социальному развитию и принципам взаимодействия, а основной задачей становится повышение уровня жизни и благополучия населения.

Во многом в становлении социального государства нашла отражение «объективная необходимость интенсификации взаимодействия государственных и общественных институтов, обусловленная усложнением социальной структуры современного общества» (Голубев, 2024). Основу социального государства составляет сочетание ответственности власти перед обществом с развитой демократической системой, действенными профсоюзами и эффективным социальным законодательством. Со временем оно трансформируется в мощную разветвленную сетевую структуру, нацеленную на обеспечение «достойной жизни» (Касавина, 2019, С. 26). Следует отметить, что провозглашение социальных прав государством во многом обусловлено политическими факторами. Во многих странах наблюдается значительный разрыв между социальными правами, закрепленными в законах, и их фактической реализацией. С точки зрения власти важно, чтобы люди ощущали, что живут в условиях, где обладают возможностью воспользоваться этими правами, даже если на практике сделать это бывает весьма затруднительно.

Государство вынуждено искать баланс между необходимостью сохранения социальных обязательств и ограниченными ресурсами для их финансирования в условиях геополитической нестабильности. Санкционное давление, изменения в структуре мировых рынков капитала и технологий усиливают внутренние противоречия социально-экономических систем, создают новые риски для социальной устойчивости. С другой стороны, на фоне ускоряющихся технологических изменений, широкого распространения неформальной и платформенной занятости происходит качественная перестройка трудовых отношений, в результате чего классические формы социальной защиты, основанные на стабильной занятости и институтах индустриального общества, теряют свою универсальность. Возникают новые типы профессиональной идентичности, увеличивается сегментация рынка труда, усиливаются различия между защищенными и незащищенными категориями работников. В связи с этим представляется, что период роста социального государства и связанной с ним политикой в пользу граждан подходит к своему завершению.

Происходящие в мире трансформации всё сильнее затрагивают государство в основных сферах социальной деятельности. Оно испытывает растущее давление внутренних, внешних и глобальных факторов, а власти в своей новой социальной политике руководствуются принципом минимизации расходов. Как отмечает Дж. Стиглиц, на данном этапе развитие социального государства в рамках традиционного подхода становится всё менее устойчивым (Стиглиц, 2020). В таких условиях социальное государство де-факто прекращает свое существование. В итоге под сомнение ставятся многочисленные социальные завоевания, а существующие проблемы в социальной сфере обостряются и всё чаще приобретают конфликтный политический оттенок. Основная причина этого в том, что в западном мире «общественный консенсус, подразумевающий улучшение условий жизни в обмен на лояльность» (Садовая, 2025), приказал долго жить, став непосильным бременем для экономики. Происходит эрозия социальной модели ЕС, обусловленная неэффективностью социальной политики (Лункин, 2024). Но при этом существенная часть западных политических элит, как и значительная доля общества, по-прежнему не осознает в полной мере последствий происходящих в социально-политической стратегии изменений. В условиях, когда свершается преобразование глобального социально-экономического и политического мироустройства, сопровождающееся усилением международной напряженности, особенно актуальным становится вопрос о дальнейшем развитии социального государства в России.

В этой связи необходимо отметить, что социальная политика формируется исходя не только из внутренних проблем, но и из внешних факторов. Благоприятная международная обстановка позитивно отражается на социальной политике, позволяя государству повышать удельный вес социальных расходов в бюджете и ВВП. Напротив, в условиях обострения международной ситуации, СВО, конфронтации с Западом, как это уже происходит на протяжении длительного времени, на первый план выходят задачи, связанные с укреплением обороны и безопасности страны, что требует увеличения соответствующих расходов. Поэтому перед лицом экзистенциальной угрозы Россия вынуждена корректировать приоритеты в политике, делать больший акцент на обороне, безопасности и поддержании правопорядка, что не может не отражаться на социальных расходах, хотя власти стремятся к оптимизации бюджета страны. Население в основном понимает характер ситуации, в которой оказалась страна, и поддерживает правительство (Левашов, 2024).

Эволюция социальной политики в современных условиях

Высокий уровень сплоченности общества в России, однако, не отменяет того, что в стране существует реальная угроза экономической рецессии и роста социально-политической конфликтности. Сейчас положение России в значительной степени поддерживается за счет военной мощи, роста ОПК, успешного развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности. Но эти усилия и достижения не вполне сбалансированы с экономическими и социальными проблемами, в частности развития передовых технологий и достойной занятости. Со временем подобные процессы способны повлиять на международный авторитет России, что, в свою очередь, неизбежно отразится и на внутренней ситуации в стране. Это в полной мере относится и к сфере государственной политики, направленной на решение социальных вопросов. Властям не стоит ограничиваться оптимистичными заявлениями о рекордно низком уровне безработицы в 2025 году. Ключевые проблемы остаются прежними – высокая инфляция, снижение уровня жизни, рост бедности, чрезмерное социальное расслоение и неравенство доходов. Даже предпринятые меры по увеличению зарплат и социальных выплат в бюджетной сфере не успевают компенсировать реальные темпы инфляции.

В условиях продолжающихся социально-экономических преобразований обостряются вопросы занятости и нехватки квалифицированных кадров, усиливается дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда. Прогнозы здесь остаются тревожными: страну ожидают масштабные перемены в сфере труда, утрата актуальности одних профессий и появление новых. Это приведет к перестройке всей социально-профессиональной структуры общества. Указанные процессы требуют объективного анализа и своевременных решений со стороны государства и гражданского общества, поскольку они способны повлиять на общественную стабильность, усилить социально-политическую напряженность и спровоцировать конфликты.

Одной из наиболее острых и устойчивых социальных проблем в современной России остается чрезмерно высокий уровень социального неравенства. Несмотря на то, что в официальной риторике власти неоднократно признавали его наличие и потенциальную опасность для социальной стабильности, данная проблема на протяжении трёх десятилетий фактически не рассматривалась как приоритетная при выработке и реализации государственной социальной политики. Государственные стратегии, ориентированные преимущественно на обеспечение макроэкономической устойчивости и стимулирование экономического роста, часто игнорировали перераспределительные механизмы и проблемы социальной справедливости. В результате борьба с бедностью и неравенством оставалась периферийной задачей, а не системным направлением деятельности социального государства. Формально Конституция Российской Федерации закрепляет принципы социального государства (ст. 7), однако их практическая реализация сталкивается с институциональными и политическими ограничениями, а политика, направленная на сокращение неравенства, имеет фрагментарный и реактивный характер: меры поддержки вводятся ситуативно, а не как часть долгосрочной стратегии социального развития.

Кроме того, заметно снизилась эффективность социальной политики: она не обеспечивает устойчивое развитие, не нацелена на формирование справедливого общества, а значит, не способствует снижению неравенства и борьбе с бедностью, хотя именно эта задача является наиболее важной для настоящего и будущего России. Новая модель социальной политики, по сути, должна объединять два

ключевых принципа – эффективность и справедливость – в целях оптимального распределения ресурсов и роста общественного благосостояния. Однако достичь баланса между ними – очень непростая задача из-за противоречий между интересами участников социально-экономических отношений – работодателей и наёмных работников.

В контексте дальнейшего развития страны всё более актуальной становится задача создания такой системы управления, при которой эффективность и справедливость не противоречат, а усиливают друг друга. В то же время работодатели, руководствуясь логикой «рыночной справедливости» и стремлением к максимизации прибыли, не всегда учитывают социальные аспекты своей деятельности. В результате достижение социальной гармонии в рамках подобной модели остается серьезным вызовом. Одна из причин такого положения в том, что по большому счету в социально-политических отношениях принципиальных изменений не просматривается. И это во многом связано с чрезмерным характером рыночной стихии (чисто «рыночного регулирования»), которая навязывает обществу новые базовые ценности, поглощает человека, нанося одновременно удар по традиционным и духовно-нравственным ценностям. В подобной ситуации у государства есть возможность сглаживать существующие перекосы, уменьшая масштаб социального неравенства до уровня, безопасного для общества и благоприятного для экономики. Добиться этого можно при помощи механизма перераспределения доходов, в первую очередь через налоговую систему и целевые социальные программы.

Сравнительный анализ социальной политики во второй половине XX века определяет оптимальный уровень дифференциации доходов между крайними децильными группами населения не более чем в 5–7 раз. При этом, даже по данным официальной статистики, децильный коэффициент в России уже давно превысил общепринятый критический десятикратный уровень и составляет свыше 15 единиц¹. В такой ситуации невозможно устранить сам принцип социальной конкуренции – реальной борьбы людей за более высокое положение в обществе, которая со временем, вероятнее всего, станет еще более интенсивной. Формально государство в этом вопросе выступает арбитром, социально нейтральным и ответственным участником политических отношений. Но фактически оно таковым никогда не являлось ни в России, ни в мире. Как правило, оно склоняется в сторону позиции благополучной части общества, тех групп, которые располагают экономической властью. Одновременно с этим значение политического фактора в социально-экономическом развитии возрастает по мере усложнения общественной структуры. Это объясняется тем, что любые отклонения в процессе развития могут привести к серьезным социальным последствиям, предотвратить которые возможно используя политические механизмы и своевременные управленческие решения.

Если рассматривать концепцию социального государства, то в рамках капиталистической системы оно, скорее, представляет собой исключение из общих закономерностей, своеобразную социальную аномалию. В основном оно было призвано улучшить внешний облик общества, которое преследовало исключительно коммерческие цели. В таких условиях возможности социального государства становятся весьма ограниченными. Сейчас оно во многих случаях скорее формально, чем реально: социальные расходы в странах Запада

---

¹ Глава КС заявил, что социальное неравенство в РФ почти вдвое превысило критический порог. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19515485/> (дата обращения: 03.06.2025).

сокращаются, а социальное государство превращается в объект всё возрастающей критики (Лункин, 2024). Оно становится больше воспоминанием о былом расцвете, золотом веке, при этом меньше внимания уделяется тому, что социальное государство призвано стоять на страже социальной справедливости и обеспечивать приоритет интересов большинства граждан. Напротив, в сложившихся условиях происходит разворот в сторону ужесточения социальной конкуренции, роста несправедливости и социального неравенства. В результате развивается процесс утраты государствами «изначальной просоциальной природы и ориентации на достижение общественного блага» (Якунин, Володенков, Багдасарян, Вилисов, 2024).

Это и неудивительно, учитывая, что буржуазное социальное государство, как оно формировалось на Западе во второй половине XX столетия, призвано было за счет некоторых уступок укрепить экономическую и политическую власть крупного капитала, сохраняя прежнюю систему отношений. Стратегическая цель тогда состояла в том, чтобы оно сыграло временную роль амортизатора напряжений и конфликтов в обществе, а впоследствии, по замыслу властей, прекратило постепенно свое существование. Фактически тогда был сделан акцент на его последующей трансформации в государство социального вспомоществования, иными словами, на снижении социальной активности государства. И это фактически происходит сейчас, что свидетельствует о кризисе социального государства в странах Запада, которое оказывается не в силах противостоять «тенденции увеличения социальных разрывов, обусловленной чрезмерной концентрацией капитала, что становится несовместимо с ценностями и принципами социальной справедливости» (Piketty, 2014, P. 26).

При рассмотрении социальных проблем необходимо также учитывать то, что «цифровые технологии все в большей степени позволяют персонализировать политику и предоставление услуг с учетом индивидуальных особенностей и обстоятельств» (Непман, 2022, P.545). Развитие цифровых и сетевых коммуникационных технологий трансформирует социально-политические связи, делая их более прозрачными и результативными. Граждане становятся активными наблюдателями и участниками политического процесса. Современные средства связи предоставляют различным социально-профессиональным группам реальные возможности влиять на политические решения, особенно те, которые напрямую затрагивают их интересы. В результате политические отношения начинают точнее отражать актуальные социальные процессы и создают потенциал для улучшения ситуации в обществе, решения социальных проблем через механизмы обратной связи.

ФОРМИРОВАНИЕ КООРДИНАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ ПОЛИТИКИ

В современном обществе политические отношения всё сильнее определяются изменениями в социально-трудовой сфере. Власть утрачивает прежнюю возможность полностью контролировать процессы в обществе. Авторитарные модели управления и ограниченные элитами или олигархическими группами формы политических отношений, которые исключают широкое участие граждан в формировании политики, в эпоху цифровых технологий постепенно теряют актуальность. Власть вынуждена адаптироваться, переходя к координационной модели, где решения принимаются через согласование интересов с активным использованием современных коммуникационных средств. Одновременно изменяется сама структура управления социальной сферой. В прежние десятилетия преобладала иерархическая, бюрократическая модель, где

ключевые решения принимались на уровне государства. В цифровую эпоху всё большее значение приобретают сетевые формы координации, основанные на горизонтальных связях, межсекторальном взаимодействии и участии негосударственных акторов – бизнеса, некоммерческих организаций, профессиональных сообществ и самих граждан (Castells, 2010). Такая трансформация требует изменения управленческой логики – от директивного администрирования к партнерству и совместному принятию решений. Здесь проявляется тесная взаимосвязь между политическими и социально-трудовыми процессами, а устойчивость политической системы во многом определяется способностью государства и бизнеса совместно обеспечивать достойные условия труда и базовую социальную безопасность.

Суть сетевой координации политики, особенно в социальной сфере, заключается в том, что она становится многосубъектной, участие в ее формировании принимают различные акторы, обладающие значительными ресурсами влияния и преследующие свои интересы в соответствующей области. При этом их вклад в процесс разработки и реализации политики различен по значимости. Основная роль по-прежнему остается за государственными структурами, которые отвечают за финансирование, стабильность, стратегическое развитие, макроэкономическое и отраслевое регулирование. Бизнес сфокусирован на производстве товаров и услуг, получении прибыли, конкуренции, управлении ресурсами и обеспечении факторов производства. Профсоюзы выступают защитниками интересов наёмных работников, заботятся о занятости, условиях и оплате труда, способствуя более справедливому распределению доходов. Политические партии формируют политическую повестку, разрабатывают социально-экономические программы и ведут борьбу за электорат. Общественные организации действуют в пределах своих направлений деятельности, а правоохранительные органы обеспечивают законность, стабильность и контроль за соблюдением социального законодательства в сфере трудовых отношений. При этом некоторые авторы считают, что «необходимо обновление социального контракта государства, бизнеса и гражданского общества, распределение между ними социальной ответственности» таким образом, чтобы сократить социальные расходы государства (Веряскина, 2018).

В силу большей открытости такая модель формирования политики предполагает меньше иерархичности и бюрократии и больше демократичности. А в этой связи допускает участие в ее формировании множества акторов, в том числе возможность для граждан («человека политического») влиять на политику, учитывая революционные изменения в коммуникационных технологиях (Михайленок, Назаренко, 2023). В результате это приводит к тому, что принимаемые политические решения становятся более проработанными и эффективными. В России, однако, в значительной части общества и государства пока сильно противодействие такому подходу, а социальное государство в условиях столь значительных социальных разрывов превращается в чисто формальное явление. Поэтому рано или поздно оно вынуждено будет инициировать новую политику на основе принципа динамического социально-политического равновесия и большего учета насущных интересов граждан.

В России политика государства в социально-трудовой сфере может быть охарактеризована как пассивно-реактивная, при которой оно вмешивается в экономические и социальные процессы в ответ на уже возникшие проблемы, а не на основе долгосрочного планирования и прогнозирования. Такой политике

свойственно отсутствие системного подхода, характерным является реагирование на проблемы по факту, когда фокус внимания направлен на устранение негативных последствий от уже произошедших событий, а не на устранение причин их возникновения. При этом инвестиции в будущее или превентивные меры не являются приоритетом. Реактивная политика отличается от пассивной политики тем, что направлена на оперативное преодоление нештатных ситуаций, но всё же является ответной реакцией. Таким образом, пассивно-реактивная политика является наименее эффективным типом управления, поскольку не только не предотвращает проблем, но часто даже не обеспечивает их надежного решения из-за отсутствия стратегического планирования и системного подхода.

В политике государства в сфере социально-трудовых отношений в России длительное время доминировал патерналистский подход, она была ориентирована на обеспечение базовых, но минимальных потребностей граждан. Однако со временем эта модель стала утрачивать эффективность, поэтому государство начинает переходить от чисто директивного (иерархического) управления к сетевому взаимодействию и социальному партнерству. В условиях развития сетевых отношений акцент делается на усилении функций государства как организатора и посредника, а также на делегировании полномочий (Люблинский, 2019). Это связано с задачей оптимизации политики, решением проблем стратегического развития, укрепления суверенитета страны и консолидации общества.

Управление социально-трудовыми отношениями в Российской Федерации осуществляется на государственном уровне посредством деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд России) и Федеральной службы по труду и занятости (Роструд). В компетенцию Минтруда России входит реализация государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере труда, занятости и управления трудовыми ресурсами, а также разработка и исполнение законодательных актов, направленных на совершенствование системы трудовых отношений. Роструд, в свою очередь, выполняет функции государственного контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства, прав работников и работодателей, а также обеспечивает реализацию государственных услуг в области содействия занятости населения, защиты от безработицы и организации альтернативной гражданской службы.

Ключевым нормативно-правовым документом, определяющим основы регулирования трудовых отношений, является Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ). Он закрепляет права и обязанности сторон трудового договора, порядок его заключения, условия труда, изменения и расторжения, регламентирует вопросы охраны труда, социальные гарантии работников и механизмы защиты трудовых прав. На уровне организаций и индивидуальных предпринимателей регулирование социально-трудовых отношений осуществляется посредством коллективных договоров и соглашений, заключаемых между работниками и работодателем (в лице их представителей). Эти документы конкретизируют положения трудового законодательства, определяют взаимные обязательства сторон и направлены на обеспечение социального партнерства в сфере труда.

Анализ наиболее важных социальных проблем развития России в контексте актуальных и перспективных вызовов глобального и регионального уровня дает представление об изменении роли государства в формировании

социальной политики. В первую очередь речь идет о делегировании полномочий, а значит, о снижении роли фактора иерархии и возрастании роли сетевого фактора – горизонтальных взаимодействий и согласований политических решений. Результатом может стать демократизация политики и управления в социальной сфере и более эффективное решение социальных проблем текущего, среднесрочного и стратегического периода. В условиях сетевого общества у людей появляется возможность значительно расширить доступ к информации, обмениваться ею, вырабатывать собственные позиции и предпринимать действия для защиты своих социально-экономических интересов и политических прав, а также решать профессиональные и бытовые задачи, не покидая дома. Благодаря этому политические отношения могут точнее отражать реальную социальную ситуацию и создавать потенциал для ее улучшения через механизмы обратной связи, которые властям уже невозможно игнорировать или обходить. Особую роль при этом играет фактор социального капитала, который призван повышать эффективность развития за счет снижения транзакционных издержек через вовлеченность, взаимодействие и взаимное доверие. Исследования показывают, что граждане, активно участвующие в сетевых сообществах, обладают большими возможностями для успешной реализации своих жизненных планов. В результате формируется новая демократическая модель политических отношений, представляющая собой значительный шаг вперед в социально-политическом развитии.

Развитие сетевых отношений в данной сфере может означать децентрализацию управления, в том числе передачу части полномочий по управлению социальными услугами на уровень местного самоуправления и общественных организаций, развитие сетевых сообществ и проектов, активное участие граждан в решении социальных проблем, а также использование информационных технологий для повышения эффективности социальных услуг. Особенно актуальной становится поддержка проектов, организаций и инициатив граждан, направленных на решение социальных проблем. Происходит вовлечение граждан в решение социальных проблем, получают развитие механизмы гражданского участия, волонтерства.

В целом это сложный и многогранный процесс, который может принести значительные преимущества, но также требует внимательного планирования и управления. Одним из преимуществ сетевой структуры в социальной сфере является повышение ее эффективности, гибкости и адаптивности к изменяющимся условиям, что позволяет быстрее реагировать на социальные проблемы, повышает доступность социальных услуг для различных групп населения. При этом происходит повышение их социальной активности через развитие инновационных сетевых структур, которые способствуют обмену опытом и знаниями, что может привести к разработке новых и более эффективных решений социальных проблем.

Вместе с тем существуют определенные проблемы в социальной сфере, для решения которых необходимы координация и сотрудничество между участниками сетей. Проблемы могут возникнуть в первую очередь из-за неконтролируемой децентрализации, неравномерного развития сетевых структур, что чревато снижением качества социальных услуг, ростом социального неравенства. Важнейшей проблемой при этом остается необходимость обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных.

Проблемы и политика в сфере занятости

С целью обеспечения устойчивого и целенаправленного финансирования социально значимых программ в Российской Федерации сформирована система внебюджетных фондов социального назначения, которые аккумулируют денежные ресурсы на строго определенные цели, закрепленные законодательством. Особенностью функционирования данных фондов является их нахождение вне структуры федерального и региональных бюджетов, что придает им финансовую и организационную самостоятельность. Доходная база внебюджетных фондов формируется преимущественно за счет обязательных страховых взносов работодателей, индивидуальных предпринимателей и самих работающих граждан. Таким образом, их наполняемость и финансовая устойчивость напрямую зависят от состояния рынка труда, уровня занятости населения и динамики заработной платы. Следовательно, между устойчивостью внебюджетных фондов и социально-экономическими процессами в сфере трудовой деятельности существует прямая корреляция.

Одновременно с деятельностью государственных внебюджетных фондов в российской экономике развивается институт корпоративной социальной ответственности. Современные предприятия, стремясь повысить социальную устойчивость и лояльность персонала, реализуют собственные программы поддержки работников. К числу таких мер относятся: создание корпоративных пенсионных систем, реализация программ добровольного медицинского страхования, предоставление различных социальных льгот и компенсаций. Эти инициативы формируют дополнительный уровень социальной защиты трудящихся и в совокупности способствуют снижению нагрузки на государственные механизмы социального обеспечения. Таким образом, сочетание государственных и корпоративных форм социального страхования образует комплексную систему защиты граждан, где устойчивость и эффективность каждого элемента во многом определяются состоянием экономики, уровнем деловой активности и качеством институтов регулирования трудовых отношений.

Одна из острых проблем в сфере занятости и социально-трудовых отношений, которые актуальны в последнее время, – это тотальный дефицит кадров. В 2024 году безработица в РФ сократилась до исторического минимума и составила 2,3 %, в связи с чем ситуация, обусловленная нехваткой рабочей силы и необходимостью конкурировать за сотрудников, стала одним из главных трендов рынка труда. По данным Института развития предпринимательства и экономики, с этой проблемой сталкиваются более 90 % компаний в России¹. Минтруд прогнозирует, что дефицит кадров к 2030 году составит более 3 млн человек, так как экстенсивные методы их пополнения исчерпаны ввиду демографической ситуации в стране². Кроме того, происходит сокращение притока иностранной рабочей силы в РФ как по экономическим причинам, так и в связи с ужесточением миграционной политики. Сдерживающим фактором обновления кадров за счет внутренних трудовых ресурсов, выпускников колледжей и техникумов, в первую очередь в отдаленных регионах и малых городах, становится

---

¹ Валерий Выжutowич. Более 90 % компаний сталкиваются с нехваткой сотрудников... – URL: <https://rg.ru/2025/02/25/na-rabotu-priglashaiutsia.html?ysclid=mhg8udxb98554371825/> (дата обращения: 03.06.2025).

² Дмитрий Гончарук. Минтруд прогнозирует дефицит кадров на уровне 3,1 млн к 2030 году. – URL: <https://rg.ru/2025/01/24/mintrud-prognoziruet-deficit-kadrov-na-urovne-31-mln-k-2030-godu.html?ysclid=mhg8wol6pb266461931/> (дата обращения: 03.06.2025).

недостаточно развитая и привлекательная для молодежи социальная инфраструктура этих мест, и только решив задачу ее развития можно привлечь туда молодых специалистов.

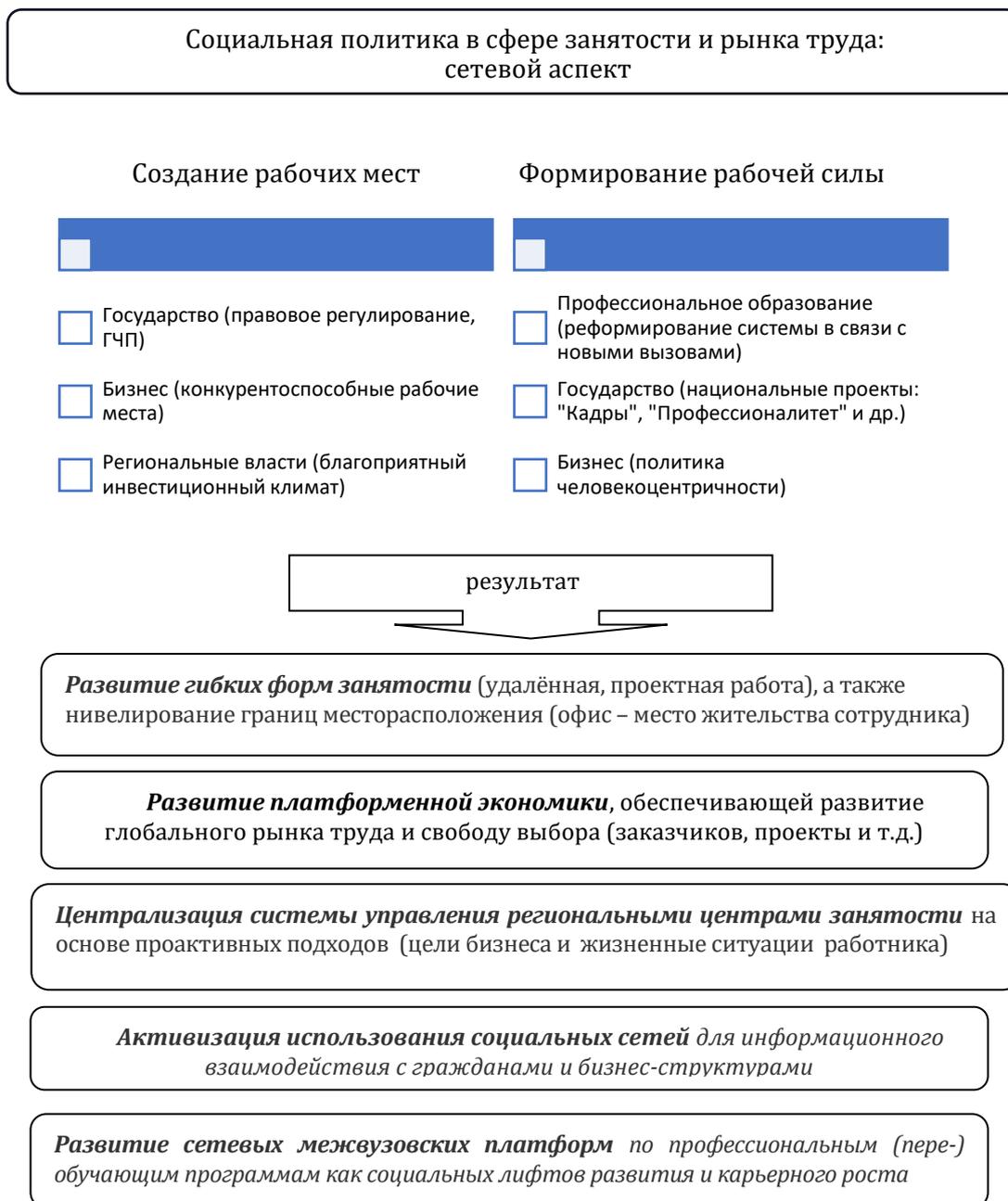

Рисунок 1 - Сетевые аспекты реализации социальной политики в сфере занятости и рынка труда

Figure 1 - Network Aspects of the Social Policy Implementation in the Field of Employment and the Labor Market

Еще одной серьезной проблемой в сфере занятости становится нехватка высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров для осуществления реиндустриализации страны в условиях санкционного давления. Как было заявлено на X Всероссийском форуме «Национальная система квалификаций России», для реализации крупных инвестиционных проектов в России требуется дополнительно примерно 1,5 млн квалифицированных работников: около миллиона со средним профессиональным образованием и около 500 тыс. – с высшим. Проблему дефицита кадров предполагается решать путем приведения подготовки и переподготовки специалистов в соответствие с текущими и перспективными потребностями экономики. Для любого работника становится объективной необходимостью постоянно повышать свою квалификацию и профессиональную мобильность. Так, по расчетам специалистов, примерно 40 % работников столкнутся с этим уже в ближайшие годы¹.

Преодоление кризиса на рынке труда и в сфере занятости возможно только при консолидации усилий всех субъектов социально-трудовых отношений и переходе от иерархической структуры управления к сетевой. Задача государства при этом состоит в определении перспективной потребности страны в специалистах по регионам и отраслям, в реализации национальных проектов «Профессионалитет», «Кадры», «Производительность труда», реформировании системы профессионального образования. Решение проблемы требует комплексного подхода, включающего не только масштабную подготовку специалистов, но и повышение производительности их труда.

В целях обеспечения устойчивого развития бизнес в кооперации с госструктурами активно включается в процесс формирования трудовых ресурсов. Для этого он осуществляет создание на предприятиях конкурентоспособных рабочих мест, призванных обеспечивать «достойную занятость», а также принимает непосредственное участие в образовательных проектах, сотрудничает с профильными вузами, ссузами, предпрофессиональными классами в школах в целях подготовки нужных специалистов. В феврале 2025 года на заседании Совета по науке и образованию Президент Российской Федерации заявил, что сначала «бюджетные места должны получать вузы и колледжи с высокими результатами по подготовке кадров... А это [высокие результаты подготовки] в первую очередь достойная заработная плата выпускников и трудоустройство их по специальности»². Поиск специалистов, владеющих необходимыми навыками, а не в соответствии с их должностью, дает возможность работодателям быстрее находить нужные кадры, а соискателям – подходящую работу. Всё большее распространение в контексте устойчивого развития и социальной ответственности бизнеса получает создание корпоративных университетов, в которых работники получают необходимые для работы в данной компании компетенции и навыки. Важным принципом корпоративного менеджмента становится развитие сотрудников через «управление талантами» и наставничество.

В связи с начавшейся в России реиндустриализацией в условиях санкционного давления особенно актуальной становится тема возрождения начального профессионального образования. Отметим, что проблема дефицита кадров в реальном секторе экономики осознается политиками. Как считает председатель Госдумы В. В. Володин, сейчас подготовка кадров в профессионально-технических

---

¹ Газета «Солидарность». 2 декабря 2024 г. – URL:<https://dzen.ru/a/Z02kp0Dyb1ZXIoD7?ysclid=mhg7micnlv259659095/> (дата обращения: 02.04.2025).

² Заседание Совета при Президенте по науке и безопасности (6 февраля 2025 года). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76222/> (дата обращения: 02.04.2025).

училищах (ПТУ) практически не ведется, дефицит кадров огромный, а «надо, чтобы на рынок труда пришло как можно больше профессиональных рабочих». При этом спикер Совета Федерации В. И. Матвиенко подтверждает, что вузы сейчас готовят много специалистов, которые не востребованы на рынке труда. Она предлагает сокращать прием на такие специальности и за счет этого увеличивать прием в ПТУ. С ними солидарен и глава Минпросвещения С. С. Кравцов, предлагающий вернуть в Россию начальное профессиональное образование, реформировав его в соответствии с новыми вызовами¹.

Исследования сервиса SuperJob показывают, что абсолютное большинство россиян высказываются за возвращение системы бесплатного профобразования для старшеклассников². Следует отметить, что правительство, по информации ТАСС, уже начало работу над новой моделью начального профессионального образования. Предполагается, что обучать в училищах нового типа будут только тем рабочим профессиям, которые являются приоритетными и перспективными для регионов, срок обучения в них составит 0,5–2 года. Вместе с тем среди респондентов, участвовавших в опросе SuperJob, были и противники идеи возрождения ПТУ (их меньшинство), которые считают, что средние общеобразовательные школы намеренно ограничивают допуск детей до 10-х классов, чтобы таким образом уменьшить количество абитуриентов вузов³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход от пассивно-реактивной иерархической модели к активной сетевой политике в сфере социально-трудовых отношений требует системного использования форсайт-методов при проектировании будущего занятости и социально-трудовых взаимодействий.

Форсайт в данном контексте выступает не только инструментом прогнозирования, но и технологией социального взаимодействия, обеспечивающей согласование стратегий ключевых акторов. Применение данного подхода в бизнесе способствует оценке текущего состояния рынка, разработке эффективных стратегий развития и повышению устойчивости к кризисным ситуациям.

В профессиональном образовании форсайт позволяет выявлять перспективные направления подготовки кадров и адаптировать образовательные программы к будущим потребностям рынка труда. В технологической сфере использование форсайт-методов обеспечивает возможность соотнесения инновационных разработок с вероятными сценариями будущего и оценки их потенциального влияния на общество, экономику и другие области.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что на современном этапе происходит трансформации в системе управления социальной политикой, обусловленных необходимостью формирования сетевой модели социальной политики на основе взаимовыгодных партнерских отношений государства, бизнеса и общества для обеспечения долгосрочного устойчивого развития России (Грибанова, 2021, С. 113).

---

¹ Полина Бирюкова. ПТУ вернут, но под новым названием? Что происходит с профобразованием в России. – URL: <https://mel.fm/zhizn/povestka/831472-ptu-vernut-no-pod-novym-nazvaniyem-cto-proiskhodit-s-profobrazovaniyem-v-rossii?ysclid=mhg8rrbeie954225889/> (дата обращения: 03.04.2025).

² 85% россиян — за возврат к системе бесплатного профессионального обучения старшеклассников. Superjob. <https://www.superjob.ru/research/articles/115117/85/> (дата обращения: 03.04.2025).

³ Полина Бирюкова. ПТУ вернут, но под новым названием?.. Что происходит с профобразованием в России. – URL: <https://mel.fm/zhizn/povestka/831472-ptu-vernut-no-pod-novym-nazvaniyem-cto-proiskhodit-s-profobrazovaniyem-v-rossii?ysclid=mhg8rrbeie954225889/> (дата обращения: 03.04.2025).

Сетевизация социальной сферы влечет за собой изменение структуры власти и управления, заключающееся в переходе от традиционной иерархической системы к более гибкой, иерархо-сетевой модели. В результате получают развитие горизонтальные связи, что позволяет устанавливать прямые отношения между различными органами власти и организациями, минуя промежуточные уровни (рис.1) . Помимо этого, получает дополнительный импульс развитие государственно-частного партнерства, привлечение частного сектора к реализации государственных проектов и программ. Формально это означает, что в результате политические решения могут быть более взвешенными и эффективными. Насколько это справедливо, покажет будущее.

В завершение отметим, что, по нашему мнению, Россия может успешно развиваться только при наличии объединяющей идеологии, в том числе декларирующей социальную справедливость, с центром в виде сильного социального государства. В противном случае это будет государство охранительное, защищающее порядок, основанный на социальной несправедливости и жесткой иерархии. Только новое социальное государство может обеспечить консолидацию общества на основе социальной справедливости и умеренной модели социального неравенства, социальной дифференциации доходов и собственности.

Список литературы:

1. Веряскина В. П. Социальное государство в поисках оптимальной модели развития человека // Философские науки. 2018. № 2. С. 61-65. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-2-61-65 EDN: YVJBDN.
2. Воронкова О.А. Сетевая реконструкция социальной ментальности //Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19. № 2. С. 14-31. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-2-14-31 EDN: JIUWPH
3. Голубев И. С. Социальное государство как современный тип социально-политической организации общества // Философия и общество. 2024. № 2. С. 83-94. DOI: 10.30884/jfio/2024.02.05 EDN: JJKOQN
4. Грибанова О. М. Государственное управление в контексте национальных целей развития страны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 4. С. 109-119. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_4_109_119 EDN: JHYWON
5. Касавина Н. А. Феномен достойной жизни в контексте проблемы социального государства // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 22-27. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585 EDN: OTDEAG
6. Левашов В. К. Граждане России о гибридной социально-политической реальности в стране // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 113-127. DOI: 10.31857/S0132162524040107 EDN: ORLTAK
7. Лункин Р. Н. Факторы эрозии социальной модели Евросоюза // Современная Европа. 2024. № 7 (128). С. 182-195. ID: 77669621. DOI: 10.31857/S0201708324070155 EDN: IHYFUA
8. Люблинский В. В. Социальная политика в условиях развития сетевого общества // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 22-32. 10.19181/vis.2019.30.3.585. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585 EDN: BCLWVW
9. Михайленок О. М., Назаренко А. В. Сетевизация политических отношений: источник, способ, среда // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 149-153. DOI: 10.34823/SGZ.2023.9.52026 EDN: EVXNHH

10. Никовская Л.И. Особенности коммуникаций региональных социально-политических акторов сетевого взаимодействия. // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19. № 6. С. 14-34. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-6-14-34 EDN: NPILJK

11. Разумов А. А., Селиванова О. В. Основные причины и характеристики бедности работающего населения // Социально-трудовые исследования. 2023. № 52(3) С. 68-79. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-68-79 EDN: DCZEVY

12. Садовая Е. С. Социальная повестка эпохи общественных трансформаций // Полис. Политические исследования. 2025. Том 34. № 3. С. 61-75. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.05 EDN: RYTCJL

13. Щенина О.Г. Новый "сетевой человек" в политическом пространстве России: вызовы, риски или продуктивный эффект? Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 5. С. 36-62. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-5-36-62 EDN: QGZWNF

14. Сморгунюв Л. В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 13-36. DOI: 10.31249/poln/2021.03.01 EDN: KHMUCH

15. Якунин В. И., Володенков С. В., Багдасарян В. Э., Вилисов М. В. Государственная политика как объект современных научных исследований // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. № 6. С. 50-94. ISSN 0868-4841. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-50-94 EDN: LJMALN

16. Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed., with a new pref. Chichester (West Sussex): Wiley - Blackwell, 2010. 625 p. ISBN: 978-1-4051-9686-4

17. Henman Paul W. Fay. Digital Social Policy: Past, Present, Future // Journal of Social Policy. 2022. Vol. 51. № 3. P. 535-550. <https://doi.org/10.1017/s0047279422000162> EDN: KLVAVG

18. Стиглиц Джозеф. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина публицер, 2020. 430 с. ISBN: 978-5-9614-3368-5

19. Piketty, T. Capital in the Twenty- First Century. Cambridge, MA.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. 685 p.

20. Tang Z. Social Wellbeing Inequality and Solutions // Highlights in Business, Economics and Management 2024. Vol. 24. P. 1917-1922. DOI: 10.54097/6mdf0y90 EDN: ZDUKUD

References:

1. Veryaskina, V. P. (2018) Welfare State in Search of an Optimal Model of Human Development. *Philosophical Sciences*. no. 2. pp. 61-65. (In Russ). DOI: 10.30727/0235-1188-2018-2-61-65. EDN: YVJBDN.

2. Voronkova, O.A. (2024) Network reconstruction of social mentality. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 19. no. 2. Pp. 14-31. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-2-14-31 EDN: JIUWPX

3. Golubev, I. S. (2024) Welfare State as a Modern Type of Socio-Political Organization of Society. *Philosophy and Society*. no. 2. pp. 83-94. (In Russ). DOI: 10.30884/jfio/2024.02.05 EDN: JJKOQN.

4. Griбанова, O. M. (2021) Public Administration in the Context of National Development Goals of the Country. *Journal of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021. no. 4. pp. 109-119. (In Russ). DOI: 10.52180/2073-6487_2021_4_109_119 EDN: JHYWON

5. Kasavina, N. A. (2019) The Phenomenon of a Decent Life in the Context of the Problem of the Welfare State. *Voprosy Filosofii*. no. 11. pp. 22-27. (In Russ). DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585. EDN: OTDEAG
6. Levashov, V. K. (2024) Citizens of Russia on the Hybrid Socio-Political Reality in the Country. *Sociological Research*. no. 4. pp. 113-127. (In Russ). DOI: 10.31857/S0132162524040107. EDN: ORLTAK
7. Lunkin, R. N. (2024) Factors of Erosion of the Social Model of the European Union. *Modern Europe*. no. 7 (128). Pp. 182-195. ID: 77669621. (In Russ). DOI: 10.31857/S0201708324070155 EDN: IHYFUA
8. Lyublinsky, V. V. (2019) Social Policy in the Context of the Development of a Network Society. *Journal of the Institute of Sociology*. Vol. 10. no. 3. Pp. 22-32. 10.19181/ vis.2019.30.3.585. (In Russ). DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585 EDN: BCLWVF
9. Mikhailenok, O. M., Nazarenko A. V. (2023) Networking of Political Relations: Source, Method, Environment. *Social and Humanitarian Knowledge*. no. 9. pp. 149-153. (In Russ). DOI: 10.34823/SGZ.2023.9.52026 EDN: EVXNHH
10. Nikovskaya, L.I. (2024) Characteristics of Communications of Regional Socio-Political Actors in Network Interaction. *Central Russian Journal of Social Sciences*, Vol. 19, no. 6, pp. 14-34. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-6-14-34 EDN: NPILJK
11. Razumov, A. A., Selivanova O. V. (2023) Main Causes and Characteristics of Working Population Poverty. *Social and Labor Research*. no. 52(3) pp. 68-79. (In Russ). DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-68-79 EDN: DCZEVY
12. Sadovaya, E. S. (2025) Social Agenda of the Era of Social Transformations. *Polis. Political Studies*. Vol. 34. no. 3. pp. 61-75. (In Russ). DOI: 10.17976/jpps/2025.03.05 EDN: RYTCJL
13. Shchenina, O.G. (2023) The New "Networked Man" in Russia's Political Space: Challenges, Risks, or a Productive Effect?" *Central Russian Journal of Social Sciences*, Vol. 18, no. 5, pp. 36-62. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-5-36-62 EDN: QGZWNF
14. Smorgunov, L. V. (2021) Digitalization and Network Efficiency of State Governance. *Political Science*. no. 3. pp. 13-36. (In Russ). DOI: 10.31249/poln/2021.03.01 EDN: KHMUCH
15. Yakunin, V. I., Volodenkov S. V., Bagdasaryan V. E., Vilisov M. V. (2024) Public Policy as an Object of Modern Scientific Research, *Journal of Moscow University. Series 12: Political Sciences*. 2024. No. 6. Pp. 50-94. (In Russ). DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-50-94 EDN: LJMALN
16. Castells M. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed., with a new pref. Chichester (West Sussex): Wiley - Blackwell, 2010. 625 p. ISBN: 978- 1-4051-9686-4
17. Henman Paul W. Fay. (2022) Digital Social Policy: Past, Present, Future. *Journal of Social Policy*. Vol. 51. N. 3. P. 535-550. DOI: 10.1017/s0047279422000162 EDN: KLVAVG
18. Stiglitz J. (2020) *Progressive Capitalism in the Era of Mass Discontent*. M., Alpina Publisher, 430 p.
19. Piketty, T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. 685 p.
20. Tang, Z. (2024) Social Wellbeing Inequality and Solutions. *Highlights in Business, Economics and Management*. Vol. 24. P. 1917-1922. DOI: 10.54097/6mdf0y90 EDN: ZDUKUD

Сведения об авторах:

Виктор Викторович Люблинский, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения социально-политических отношений Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, к. 5, e-mail: lyubl.victor@yandex.ru, SPIN-код: 8449-1930, AuthorID: 372377, ORCID 0000-0002-2178-6124

Лариса Викторовна Макушина, кандидат исторических наук, доцент по специальности «экономика и управление народным хозяйством», старший научный сотрудник Центра изучения социально-политических отношений Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, к. 5, e-mail: maklav2006@yandex.ru, SPIN-код: 7828-3439, AuthorID: 672719, ORCID 0000-0002-9269-8092

About the authors:

Viktor V. Lyublinsky, Doctor of Political Sciences, Main Researcher of the Center of Socio-Political Relations, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: lyubl.victor@yandex.ru SPIN code: 8449-1930, AuthorID: 372377, ORCID 0000-0002-2178-6124.

Larisa V. Makushina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor in Economics and Management of National Economy, Senior Researcher of the Center of Socio-Political Relations, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: maklav2006@yandex.ru, SPIN code: 7828-3439, AuthorID: 672719, ORCID 0000-0002-9269-8092.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и написание статьи. Все авторы утвердили окончательный вариант статьи, несут ответственность за целостность всех частей статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: The authors made an equal contribution to the research and writing the article. The authors have approved the final version of the article, and are responsible for the integrity of all parts of the article.

© Люблинский В.В., Макушина Л.В., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ УПРАВЛЕНИЯ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТЬЮ ОБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ**

А. Ю. Кузьмичев

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82*

Поступила
в редакцию
26.03.2025

Поступила
после
рецензирования
14.07.2025

Принята
к публикации
29.09.2025

Аннотация. *Повышение операционной эффективности государственной политики управления антитеррористической защищенностью (далее – АТЗ) объектов является необходимым условием обеспечения национальной безопасности в условиях развязанной против Российской Федерации гибридной войны.*

Цель статьи – *посредством системного анализа институциональной среды государственной политики управления АТЗ социальных объектов выявить операционные проблемы, снижающие качество противодействия трансформирующимся террористическим угрозам в условиях гибридной войны. Областью исследования выступают государственное управление и отраслевая политика в сфере АТЗ объектов. Используются системно-кибернетический и ситуационный подходы, реализация которых предполагает применение структурно-функционального метода, метода моделирования, политико-правового и управленческого анализа, что обеспечивает комплексное рассмотрение антитеррористической защищенности объектов как сложной организационной системы и позволяет переосмыслить проблему оценки качества процессов управления на различных операционных уровнях.*

Предмет исследования – *государственная политика управления АТЗ объектов.*

Результаты: *в рамках исследования раскрывается дефиниция государственной политики управления АТЗ объектов и конкретизируется ее цель. Выявлены недостатки правового, методического, кадрового обеспечения государственной политики управления АТЗ социальных объектов и низкая эффективность функционально-бюрократической модели государственного управления АТЗ объектов, которые в совокупности снижают адаптационные возможности реагирования на трансформирующиеся террористические угрозы в условиях гибридной войны. Предложены пути совершенствования антитеррористической политики в Российской Федерации на основе функционально-бюрократической модели.*

Ключевые слова: *гибридная война, политика противодействия терроризму, антитеррористическая защищенность, общегосударственная система противодействия терроризму, государственная политика управления.*

Для цитирования: Кузьмичев А.Ю., Эффективность государственной политики управления антитеррористической защищенностью объектов российской федерации в условиях гибридной войны // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – №4. – С. 29-46. EDN JYUTSG

© Кузьмичев А.Ю., 2025

EFFICIENCY OF STATE POLICY FOR MANAGING THE ANTI-TERRORIST SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION FACILITIES IN THE CONTEXT OF HYBRID WAR

A.Y. Kuzmichev

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
address: 82, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119571*

Received
26.03.2025

Revised
14.07.2025

Accepted
29.09.2025

Abstract. *Enhancing operational efficiency of state policy for managing the anti-terrorist security of facilities is a necessary condition for ensuring national security in the context of the hybrid war unleashed against the Russian Federation.*

The purpose of the article is to identify operational problems that reduce the quality of countering the transforming terrorist threats in a hybrid war by means of a systematic analysis of the institutional environment of the state policy for managing the anti-terrorist security of social facilities. The field of research is public administration and sectoral policy in the sphere of anti-terrorist protection of facilities.

Methods. System-cybernetic and situational approaches are used. A comprehensive review of the anti-terrorist security of facilities as a complex organizational system is provided by using structural and functional methods, modeling, political, legal and managerial analysis. It allows rethinking the problem of assessing the quality of management processes at various operational levels.

The subject of the study is the state policy for managing the anti-terrorist security of facilities.

In the framework of the study, the author reveals the definition of the state policy for managing the anti-terrorist security of facilities and specifies its purpose.

As a result, the author identifies the shortcomings of the legal, methodological, and personnel support for the state policy for managing the anti-terrorist security of social facilities and the low efficiency of the functional and bureaucratic model of public administration of anti-terrorist security of facilities, which together reduce the adaptive capabilities of responding to transforming terrorist threats in a hybrid war. Based on a functional and bureaucratic model, the author suggests ways to improve anti-terrorism policy in the Russian Federation.

Keywords: *hybrid warfare, anti-terrorism policy, anti-terrorist security, national counter-terrorism system, state policy for managing*

For citations: Kuzmichev, A.Y. (2025) Efficiency of State Policy for Managing the Anti-terrorist Security of the Russian Federation Facilities in the Context of Hybrid War. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol.20, no. 4, P. 29-46. EDN JYUTSG

© Kuzmichev A.Y., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Обозначившаяся в начале XXI века трансформация модели мироустройства вызвала существенное усиление межгосударственных противоречий, ослабление влияния международных институтов и развитие военно-силовых сценариев геополитического противоборства. При этом на смену концептам традиционных классических войн пришли парадигмы гибридной войны, отражающие размытость очертаний и комплексный характер применения различных невоенных видов насилия, нацеленных на дестабилизацию социальных областей жизнедеятельности государства без прямого вооруженного столкновения. В этой связи терроризм, являясь методом асимметричного воздействия на государственную власть, интегрируется в состав гибридных угроз, имеющих военно-прикладное значение, и становится, по мнению ряда исследователей, одним из способов реализации различных гибридных вооруженных конфликтов (Кафтан, 2018, С. 107–123). Под воздействием факторов гибридной войны терроризм в значительной степени трансформируется, порождая новые субъекты террористической деятельности, представляющих собой «дисперсную структуру, «рой» физических лиц», которые не связаны друг с другом или скреплены слабыми связями, что затрудняет их однозначную идентификацию и локализацию, а также повышает непредсказуемость «прямого действия» из виртуального пространства в физическую реальность повседневной жизни (Щекотин, 2016, С. 214–216).

Вследствие этого процесс предотвращения преступлений террористической направленности в условиях гибридной войны на стадии подготовки существенно усложняется, и, следовательно, возрастает значение превентивных направлений государственной антитеррористической политики, связанных в первую очередь с антитеррористической защищенностью объектов. Исходя из этого, сформулирована цель данной работы, которая заключается в выявлении операционных проблем, снижающих качество государственного управления АТЗ социальных объектов в условиях гибридной войны. Тем самым исследование призвано решить одну из основных задач обеспечения государственной и общественной безопасности, обозначенную в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (*далее – Стратегия национальной безопасности*), – как повысить уровень антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей, объектов жизнеобеспечения населения, критически важных и потенциально опасных объектов¹.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема эффективности реализации государственной политики управления антитеррористической защищенностью объектов РФ обусловлена тем, что в условиях гибридной войны террористические акты, совершённые в отношении гражданского населения и объектов инфраструктуры, выступают катализатором деструктивных внутривнутриполитических процессов и в комплексе с другими гибридными тактиками способны существенным образом влиять на устойчивость системы обеспечения национальной безопасности. Стоит отметить, что методологической основой научной статьи являются работы российских и зарубежных авторов по четырем блокам:

1) проблематике войн и гибридных войн (М. ван Кревельд, А. А. Кокошин,

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

А. Куманьков, В. В. Лапкин, В. К. Левашов, В. А. Хибарин) (Кокошин, 2019; Куманькова, 2020; Лапкин, 2023; Левашов, 2024; Хибарин, 2021); 2) терроризму и угрозам террористической деятельности (Ж. Бодрийяр, К. Г. Горбунов, К. С. Стригунов, О. Г. Боброва) (Бодрийяр, 2017; Горбунов, 2021; Стригунов, 2023; Боброва, 2024); 3) национальной безопасности, противодействию терроризму, управлению антитеррористической защищенностью (В. А. Литвинов, С. С. Босхолов, С. Н. Бабурин, О. М. Рой, А. С. Максимов) (Литвинов, 2014; Босхолов, 2023; Бабурин и др., 2014; Рой, 2023; Максимов, 2021); 4) государственному управлению и государственной политике, антитеррористической политике (А. И. Соловьев, Г. В. Пушкарева, О. В. Михайлова) (Соловьев, 2021; Пушкарева и др., 2018; Соловьев, Пушкарева, 2019). В данной статье автор, опираясь на имеющуюся методологию, представил преодоление проблем государственного управления АТЗ объектов как необходимое условие адаптации государственной антитеррористической политики Российской Федерации к трансформирующимся террористическим угрозам в условиях гибридной войны. Кроме того, автор предложил пути оптимизации антитеррористической политики, что представляет собой научную новизну, на основе функционально-бюрократической модели, которая подразделяется на федеральный (стратегический), региональный (тактический) и объектовый (операционный) уровни управления и субъекты управления.

Методами исследования заявленной темы выступают научные методы: статистические методы политического анализа, которые позволили автору обработать массивы данных; причинный анализ (пат-анализ), который помог автору представить и обосновать пути оптимизации антитеррористической политики; факторный анализ; ивент-анализ (событийный анализ, позволяющий проследить динамику процесса); дискурс-анализ (прикладной анализ текстов политических и государственных лидеров). Использует автор и метод case-study (метод ситуационного анализа).

Институциональный дизайн государственной политики управления антитеррористической защищенностью объектов

В РФ обеспечение антитеррористической защищенности (АТЗ) потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей, впервые как отдельная системная задача государственной политики противодействия терроризму была обозначена в 2009 году в «Концепции противодействия терроризму в РФ»¹. Необходимость разработки системы принятия превентивных мер для снижения риска террористических актов и смягчения последствий стала продолжением программно-плановой политики РФ по противодействию терроризму с учетом оценки текущего состояния и тенденций развития геополитической обстановки, обозначенных в Стратегии национальной безопасности². Следует отметить, что до принятия концепции террористические угрозы учитывались только на промышленных объектах при разработке систем физической защиты от угроз техногенного, природного и криминального характера. При этом под системой физической защиты понималась совокупность направленных на предотвращение актов

---

¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – № 198.

² Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.

незаконного вмешательства организационных, административных и правовых мер, инженерно-технических средств охраны и действий уполномоченных подразделений и (или) организаций¹. Однако кратно возросшее в конце XIX – начале XX века количество террористических атак на социальные объекты, в результате которых погибли или получили вред здоровью гражданские лица, обозначило необходимость изменения существующих подходов государственной антитеррористической политики и включения в перечень потенциальных объектов террористических посягательств объектов жизнеобеспечения населения с последующей разработкой мер укрепления режима их безопасного функционирования².

Вместе с тем нормативно-правовое обеспечение обозначенных в концепции подходов по организации АТЗ объектов и формирование необходимых управленческих механизмов началось только в 2013 году, когда в Федеральный закон «О противодействии терроризму», содержащий основные принципы, правовые и организационные основы противодействия терроризму в РФ, были внесены изменения, необходимые для формирования институциональных основ государственной политики АТЗ объектов (территорий). Вследствие этого в разделе основных понятий получили нормативное закрепление основополагающие для организации государственного управления в сфере АТЗ объектов дефиниции «антитеррористическая защищенность» и «место массового пребывания людей», а раздел организационных основ противодействия терроризму дополнился положениями, закрепляющими полномочия Правительства РФ устанавливать обязательные для выполнения требования к АТЗ объектов (территорий) (за исключением объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств и объектов топливно-энергетического комплекса) и обязанность физических и юридических лиц обеспечивать выполнение указанных требований в отношении объектов, находящихся в их собственности или принадлежащих им на ином законном основании³. Таким образом, была окончательно оформлена многоуровневая структура государственного управления с конкретными функциональными задачами каждого уровня и устойчивыми административно-правовыми связями, обеспечивающими требуемый характер регулирования процессов АТЗ объектов (см. табл. 1).

Государственная политика управления АТЗ объектов представляет собой обособленную систему, выделенную в среде государственной антитеррористической политики с целью решения задач управления, что согласно существующим подходам, используемым многими экспертами в научных публикациях по экономике и управлению, позволяет ее позиционировать как отдельную отрасль государственного управления (Резникова, Лукин, 2012, С. 79–81). Вследствие этого государственная политика АТЗ объектов, являясь административной управленческой практикой в

---

¹ Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30 (часть 1). – Ст. 4604.

² Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.

³ См. подробнее: Ст. 1 Федерального закона от 23.07.2013 г. № 208-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам антитеррористической защищенности объектов» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 30 (Часть I). – Ст. 4041.

соответствующей сфере целеполагания и ответственности, приобрела вид отраслевой государственной политики (Якунин и др., 2012).

Таблица 1 – Функциональные задачи и содержание операционной деятельности различных уровней управления АТЗ объектов (территорий)

Table 1 – Functional tasks and content of operational activities at various levels of managing the anti-terrorist security facilities (territories)

УРОВЕНЬ	СУБЪЕКТЫ	ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ
Федеральный	Президент РФ	Определяет основные направления государственной политики в области противодействия терроризму
	Правительство РФ	Устанавливает обязательные для выполнения требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий), категории объектов (территорий), порядок разработки указанных требований и контроля за их выполнением, порядок разработки и форму паспорта безопасности таких объектов (территорий) (за исключением объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств и объектов топливно-энергетического комплекса)
	Федеральные органы исполнительной власти	Подготавливают и вносят в установленном порядке соответствующие проекты актов Правительства РФ в сфере АТЗ объектов (территорий)
Региональный	Высшее должностное лицо субъекта РФ	Организует реализацию государственной политики в области противодействия терроризму; координирует деятельность органов государственной власти субъекта РФ по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений
	Высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ	Организует выполнение юридическими и физическими лицами требований к АТЗ объектов, находящихся в собственности субъекта РФ или в ведении органов государственной власти субъекта РФ
Местный	Органы местного самоуправления	Обеспечивают выполнение требований к АТЗ объектов, находящихся в муниципальной собственности или в ведении органов местного самоуправления
Объектовый	Юридические и физические лица	Выполняют требования к АТЗ в отношении находящихся в собственности или принадлежащих им на ином законном основании объектов

Для достижения необходимой эффективности и результативности государственного управления в сфере АТЗ объектов применяется широко используемая в различных системах государственного управления функционально-бюрократическая модель, которая подразделяется на федеральный (стратегический), региональный (тактический) и объектовый (операционный) уровни управления и субъекты управления, наделенные полномочиями по выполнению конкретных функций, установленных действующим антитеррористическим законодательством (см. рис. 1). Таким образом, сформированная функционально-бюрократическая модель государственного управления в сфере АТЗ объектов должна предоставлять необходимый уровень

информационного обеспечения, взаимодействия и координации всей иерархии субъектов управления для достижения ими единой цели, а именно требуемого уровня защищенности объектов (территорий) с массовым пребыванием людей, других потенциально опасных и критически важных инфраструктурных объектов от преступлений террористической направленности.

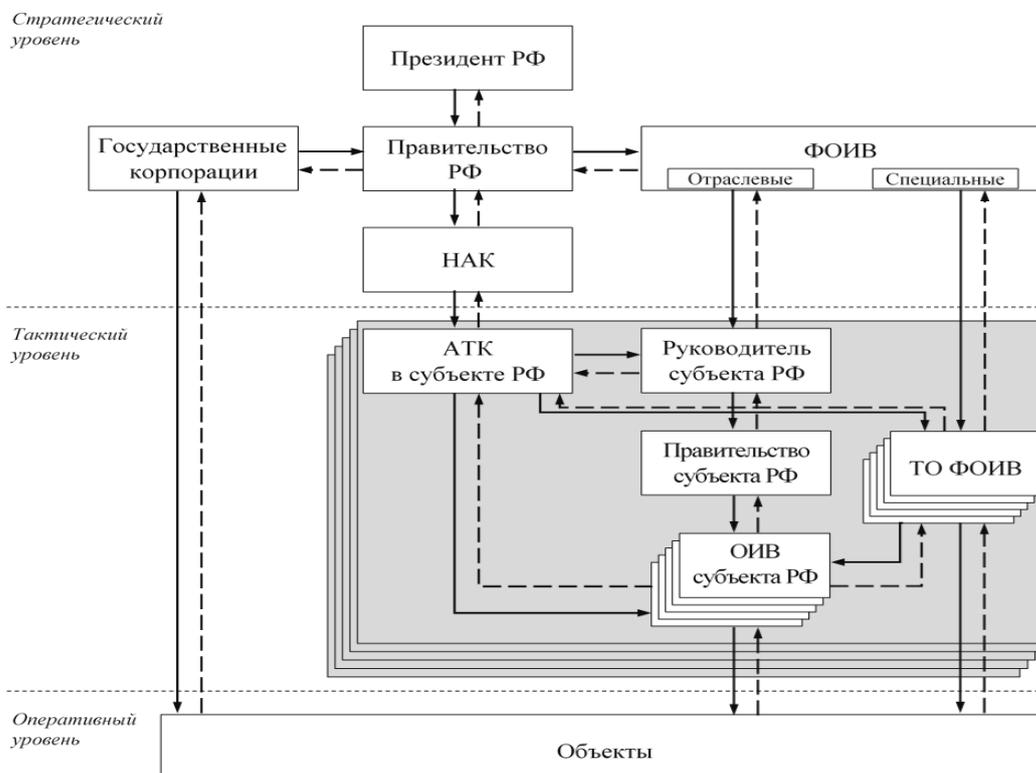

Рисунок 1 – Функционально-бюрократическая модель государственного управления в сфере антитеррористической защищенности объектов (территорий) (схема составлена автором)

Figure 1 – Functional and bureaucratic model of public management in the field of anti-terrorist security of facilities (territories) (drawn by the author)

Проблемы государственной политики управления АТЗ объектов

Исследование экономической обоснованности стратегий по снижению вероятности нападений, защите населения, критически важных объектов и территорий на основе статистики совершённых на территории РФ террористических актов в период с 1992 по 2020 год установило, что, если террористическая атака не пресечена спецслужбами на ранних этапах планирования и подготовки, более 82 % террористических нападений достигают поставленной цели (Новиков, 2023). Несмотря на выполнение законодательно регламентированных мер АТЗ, на объектах сохраняется высокая вероятность успешного террористического нападения. В различных субъектах РФ в 2020–2024 годах были осуществлены террористические акты на объектах образования и в местах массового пребывания людей, в результате которых погибли люди, что также свидетельствует о наличии проблем эффективности государственной политики управления АТЗ объектов.

Согласно укоренившемуся в общественном мнении представлению одним из основных факторов, способствующих проведению успешных террористических атак, является недостаточное ресурсное обеспечение мероприятий АТЗ объектов. Вместе с тем проблема носит более фундаментальный характер и заключается в наличии ошибок, допущенных на первоначальном этапе формирования государственной политики управления АТЗ объектов. И. В. Понкин, проводя анализ вопросов управленческой способности государства, а также рисков и различных патологий, влияющих на эффективность государственного управления, выявил, что основными детерминантами ошибок государственного управления являются недооценка сложности и меры неопределенности предметно-объектной области, специфика и особенность задействования соответствующих инструментариев государственного управления, подлежащих применению в данной конкретной сфере, а также переоценка собственных возможностей органа или сегмента системы государственного управления (Понкин, 2016). Указанные причины в первую очередь вызывают ошибки нормативно-правового обеспечения, которые при их длительном игнорировании снижают качество административного регулирования и тем самым оказывают негативное влияние на всю архитектуру государственного управления.

Как было указано ранее, действующее федеральное законодательство в сфере противодействия терроризму закрепило полномочия по установлению обязательных для выполнения требований к АТЗ объектов (за исключением объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств и объектов топливно-энергетического комплекса) за Правительством РФ. В этой связи административным аппаратом Правительства РФ было разработано Постановление Правительства РФ № 1244 «Об антитеррористической защищенности объектов (территорий)» (вместе с «Правилами разработки требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) и паспорта безопасности объектов (территорий)»). По сути, этот документ являлся модельным законодательным актом, так как представлял собой типовой образец нормативного правового регулирования конкретной области общественных отношений, примерным актом, ориентирующим законодателя в правотворческой деятельности (Юртаева, 2002, С. 63–69). Модельное постановление предназначалось для выполнения координирующей функции и должно было стать рекомендательным законодательным актом, содержащим варианты правовых решений вопросов в сфере АТЗ объектов, исключая любую неопределенность, несогласованность и неконкретность. С этой целью в модельное постановление об АТЗ объектов были включены в самом общем виде разделы, содержащие информацию о мерах АТЗ, операционных процессах и типовые формы разрабатываемых документов (см. рис.к 2).

С целью соблюдения баланса интересов политической и исполнительной власти при разработке модельного постановления правительства был реализован рискориентированный подход менеджеральной модели государственного управления (NPM). Практическое воплощение данного подхода заключалось в использовании методов дифференцирования принимаемых мер АТЗ в зависимости от присваиваемой категории опасности. Обозначенная технология уже успешно применялась при разработке системы физической защиты от угроз различного характера на объектах энергетики и транспортной инфраструктуры.

Однако категорирование как метод риск-ориентированного управления, по

мнению большинства экспертов, не может быть проведено иначе, чем только на основании жесткой нормативной и методической базы (Филиппов, 2017). Множество проблем в управлении организациями возникает по причине принятия лишь закона или распоряжения без учета механизмов их реализации (Новиков, 2011). Таким образом, для достижения целей государственной политики управления АТЗ объектов за счет применения рискориентированной модели государственного управления необходимо было не просто «задекларировать» категорирование в качестве основного инструмента управления рисками, а подробно регламентировать все операционные процессы в порядке проведения категорирования.

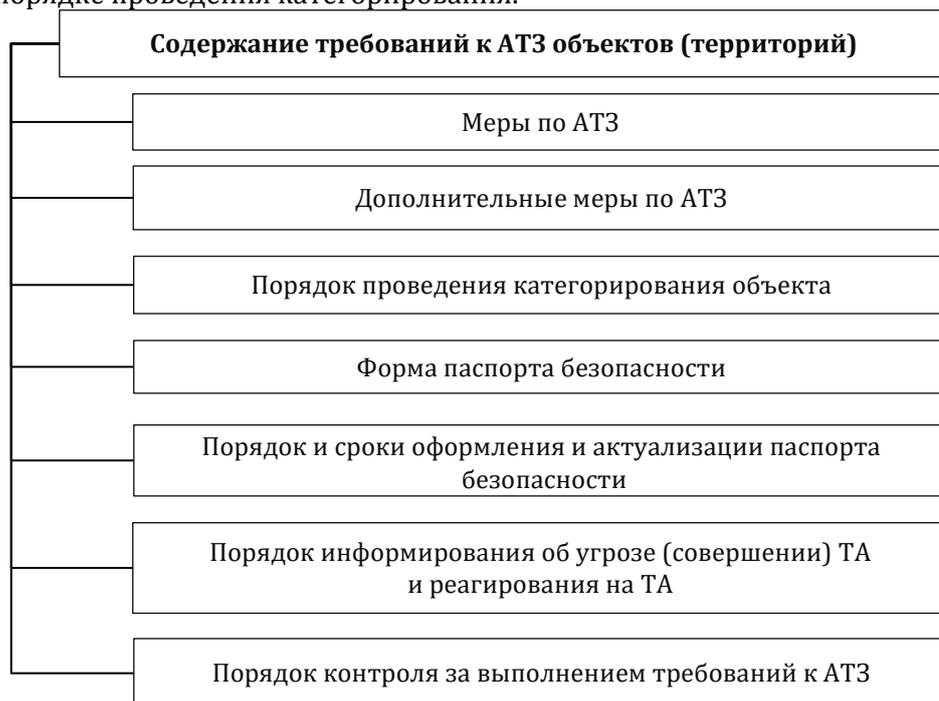

Рисунок 2 – Типовая структура требований к АТЗ, предусмотренная Постановлением Правительства РФ от 25 декабря 2013 года № 1244 (схема составлена автором)

Figure 2 – The standard structure of the requirements for anti-terrorist security, as provided for by the Government Regulation of the Russian Federation № 1244 dated December 25, 2013 (drawn by the author)

Согласно принятому определению категорирование – это отнесение объекта (территории) к определенной категории с учетом возможных последствий совершения на нем террористического акта на основании оценки состояния защищенности объекта (территории), учитывающей его значимость для инфраструктуры и жизнеобеспечения и степень потенциальной опасности совершения террористического акта¹. Исходя из смыслового содержания данного понятия, ключевой процедурой, на основании которой принимается решение о

¹ Постановление Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 289 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в сфере обеспечения антитеррористической защищенности объектов (территорий)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.03.2022.

присвоении категории объекту независимо от отраслевой принадлежности, является предварительная оценка его защищенности с учетом внутренних и внешних факторов.

Не вызывает сомнения, что сам процесс оценки защищенности требует максимальной регламентации и закрепления в соответствующих организационно-распорядительных документах. На промышленных объектах и объектах государственных корпораций «Роскосмос» и «Росатом» порядок проведения оценки защищенности на основе оценки уязвимости является основополагающей процедурой государственной политики управления, которая предельно конкретно описана в ведомственных приказах и распоряжениях и представлена в виде методических рекомендаций, правил, положений и регламентов. Кроме этого, всестороннее методическое обеспечение получило большинство практических вопросов по категорированию объектов, формированию перечней угроз, контрольно-надзорной деятельности и ряд других, что позволило обеспечить требуемое качество государственного управления АТЗ объектов и в первую очередь самоуправления на объектовом уровне.

Иная ситуация сложилась в сфере обеспечения АТЗ объектов социальной инфраструктуры. На сегодняшний день федеральные ведомства разработали и утвердили более 50 отраслевых постановлений правительства в сфере АТЗ объектов, при этом методические рекомендации разработаны менее чем к 10 % постановлений. Таким образом, создана ситуация, когда политика государственного управления АТЗ социальных объектов не только осуществляется, но и фактически формируется на уровне органов исполнительной власти субъектов РФ. Это приводит к тому, что заинтересованная в экономии имеющихся ресурсов и выполнении конкретно обозначенных в существующем законодательстве задач государственного управления исполнительная власть определяет эффективность проводимой государственной политики в сфере АТЗ объектов не на основе оценки состояния защищенности объектов от террористических актов как общественно значимой политической цели АТЗ, а на основе выполнения промежуточных этапов – присвоения категории и наличия паспорта безопасности.

Также содержательной ошибкой модельного постановления правительства по АТЗ объектов, снижающей качество конечного регулирования процессами АТЗ объектов, можно считать отсутствие единых параметров, устанавливающих правила и границы дифференциации при разработке федеральным министерством отраслевых постановлений. Для оптимального целедостижения государственной политики АТЗ объектов дифференциация как операционный инструмент рискориентированного подхода в отраслевых постановлениях должна была быть преимущественно нацелена на основные и дополнительные меры АТЗ применительно к характерным для разных отраслей структурным особенностям объектов. При этом содержание подходов, связанных с критериями, влияющими на категорию объектов и организационно-административные вопросы, должно носить универсальный характер и решаться максимально единообразно.

Однако заложенное в документе противоречие между выполнением обязательных требований по АТЗ объектов и экономической целесообразностью расходования дополнительных ресурсов привело к тому, что большинство организационных критериев, таких как присвоение и количество категорий опасности; состав межведомственной комиссии по категорированию; сроки

разработки, согласования и действия паспорта безопасности; порядок хранения паспорта безопасности; сроки приведения АТЗ объектов к нормативному состоянию; осуществление контрольно-надзорной деятельности и ряд других, устанавливались не в интересах сферы государственного регулирования процессов АТЗ объектов.

На практике это привело к тому, что основной количественный критерий, влияющий на присвоение категории «количество людей, которые могут погибнуть или получить вред здоровью»¹, в различных отраслевых постановлениях социальной направленности существенным образом отличается, из чего следует, что АТЗ объектов с одинаковым количеством находящихся на них людей обеспечивается по-разному. Ниже (см. табл. 2) приведены диапазоны характерных отличий организационно-административных параметров отраслевых постановлений АТЗ социальных объектов.

Таблица 2 – Анализ организационно-административных параметров отраслевых постановлений АТЗ социальных объектов

Table 2 – Analysis of the organizational and administrative parameters of the sectoral regulations of the anti-terrorist security of social facilities

1. Присвоение категорий	
Количество предусмотренных категорий	от 2 до 4
Прогнозное количество пострадавших для максимальной категории	от более 50 до более 1100 чел.
Прогнозное количество пострадавших для минимальной категории	от менее 30 до менее 100 чел.
2. Организационные параметры	
Состав участников МВК	от 3 до 6 чел.
Срок создания МВК при вводе объекта в эксплуатацию	от неопределенного до 4 месяцев
Срок работы МВК, не более	от 30 до 60 дней
Количество экземпляров акта категорирования	от 1 до 6
Срок разработки паспорта безопасности	от неопределенного до 30 рабочих дней
Количество экземпляров паспорта безопасности (бумажный документ или CD-диск)	от 1 до 6
Ведомства, согласующие паспорта безопасности	от 2 до 4
Ведомства, хранящие экземпляры (копии) паспорта безопасности	от 2 до 6
Срок действия паспорта безопасности (периодичность актуализации)	от неопределенного до 5 лет
Срок завершения мероприятий по АТЗ	от 3 до 5 лет

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.12.2013 г. № 1244 «Об антитеррористической защищенности объектов (территорий)» (вместе с «Правилами разработки требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) и паспорта безопасности объектов (территорий)») // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (часть II). – Ст. 7220.

Такая широкая дифференциация критериев организационных процессов АТЗ объектов различной отраслевой принадлежности не способствует целедостижению государственной политики АТЗ объектов, а приводит к усложнению осуществления таких важных функций государственного управления, как контрольно-надзорная деятельность со стороны правоохранительных органов и координация деятельности со стороны исполнительной власти.

На возникновение обозначенных недостатков модельного постановления АТЗ объектов в немалой степени повлияло изначальное отсутствие официального унифицированного терминологического аппарата в сфере государственного управления АТЗ объектов. Основная масса отраслевых постановлений АТЗ объектов разрабатывалась с использованием заимствованных из других отраслей безопасности, порой ошибочных и не применимых к сфере АТЗ, понятий. Первый публичный документ – ГОСТ Р 70620–2022, содержащий термины с соответствующими определениями, используемыми при обеспечении АТЗ объектов (территорий), появился только в 2022 году. Однако его статус как рекомендательного нормативно-технического акта, который не содержит правовых норм или правил поведения¹, недостаточен для решения проблемы законодательного регулирования и корректировки нормативно-правовых актов в сфере АТЗ объектов.

Кроме этого, серьезным недостатком нормативно-правового обеспечения государственного управления в сфере АТЗ объектов является непридание обязательного характера развитию специальных профессиональных компетенций у уполномоченных субъектов, осуществляющих функции управления АТЗ объектов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Г. В. Атаманчук, исследуя сущность государственного управления и государственной службы, убедительно доказывает, что уровень управления, его рациональность и эффективность определяются подготовленностью персонала управления, который должен знать основные характеристики управляемых объектов и учитывать их при формировании и реализации управляющих воздействий (Атаманчук, 2008).

Основными субъектами, непосредственно осуществляющими государственное управление в сфере АТЗ объектов, являются собственники (правообладатели) объектов и уполномоченные представители исполнительной власти и местного самоуправления. Для них этот вид управленческой деятельности не является основным, но при этом обладает повышенным уровнем ответственности за потенциальные негативные последствия, наступившие по причине непринятия регламентированных мер по АТЗ объектов. Современное законодательство об образовании синхронизировано с законодательством о государственной службе и содержание программ дополнительного профессионального образования увязано с профессиональными стандартами, квалификационными требованиями, указанными в квалификационных справочниках по должностям, профессиям и специальностям². Для государственных гражданских служащих, выполняющих функцию по противодействию терроризму, в том числе по управлению АТЗ, в

---

¹ «ВС пояснил, что ГОСТ не является нормативным правовым актом». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-poyasnil-cto-gost-ne-yavlyetsya-normativnym-pravovym-aktom/> (дата обращения: 05.03.2025).

² Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 53 (часть 1). – Ст. 7598.

пункте 3.17 «Регулирование в сфере противодействия терроризму» «Справочника квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки»¹ установлены квалификационные требования для осуществления ими профессиональной служебной деятельности². Однако они носят теоретический характер и в основном предполагают изучение антитеррористического законодательства, не предъявляя каких-либо требований к профессиональным навыкам. Программа профессиональной подготовки другой категории субъектов управления, в которую входят руководители и специалисты по обеспечению АТЗ объектов (так называемый объектовый уровень), разрабатывается на основе принятого в 2023 году профессионального стандарта «Специалист по обеспечению антитеррористической защищенности объекта (территории)»³. Вместе с тем отсутствие подробной регламентации базовых процессов АТЗ объектов в виде ведомственных методических рекомендаций не позволяет организовать качественное практико-ориентированное обучение, способствующее развитию необходимых управленческих навыков операционного управления АТЗ объектов.

В отличие от иных сфер антикризисного государственного управления, таких как охрана труда, гражданская оборона, пожарная безопасность, транспортная безопасность и безопасность объектов ТЭК, необходимость обязательной профессиональной подготовки кадров в сфере АТЗ социальных объектов законодательно не закреплена и носит скорее декларативный характер. Таким образом, у субъектов управления АТЗ объектов отсутствует побуждающая мотивация проходить специализированное обучение. По результатам проведенного аппаратом АТК г. Москвы в 2022–2023 годах анкетирования более двух тысяч специалистов по АТЗ и руководителей объектов, подведомственных правительству г. Москвы, установлено, что курсы дополнительного профессионального образования по направлению АТЗ никогда не проходили около 93 % специалистов и практически 100 % руководителей объектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа институциональной среды государственной политики управления АТЗ социальных объектов нами выявлены операционные проблемы, снижающие качество противодействия трансформирующимся террористическим угрозам в условиях гибридной войны:

1. Противодействие терроризму в условиях гибридной войны приобретает приоритетное значение и требует своевременной корректировки существующих операционных инструментов государственного управления по всем направлениям государственной антитеррористической политики.

2. Проведенное исследование государственной политики управления АТЗ объектов позволило выявить ошибки нормативно-правового обеспечения,

---

¹ «Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки (к укрупненным группам специальностей и направлений подготовки), к профессиональному уровню, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих» (утв. Минтрудом России). [Электронный ресурс] // Минтруда России. – URL: <http://mintrud.gov.ru> (дата обращения: 03.02.2025).

² Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

³ Приказ Минтруда России от 27.04.2023 г. № 374н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по обеспечению антитеррористической защищенности объекта (территории)» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.05.2023 г. № 73607) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 31.05.2023.

допущенные на первоначальном этапе институционального становления государственной политики АТЗ объектов, и не отвечающую характеру гибридных угроз функционально-бюрократическую модель государственного управления в сфере АТЗ объектов. В связи с этим для обеспечения необходимой адаптивности государственного управления в сфере АТЗ к трансформирующимся террористическим угрозам объектов требуется сосредоточить усилия органов публичной власти и научного сообщества на оптимизации правовых инструментов и модели государственного управления в сфере АТЗ объектов. В этой связи автором предложена типовая структура требований к АТЗ в виде схемы, предусмотренная Постановлением Правительства РФ от 25 декабря 2013 года № 1244.

3. Автор предлагает для повышения эффективности антитеррористической защищенности объектов внести структурно-функциональные, нормативно-регулирующие, мотивационно-организационные изменения в функционально-бюрократическую модель, реализуемую субъектами управления, наделенных полномочиями по выполнению конкретных функций, установленных действующим антитеррористическим законодательством на федеральном (стратегическом), региональном (тактическом) и объектовом (операционном) уровнях управления.

Список литературы:

1. Атаманчук Г.В. Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем) / Г.В. Атаманчук. - Москва: Издательство РАГС, 2008. - 400 с. ISBN: 978-5-7729-0353-7 EDN: QOИUX
2. Бабурин С.Н., Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: монография / С.Н. Бабурин, М.И. Дзлиев, А.Д. Урсул. - М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. - 512. ISBN: 978-5-9776-0224-2
3. Боброва, О.Г. Особенности гибридных угроз безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой анализ / О. Г. Боброва // Государство и право. - 2024. - № 3. - С. 117-128. item.asp?id=67924002. DOI: 10.31857/S1026945224030118 EDN: BLTNDH
4. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова; вступит. Ст. Д. Хаустова]. - М.: РИПОЛ классик, 2017. - 226 с. ISBN: 978-5-386-10301-9
5. Босхолов С.С. Национальная безопасность России: теоретико-правовой и прикладной аспекты: монография. - Москва: Проспект, 2023. - 456 с. ISBN: 978-5-392-38525-6 EDN: MYSKVS
6. Горбунов К.Г. Терроризм: История и современность. Социально-психологическое исследование / К.Г. Горбунов. - Москва: Форму, 2021. - 400 с.
7. Дмитриев М. Оптимизация административных процессов в системе государственного управления: предварительные результаты эмпирического анализа / М. Дмитриев, Л. Фондукова, К. Янков // Экономическая политика. - 2016. - Т. 11, № 2. - С. 7-21. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-2-01 EDN: WFSEPZ
8. Карпухина Н.Н. От линейно-функциональной к процессно-ориентированной организации // Проблемы современной экономики (Новосибирск). - 2011. - № 5. - С. 162-167. EDN: RIMZST
9. Кафтан В.В. Теоретические основания конструирования и репрезентации антитеррористического дискурса в современных социально-политических практиках // Политическая наука. - 2018. - № 4. - С. 107-123. - 10.31249/poln/2018.04.06

(дата обращения: 02.09.2025). DOI: 10.31249/poln/2018.04.06. EDN: YQTRYL

10. Качество и успешность государственных политик и управления / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян [и др.]. - Москва: Издательство "Научный эксперт", 2012. - 496 с. - (Политическая аксиология). ISBN: 978-5-91290-181-2 EDN: RSFTWN

11. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны / А.А. Кокошин; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - 2-е изд. - М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. - 277 с. ISBN: 978-5-7598-1944-8

12. Кондратьев В.П. Основная гипотеза элементарной теории бюрократии // Государственная служба. - 2019. - Т. 21, № 3 (119). - С. 6-13. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-3-6-13 EDN: JHOXGC

13. Куманьков А.Д. Война в XXI веке / А.Д. Куманьков; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - М.: Изд. Дом ВШЭ, 2020. - 296 с. ISBN: 978-5-7698-1957-8

14. Лапкин, В. В. Территориальное государство и сложное общество: императив коэволюции в пространстве политики / В. В. Лапкин // Полис. Политические исследования. - 2023. - № 5. - С. 172-191. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.11 EDN: NRKPJP

15. Левашов, В.К. Граждане России о гибридной социально-политической реальности в стране / В. К. Левашов // Социологические исследования. - 2024. Т. 16. № 4. - С. 113-127. DOI: 10.31857/S0132162524040107 EDN: ORLTAK

16. Литвинов В.А. Основы национальной безопасности России. Изд. 2-е. - М.: ЛЕНАНД, 2014. - 328 с. ISBN: 978-5-9710-0991-7

17. Максимов, А.С. Механизмы нейтрализации гибридных угроз национальной безопасности России в рамках инверсивной векторной модели / А. С. Максимов // Среднерусский вестник общественных наук. - 2021. - Т. 16, № 4. - С. 88-103. DOI: 10.22394/2071-2367-2021-16-4-88-103 EDN: YFISFZ

18. Михеева Е.З. Процессный и функциональный подходы к управлению современным предприятием // Актуальные вопросы современной науки. - 2008. - № 1. - С. 50-56. EDN: RBZDCB

19. Новиков, А. В. Методы и модели оценки выбора тактики осуществления террористических атак / А. В. Новиков. - Текст : электронный // Национальная безопасность / nota bene. - 2019. - № 5. - С. 48-65. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.5.30824 EDN: TQEUIP

20. Новиков Д.А. Методология управления / Д.А. Новиков. - Москва, 2011. - 128 с. - (Умное управление). ISBN: 978-5-397-02308-5 EDN: PFGVWZ

21. Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: Сборник статей / под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. - М.: Издательство "Аспект Пресс", 2019. - 366 с. ISBN: 978-5-7567-1026-7

22. Понкин И.В. Теория девиантологии государственного управления: неопределённости, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении / предисл. А. Б. Зеленцова; ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ. - Москва: Буки-Веди, 2016. - 250 с.

23. Пушкарева Г.В., Соловьев А.И., Михайлова О.В. Идеи и ценности в государственном управлении: Монография / Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьев, О.В. Михайлова. - М.: Издательство "Аспект Пресс", 2018. - 272 с. ISBN: 978-5-7567-1002-1

24. Резникова Н.П., Лукин И.И. К вопросу об определении понятия отрасль // Т-Comm. - 2012. - № 12. - С. 79-81. EDN: PXFDQH

25. Рой, О. М. Государственная политика в сфере безопасности: выбор прио-

ритетов / О. М. Рой // Антиномии. - 2023. - Т. 23, № 1. - С. 107-122. DOI: 10.17506/26867206_2023_23_1_107 EDN: WUUKRL

26. Соловьев А.И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография / А.И. Соловьев. - М.: Издательство "Аспект Пресс", 2021. - 256 с. ISBN: 978-5-7567-1125-7

27. Стригунов, К. С. Гибридизация международного терроризма и транснациональной преступности на современном этапе / К. С. Стригунов, А. В. Манойло, А. И. Петренко // Электронный научно-образовательный журнал "История". - 2023. - Т. 14, № 4 (126). DOI: 10.18254/S207987840020330-2 EDN: LJHVOC

28. Филиппов Д.Л. Об отечественной нормативно-методической базе физической безопасности // Проблемы анализа риска. - 2017. - Т. 14, № 6. - С. 84-87. - 10.32686/1812-5220-2017-14-6-84-87 (дата обращения: 08.09.2025). DOI: 10.32686/1812-5220-2017-14-6-84-87(EDN: SZTCAZ

29. Хибарин, В. А. Категория "силы" политических акторов в контексте информационных войн Запада / В. А. Хибарин // Среднерусский вестник общественных наук. - 2021. - Т. 16, № 6. - С. 122-140. DOI: 10.22394/2071-2367-2021-16-6-122-140 EDN: UDZUEG

30. Щекотин Е.В. Феномен "Атомарной гражданской войны": терроризм одиночек как вызов современному миру // Манускрипт. - 2016. - № 12-2 (74). - С. 214-216. EDN: YHFMSD

31. Юртаева Е.А. Модельные законы в государствах СНГ // Международное публичное и частное право. - 2002. - № 4. - С. 63-69. EDN: QJAHVB

References:

1. Atamanchuk G.V. (2008) Management in human life (essays on problems). Moscow: RAGS Publishing House, 400 p. ISBN: 978-5-7729-0353-7 EDN: QOIIUX

2. Baburin, S.N., Dzliev, M.I. and Ursul, A.D. (2014) The strategy of national security of Russia: theoretical and methodological aspects: a monograph. M.: Magister: INFRA-M, 512. ISBN: 978-5-9776-0224-2

3. Bobrova, O.G. (2024) Features of hybrid threats to the security of the Russian Federation: a theoretical and legal analysis. *State and Law*. no. 3. pp. 117-128. item.asp?id=67924002. DOI: 10.31857/S1026945224030118 EDN: BLTNDH

4. Baudrillard, J. (2017) The spirit of terrorism. There was no war in the Gulf. [translated from French by A. Kachalov; intro. St. D. Khaustova]. Moscow: RIPPOL Classic, 2017. 226 p. ISBN: 978-5-386-10301-9

5. Bosholov, S.S. (2023) National security of Russia: theoretical, legal and applied aspects: monograph. - Moscow: Prospekt, 456 p. ISBN: 978-5-392-38525-6 EDN: MYSKVS

6. Gorbunov, K.G. (2021) Terrorism: History and modernity. Socio-psychological research. Moscow: Form, 400 p.

7. Dmitriev, M., Fondukova, K. and Yankov, L. (2016) Optimization of administrative processes in the public administration system: preliminary results of an empirical analysis. *Economic policy*. Vol. 11, No. 2. pp. 7-21. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-2-01 EDN: WFSEPZ

8. Karpukhina, N.N. (2011) From linear-functional to process-oriented organization. Problems of modern economics (Novo-sibirsk). no. 5. pp. 162-167. EDN: RIMZST

9. Kaftan V.V. (2018) Theoretical foundations of the construction and representation of anti-terrorist discourse in modern socio-political practices. *Political Science*. no. 4. pp. 107-123. DOI: 10.31249/poln/2018.04.06 EDN: YQTRYL
10. Yakunin, V.I., Sulakshin, S.S., Baghdasaryan V.E. [et al.]. (2012) Quality and success of public policies and management / - Moscow: Scientific Expert Publishing House, 496 p. (Political Axiology). ISBN: 978-5-91290-181-2 EDN: RSFTWN
11. Kokoshin A.A. (2019) Questions of the applied theory of war. *National is-trace. University of Higher School of Economics*. 2nd ed. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 277 p. ISBN: 978-5-7598-1944-8
12. Kondratiev V.P. (2019) The main hypothesis of the elementary theory of bureaucracy. *Civil Service*. Vol. 21, no. 3 (119). pp. 6-13. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-3-6-13 EDN: JHOXGC
13. Kumankov, A.D. (2020) *War in the 21st century*. National and then. University of Higher School of Economics, Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 296 p. ISBN: 978-5-7698-1957-8
14. Lapkin, V. V. (2023) Territorial state and complex society: an image of coevolution in the space of politics. *Polis. Political research*. no. 5. pp. 172-191. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.11 EDN: NRKPJP
15. Levashov, V.K. (2024) Citizens of Russia on the hybrid socio-political reality in the country. *Sociological research*. 16. no. 4. pp. 113-127. DOI: 10.31857/S0132162524040107 EDN: ORLTAK
16. Litvinov V.A. (2014) Fundamentals of Russia's National Security. Ed. 2-E. M.: LENAND, 328 p. ISBN: 978-5-9710-0991-7
17. Maksimov, A.S. (2021) Mechanisms for neutralizing hybrid threats to Russia's national security within the framework of an inverse vector model. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 16, no. 4. pp. 88-103. DOI: 10.22394/2071-2367-2021-16-4-88-103 EDN: YFISFZ
18. Mikheeva E.Z. (2008) Process and functional approaches to modern enterprise management. *Actual issues of modern science*. no. 1. pp. 50-56. EDN: RBZDCB
19. Novikov, A.V. (2019) Methods and models for assessing the choice of tactics for carrying out terrorist attacks. *National security/nota bene*. no 5. p. 48-65. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.5.30824 EDN: TQEUIP
20. Novikov D.A. (2011) *Methodology of management*. Moscow, 128 p. (Smart management). ISBN: 978-5-397-02308-5 EDN: PFGVWZ
21. *Politics and government: New challenges and vectors of development: A collection of articles* / edited by A.I. Solovyov, G.V. Pushkareva. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2019. 366 p. ISBN: 978-5-7567-1026-7 23.
22. Ponkin I.V. (2016) *Theory of deviantology of public administration: uncertainties, risks, defects, dysfunctions and failures in public administration*. preface by A. B. Zelentsov; IGSU RANHiGS under the President of the Russian Federation. Moscow: Buki-Vedi Publ., 2016. 250 p.
23. Pushkareva G.V., Solovyov A.I. and Mikhailova O.V. (2018) *Ideas and values in public administration: A monograph*. Moscow: Aspect Press Publishing House, 272 p. ISBN: 978-5-7567-1002-1
24. Reznikova N.P. and Lukin I.I. (2012) *On the question of defining the concept of industry*. T-Comm. no. 12. pp. 79-81. EDN: PXFDQH
25. Roy, O. M. (2023) State policy in the field of security: a choice of priorities. *Antinomies*. Vol. 23, no. 1. pp. 107-122. DOI: 10.17506/26867206_2023_23_1_107 EDN: WUUKRL

26. Solovyov A.I. (2021) *Politics and government. Essays on theory and methodology: A monograph* / A.I. Solovyov. Moscow: Aspect Press Publishing House, 256 p. ISBN: 978-5-7567-1125-7

27. Strigunov, K. S. Manoilo, A.V. and Petrenko A. I. (2023) Hybridization of international terrorism and transnational crime at the present stage. *Electronic scientific and educational magazine "History"*. Vol. 14, no. 4 (126). DOI: 10.18254/S207987840020330-2 EDN: LJHVOC

28. Filippov D.L. (2017) On the domestic regulatory and methodological base of physical safety. *Problems of risk analysis*. Vol. 14, no. 6. pp. 84-87. DOI: 10.32686/1812-5220-2017-14-6-84-87. EDN: SZTCAZ

29. Khibarin, V. A. (2021) The category of "forces" of political actors in the context of the information wars of the West. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 16, no. 6. pp. 122-140. DOI: 10.22394/2071-2367-2021-16-6-122-140. EDN: UDZUEG

30. Shchekotin E.V. (2016) The phenomenon of "Atomic civil war": terrorism of individuals as a challenge to the modern world. *Manuscript*. no. 12-2 (74). Pp. 214-216. EDN: YHFMSD

31. Yurtaeva E.A. (2002) Model laws in the CIS countries. *International public and private law*. no. 4. pp. 63-69. EDN: QJAHVB

Сведения об авторе:

Андрей Юрьевич Кузьмичев, соискатель кафедры государственного управления и национальной безопасности, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС при Президенте РФ, адрес: 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, e-mail: anku2m1ch@yandex.ru, ORCID 0009-0002-1196-8562 SPIN-код: 5207-8419, AuthorID: 1320466.

About the author:

Andrey Y. Kuzmichev, Doctoral Candidate, the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: anku2m1ch@yandex.ru, ORCID 0009-0002-1196-8562, SPIN-код: 5207-8419, AuthorID: 1320466..

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор утвердил окончательный вариант статьи.

The author declares no conflict of interest.

The author has approved the final version.

© Кузьмичев А.Ю., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

**ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ГРАЖДАН РОССИИ
В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Т.Т. Гогишвили

Кубанский государственный университет,
адрес: 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Поступила
в редакцию
28.06.2025

Поступила
после
рецензирования
10.08.2025

Принята
к публикации
29.09.2025

Аннотация. Цель - выявление основных факторов, влияющих на процессы политической ресоциализации новых граждан России в условиях расширения и трансформации политического пространства. **Методы.** На основе данных вторичного анализа и экспертных интервью (опрошено 30 экспертов, 2024 год) определены и систематизированы четыре уровня факторов, влияющих на процесс политической социализации новых граждан РФ: мегафакторы, макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы. Глобальные вызовы (мегауровень) задают общий контекст, в то время как внутренняя социально-экономическая и ценностная консолидация (макроуровень) создает фундамент для интеграции. Целенаправленные действия институтов государства и общества (мезоуровень) являются ключевым механизмом управления этим процессом, а влияние ближайшего окружения (микроуровень) во многом определяет его индивидуальную траекторию – от успешного принятия новой гражданской идентичности до пассивного сопротивления или конфликта. Указываются институциональные и экономические меры, направленные на снижение тревожности, формирование четких и достижимых жизненных перспектив и создание условий для внутреннего мотивированного, а не вынужденного, гражданского самоопределения.

Выделены три комплексные стратегии, реализация которых позволит субъектам публичной политики нивелировать препятствия: стратегия институциональной конкретизации и публичной вовлеченности; стратегия ценностно-идентификационной консолидации и смыслового диалога; стратегия социально-экономической стабилизации.

Стратегия ценностно-идентификационной консолидации и смыслового диалога должна быть нацелена на нейтрализацию социокультурных барьеров и деактивацию информационно-идеологического барьера через диалогичное конструирование инклюзивной гражданской общности.

Результаты исследования конкретизируют научные знания о факторах и моделях трансформации субъективного пространства политики под влиянием изменений в реальном политическом пространстве; и могут быть использованы для оптимизации технологий политики идентичности в новых субъектах России.

Ключевые слова: ресоциализация, политическая ресоциализация, политическая картина мира, субъективное пространство политики, факторы политической ресоциализации

Сведения о финансировании. Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013

Для цитирования: Гогишвили Т.Т. Факторы политической ресоциализации новых граждан России в условиях расширения политического пространства // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – №4. – С. 47-64. EDN PRJRRN

© Гогишвили Т.Т, 2025

**POLITICAL RE-SOCIALIZATION OF RUSSIAN NEW CITIZENS
IN THE CONTEXT OF EXPANDING POLITICAL SPACE**

T.T. Gogishvili

Kuban State University,

address: 149, Stavropol Street, Krasnodar, Russia, 350040

Received
28.06.2025

Revised
10.08.2025

Accepted
29.09.2025

Abstract. *The aim of the article is to identify the main factors influencing the processes of political re-socialization of new Russian citizens in the context of the expanding and transforming political space.*

Based on data from secondary analysis and thirty expert interviews (2024), the author identifies and systematizes four levels of factors influencing the process of political socialization of Russian new citizens: megafactors, macrofactors, mesofactors and microfactors. Global challenges (mega-level) set the general context, while internal socio-economic and value consolidation (macro-level) creates the foundation for integration. The purposeful actions of the the state institutions and society (meso-level) are the key mechanism for managing this process, and the influence of the immediate environment (micro-level) largely determines its individual trajectory - from the successful adoption of a new civic identity to passive resistance or conflict. The author indicates institutional and economic measures aimed at reducing anxiety, forming clear and achievable life prospects, and creating conditions for internally motivated, rather than forced, civic self-determination.

Three comprehensive strategies are identified, such as strategy of institutional concretization and public engagement, strategy of value-identification consolidation and semantic dialogue and strategy of socio-economic stabilization. Their implementation allows public policy actors to eliminate obstacles.

The strategy of value-identification consolidation and semantic dialogue is aimed at neutralizing socio-cultural barriers and deactivating the information and ideological barrier through the dialogical construction of an inclusive civic community.

As a result, the author concretizes scientific knowledge about the factors and models of the subjective political space transformation under the influence of changes in the real political space.

The findings can be used to optimize technologies of identity policy in new regions of the Russian Federation.

Keywords: *re-socialization, political re-socialization, political worldview, subjective political space, factors of political re-socialization*

Funding. *The research is carried out within the framework of the research project "Strategies and Practices of Political Re-socialization of Russian New Citizens in the Context of Expanding Political Space" (2024, competition of the Expert Institute for Social Research in the Field of Socio-Political Sciences, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences) within the framework of the state assignment FZEN-2024-0013.*

For citations: Gogishvili T.T. (2025) Political Re-Socialization of Russian New Citizens in the Context of Expanding Political Space. *Central Russian Journal of Social Sciences*, Vol.20, no. 4, P. 47-64. EDN PRJRRN

© Gogishvili T.T., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Политическая ресоциализация представляет собой процесс усвоения индивидом или группой новых ценностных ориентаций, политических установок и моделей поведения в условиях кардинальных изменений политической системы или смены гражданской принадлежности. В современной России этот процесс приобрел особую актуальность в контексте расширения политического пространства после воссоединения с Крымом в 2014 году и вхождения в состав РФ новых субъектов в 2022 году. Успешность интеграции новых граждан в единое социокультурное и политическое поле страны определяется комплексом факторов, оказывающих многоуровневое воздействие на трансформацию их политической картины мира и гражданской идентичности.

Методология и методы исследования. Политическая ресоциализация в новых субъектах РФ представляет собой сложный, многогранный процесс ломки прежних политико-идеологических установок и формирования новой гражданской и политической идентичности в рамках общероссийского политического пространства. Для его комплексного анализа предлагается концептуальная модель, интегрирующая в рамках политико-психологического подхода (Шестопал, Селезнева, Зверев, 2008) три взаимосвязанных методологических вектора: пространственный, аксиологический и идентитарный. Данная модель позволяет рассматривать ресоциализацию не как простую индоктринацию, а как глубокую трансформацию индивидуального и коллективного сознания, происходящую в специфических социально-политических и территориальных условиях.

Пространственный подход является фундаментальным для понимания контекста, в котором протекают процессы ресоциализации. Он задает структурные рамки, определяющие распределение ресурсов, властные отношения и символические границы (Рокан, 2006). В рамках этого подхода в концептуальную модель исследования интегрированы идеи о многомерном социальном пространстве (Бурдьё, 2005), это позволяет рассматривать новые субъекты РФ как специфическое социальное пространство, где агенты (индивиды, группы, институты) распределены в зависимости от обладания различными видами капитала. Идеи о полях стратегического действия (Флигстин, Макадам, 2022) интегрированные в концептуальную модель исследования, позволяют рассмотреть политическую ресоциализацию как процесс, который разворачивается в системе пересекающихся «полей»: политического, административного, медийного и гражданского, а его результат – «социальный навык» акторов – как их способность адаптироваться к новым правилам игры и конфигурация политического пространства, мобилизовать ресурсы и эффективно действовать в изменившейся структурной среде.

В рамках пространственного подхода территории новых субъектов трактуются как «фронт» – не стабильная граница, а динамичная зона встречи, смешения и конфликта разных культурных, политических и исторических традиций (российской, советской, постсоветской украинской). Это формирует уникальное «ментальное пространство» (Глузман, 2010), где сталкиваются нарративы и мифологии. Когнитивные аспекты восприятия пространства (Окунев, 2020) – чувство принадлежности, образ «центра» и «периферии» – становятся ключевыми индикаторами успешности ресоциализации.

Использование в концептуальной модели исследования аксиологического подхода позволило сфокусироваться на изменении ценностных ориентаций как ядра политического сознания, что является главным содержательным

результатом ресоциализации. Формирование новых политических ценностей в процессе политической ресоциализации следует рассматривать не просто как усвоение ценностей. В соответствии с подходом Х. Йоаса (Йоас, 2013), этот процесс мы определяем, как «возникновение ценностей» в опыте действующего субъекта. Ценности возникают в ситуациях кризиса, трансцендирования (выхода за пределы привычного «я») и формирования новой идентичности. Это позволяет изучать ценностные сдвиги не как навязанные, а как глубоко личностно переживаемые, а процесс ресоциализации – как эмоционально переживаемый процесс смены ценностных систем, который неизбежно порождает внутренние конфликты и состояние аномии (Х. Йоас), когда личность теряет власть над собой, старые ориентиры рушатся, а новые еще не укоренились.

Политико-психологический подход к исследованию ценностей (Селезнева, 2013) был использован в концептуальной модели исследования для анализа ценностной трансформации, которая происходит на нескольких уровнях: индивидуальном (изменение политических представлений отдельного человека), массовом (формирование доминирующих ценностных трендов в обществе) и поколенческом (выявление различий в скорости и глубине ресоциализации у разных возрастных когорт) и позволяет построить многомерную картину аксиологических изменений.

Интеграция в концептуальную модель исследования аналитического инструментарий идентитарного подхода позволила рассмотреть формирование новой идентичности как ключевой итог и интегративный маркер успеха политической ресоциализации, синтезирующий пространственные и ценностные изменения. Для решения этой задачи в исследовании использовались идеи о многокомпонентной структуре идентичности (Семененко, 2023, 18–27), определяющие ее как сложный конструкт, включающий когнитивный, эмоционально-оценочный, ценностно-ориентировочный и деятельностный компоненты. Идеи Н.А. Хренова (Искусство и цивилизационная..., 2007) о цивилизационной идентичности позволили также рассматривать политическую ресоциализацию новых граждан России как процесс, который нацелен на формирование у жителей новых субъектов цивилизационной идентичности, то есть чувства принадлежности к российской цивилизации с ее уникальным культурно-историческим кодом; и охарактеризовать ее как фронтирную идентичность (Тернер, 2009; Морозова, 2017), обладающей гибкостью, ситуативностью, незавершенностью и внутренней конфликтностью.

С одной стороны, это источник кризисов и маргинализации, с другой — потенциал для развития, поиска новых смыслов и синтеза культурных элементов. Для анализа специфики траекторий политической ресоциализации в концептуальной модели интегрированы результаты исследования феномен ирредента на постсоветском пространстве (Москальчук, Касабуцкая, 2018).

Для анализа и учета общего контекста глобализации и факторов, определяющих кризисное состояние идентичностей в рамках концептуальной модели использовались идеи С.В. КОРТУНОВА (КОРТУНОВ, 2009) о конкурентоспособной национальной идентичности, умеющей противостоять вызовам глобального мира, сохраняя при этом свое «культурное ядро».

Синтез указанных подходов определяют концептуальную модель как динамическую и интегративную, в которой пространство задает условия и факторы процессов политической ресоциализации; аксиосфера наполняет эти процессы содержанием, а идентичность является ее результатом и драйвером. Пространственные изменения и ценностные сдвиги кристаллизуются в новой

идентичности (гражданской, цивилизационной, фронтальной). Эта новая идентичность, в свою очередь, начинает влиять на пространство (консолидируя его) и укреплять аксиосферу, замыкая цикл ресоциализации.

Таким образом, для исследования процессов политической ресоциализации новых граждан России, факторов и барьеров этого процесса предлагается использовать концептуальную модель, интегрирующую в рамках политико-психологического подхода пространственный, аксиологический и идентитарный векторы и позволяющую исследовать политическую ресоциализацию как нелинейный процесс взаимодействия между трансформирующимся пространством, переоцениваемой системой ценностей и формирующейся идентичностью. Эмпирическая операционализация данной модели позволит не только диагностировать текущее состояние этих процессов, но и прогнозировать их динамику, выявляя зоны риска и точки роста для успешной интеграции.

В авторской интерпретации политическая ресоциализация трактуется как процесс изменения ядра и базовых компонентов политической картины мира, сформированных в процессе первичной политической социализации, под влиянием многоуровневой системы факторов и институтов.

Цель статьи – выявление основных факторов в системе политической ресоциализации новых граждан России в условиях расширения и трансформации политического пространства.

Эмпирическую базу исследования составили 30 экспертных интервью, собранных в рамках выполнения государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук в рамках государственного задания FZEN-2024-0013).

ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ основных теоретических подходов и научной литературы по исследуемой проблеме представлен в предыдущих публикациях автора (Гогишвили, 2024; Гогишвили и др., 2025). Корпус вторичных данных и результаты анализа экспертных интервью, проведенных в 2024 году на территории новых субъектов РФ с представителями академического и экспертного сообщества, а также специалистами, работающими в системе внутренней, социальной и образовательной политики новых регионов позволяет структурировать факторы, влияющие на процесс политической ресоциализации, по уровням их воздействия: мега-, макро-, мезо- и микроуровень.

Мегафакторы представляют собой совокупное влияние глобальных обстоятельств, выходящих за рамки территории Российской Федерации. К ним следует отнести современное геополитическое противостояние, в контексте которого разворачивается российско-украинский конфликт, глобальные экономические и социокультурные процессы, а также глобальное информационное пространство.

Геополитическое противостояние как глобальный тренд, особенно в отношениях России и Запада, создает контекст, который «фактически определяет однозначность выбора между “мы” и “они”» (Попов, 2015, 42). Этот фактор усиливает значение консолидирующих ценностей и гражданской идентичности и актуализирует процессы политической ресоциализации: *«Действительно, люди понимают, что нужно сделать выбор между правильным и неправильным, и этот выбор актуализируют действия наших “политических оппонентов”»* (эксперт,

представитель академического сообщества, ДНР).

Глобальные экономические и социокультурные процессы также выступают важным фактором политической ресоциализации. Интеграция России в новые экономические альянсы и сотрудничество со странами Востока формируют новый внешнеполитический контекст, влияющий на ценностные ориентации и восприятие места России в мире новыми гражданами: *«Люди видят, что не только Россия, но и другие государства выступают за справедливый мир, традиционные ценности, конструктивное сотрудничество. Это важный фактор, определяющий гражданский выбор»* (эксперт, представитель академического сообщества, ЛНР).

Глобальное информационное пространство противоречиво влияет на процессы политической ресоциализации. Цифровая среда, не имеющая политических границ, становится ареной борьбы за идентичность. Исследователи отмечают ее противоречивый характер, содержащий как интеграционный потенциал, так и риски негативного информационно-психологического воздействия (Домбровская, Лукушин, 2023, 36). Это обуславливает необходимость выстраивания единого информационно-коммуникативного поля для безопасного взаимодействия (Домбровская, Лукушин, 2023, 40).

Макрофакторы политической ресоциализации отражают влияние основных сфер жизни российского общества: политической, экономической, социальной и духовной.

Среди макрофакторов, прежде всего, выделим социокультурную (прежде всего, ценностную) динамику российского общества. После 2014 года в России наблюдается процесс ценностной консолидации и укрепления иерархии социально-политических идентичностей (Попов, 2015, 42). Исследователи отмечают, что наличие единого социокультурного ядра, объединяющего ресурса, основанного на общих исторических корнях, языке и культурном единстве, является ключевым условием успешной интеграции (Башмаков, 2024, 347) новых территорий и эффективной политической ресоциализации новых граждан: *«Важно отметить, что среди населения Новороссии русская культура и ценности всегда были объединяющим фактором. Это нас объединило, когда Украина начала нас уничтожать, и это нас сейчас объединяет с Россией»* (эксперт, система образования, Херсонская область).

Цивилизационно-ценностное единство следует выделить как отдельный макрофактор. Исследователи и эксперты отмечают, что общий язык, в частности широкое распространение русского языка в новых регионах, выступает мощным адаптивным ресурсом (Баранов, 2023, 10). Как показало исследование в Крыму, 80% опрошенных назвали родным языком русский, что подтверждает значимость этого аспекта интеграции (Кульбачевская, 2019, 114).

Социально-экономическое состояние новых регионов также относится к макрофакторам, определяющим результаты политической ресоциализации новых граждан России. В настоящее время этот фактор оказывает противоречивое воздействие. Экономическая стабильность, уровень жизни и эффективность проводимой социально-экономической политики напрямую влияют на лояльность новых граждан и их восприятие воссоединения с Россией (Костяев, Юшков, 2015, 45).

Институциональный фактор как один из макрофакторов, определяет уровень доверия новой власти. Исследователи отмечают, что справедливое распределение ресурсов снижает конфликтный потенциал и способствует конструктивному принятию новых политических институтов (Попов, 2015, 45).

«У населения всегда есть вопросы к власти (в старой или к новой), такова суть отношений общества и власти. Но результаты выборов у нас говорят, что люди новой власти доверяют и поддерживают» (эксперт, представитель академического сообщества, ДНР).

Мезофакторы, воздействующие на процесс политической ресоциализации новых граждан, связаны с влиянием системы социальных и политических институтов, непосредственно участвующих в процессе ресоциализации. Это влияние осуществляется через систему государственных политик, в первую очередь, через политику идентичности как системной деятельности государства по формированию гражданской идентичности, включающей гражданское воспитание, трансляцию системы патриотических ценностей, а также создание символических маркеров (например, образ сильного государства, единство народов), которые обеспечивают ценностно-символические связи новых граждан со своей страной (Горшков, 2013, 15). Исследования показывают, что в информационном пространстве новых регионов доминирует именно эта тематика (Домбровская, Лукушин, 2023, 39).

К системе мегафакторов следует также отнести внутреннюю, прежде всего, социальную, политику государства, поскольку работа власти по профилактике социальной напряженности, решению проблем безработицы, низкого уровня жизни, а также гармонизации межэтнических отношений напрямую влияют на успешность интеграции и политической ресоциализации (Авксентьев, Шульга, 2013, 37).

Ресурсное обеспечение новых регионов сложно отнести к какому-то конкретному направлению государственной политики, однако выделим этот фактор как отдельный в системе макрофакторов политической ресоциализации. Расширение институциональной, материальной и кадровой поддержки, развитие человеческого капитала через образование и науку являются практическими условиями успешной ресоциализации новых граждан.

Политико-социализирующее воздействие указанных макрофакторов осуществляется через разнообразные практики, в которые включены, помимо институтов государственной власти, образовательные учреждения, общественные организации и движения, вовлекающие новых граждан, особенно молодежь, в социально ориентированные практики (фестивали, конкурсы, волонтерство), что обеспечивает преемственность знаний и традиций (Шефель, Захарова, 2022, 107).

Важную роль в системе политической ресоциализации играют микрофакторы, обусловленные влиянием ближайшего окружения индивида. В этом контексте в первую очередь следует отметить влияние семьи и ближайшего окружения, поскольку в условиях институциональной нестабильности вектор социальных коммуникаций смещается в сторону ближнего круга. Исследования фиксируют, что такие традиционные агенты, как семья (79,2%) и друзья (49%), оказывают большее влияние на ресоциализацию, чем государство или СМИ (Шестопал, 2005, 50). Влияние этого фактора противоречиво: *«окружение может как поддерживать новые ценностные ориентации, так и создавать защиту от них»* (эксперт, система образования, Запорожская область). Индивид может погружаться в национальные, религиозные или иные группы, которые компенсируют нестабильность макросреды и создают ощущение безопасности. Стратегия адаптации на микроуровне может быть как пассивной (защита, избегание), так и активной (достижение, солидарность через совместную деятельность) (Горшков, 2013, 20). Система факторов политической ресоциализации новых граждан России представлена в табл. 1.

Таблица 1 - Факторы политической ресоциализации новых граждан России
Table 1 - Factors of Political Re-Socialization of New Russian citizens

Уровень	Фактор	Краткая характеристика фактора
Мега-	Геополитический контекст	Противостояние "Запад-Восток", формирующее бинарное восприятие "мы-они"
	Глобальное информационное пространство	Цифровая среда как поле борьбы за идентичность, несущая риски и возможности
Макро-	Ценностно-нормативное единство	Наличие объединяющего социокультурного ядра, общих историко-культурных кодов
	Социально-экономическое развитие	Уровень жизни, экономическая стабильность в новых регионах
	Институциональная поддержка	Справедливая политика распределения ресурсов, признание многообразия
Мезо-	Политика идентичности	Целенаправленное формирование гражданской идентичности через символы и воспитание
	Ресурсное обеспечение	Материальная, институциональная и кадровая поддержка новых субъектов РФ
	Социально-ориентированные практики	Вовлечение в общественные, волонтерские, культурные мероприятия
Микро-	Семья и ближний круг	Основной источник поддержки или сопротивления новым ценностным установкам
	Референтные группы	Группы, предоставляющие чувство защищенности в нестабильной среде

Таким образом, процесс политической ресоциализации новых граждан России представляет собой многоуровневый феномен, детерминированный комплексом взаимосвязанных факторов, действующих на мега-, макро-, мезо- и микроуровнях.

На мегауровне ключевыми детерминантами выступают глобальные обстоятельства, формирующие внешний контекст. Геополитическое противостояние, в рамках которого разворачивается российско-украинский конфликт, актуализирует бинарный выбор идентичности («мы – они») и усиливает значение консолидирующих ценностей. Параллельно глобальное информационное пространство, являясь ареной борьбы за идентичность, создает как риски негативного воздействия, так и интеграционный потенциал, обуславливая

необходимость формирования защищенного коммуникативного поля.

Макроуровень отражает влияние основных сфер жизни российского общества. Фундаментальную роль играет социокультурное и цивилизационно-ценностное единство, основанное на общем историко-культурном коде и русском языке как адаптивном ресурсе. Социально-экономическое состояние новых регионов и эффективность институциональной политики, включая справедливое распределение ресурсов, напрямую коррелируют с уровнем доверия к власти и успешностью интеграции.

На мезоуровне процесс структурируется через деятельность социальных и политических институтов. Целенаправленная политика идентичности, включающая гражданское воспитание и символическое маркирование, а также ресурсное обеспечение (материальное, кадровое, институциональное) и вовлечение в социально-ориентированные практики, составляют институциональный каркас ресоциализации.

Наконец, на микроуровне решающее влияние оказывает ближайшее социальное окружение индивида. Семья и референтные группы выступают основными агентами, которые могут как поддерживать новые ценностные установки, так и формировать сопротивление им, обеспечивая чувство защищенности в условиях нестабильности.

Таким образом, политическая ресоциализация новых граждан России представляет собой результат сложного взаимодействия внешнеполитического контекста, внутренней социально-экономической и ценностной динамики, целенаправленной институциональной политики государства и микросоциальных процессов. Успешность данных процедур зависит от синергетического эффекта факторов на всех уровнях.

Кроме ключевых факторов, на основе проведенного исследования определены базовые барьеры (психологический, социокультурный, институционально-технологический), которые служат препятствиями в процессах политической ресоциализации новых граждан России.

На основе анализа экспертных интервью психологический барьер политической ресоциализации новых граждан России может быть описан как комплексное состояние, укоренённое в экзистенциальной незащищённости и когнитивном диссонансе, возникшее вследствие радикальной смены политико-правового статуса и социального контекста. Сущность данного барьера заключается в блокировке процессов позитивной гражданской идентификации на базовом, индивидуально-личностном уровне.

Как отмечают эксперты, работающие в системе социальной политики и образования новых регионов, ключевым проявлением этого барьера является доминирование ощущения неопределённости и тревоги, связанной с будущим: *«Конечно, предстоит еще большая работа по восстановлению новых регионов, но люди видят, как все меняется, и понимают, что нужно еще много работать, чтобы жизнь стала еще лучше»* (эксперт, Запорожская область). Эта перманентная ситуация незавершённости, когда позитивные изменения очевидны, но их конечный результат и устойчивость остаются под вопросом, создаёт психологический фон, не способствующий глубокой внутренней интеграции. Индивид, находясь в состоянии хронического ожидания и необходимости постоянной адаптации, оказывается не готов к полноценному принятию новых политических ценностей и символов, так как его когнитивные ресурсы сфокусированы на решении базовых задач безопасности и стабильности.

Второй аспект психологического барьера связан с ценностно-мотивационным

конфликтом, спровоцированным внешним геополитическим давлением. Эксперт из академического сообщества ДНР указывает: «Действительно, люди понимают, что нужно сделать выбор между правильным и неправильным, и этот выбор актуализируют действия наших “политических оппонентов”». Внешнее противостояние, формирующее бинарную модель «мы – они», не только актуализирует необходимость выбора, но и создаёт внутреннее психологическое давление. Этот вынужденный, часто экстремальный, выбор может приводить не к осознанной консолидации, а к внутреннему сопротивлению, вытеснению или формальному согласию, что является признаком поверхностной, а не глубинной ресоциализации.

Таким образом, психологический барьер представляет собой не просто страх или дискомфорт, а глубокое личностное препятствие, возникающее на стыке неудовлетворённости базовых потребностей в безопасности, постоянной когнитивной нагрузки от неопределённости и морального давления, вызванного необходимостью радикального пересмотра идентичности в условиях внешнего конфликта. Преодоление данного барьера требует не только институциональных и экономических мер, но и целенаправленной психологической политики, направленной на снижение тревожности, формирование четких и достижимых жизненных перспектив и создание условий для внутренне мотивированного, а не вынужденного гражданского самоопределения.

Вторая группа – социокультурные барьеры. На основе анализа экспертных интервью социокультурный барьер политической ресоциализации новых граждан России может быть определен как комплекс устойчивых ментальных конструкций, ценностных установок и идентификационных моделей, унаследованных из предшествующего политико-культурного периода и препятствующих формированию целостной общероссийской гражданской идентичности. Данный барьер проявляется в трех взаимосвязанных формах: в барьере конкурирующей идентичности, барьере ценностного неприятия и барьере терминологической и концептуальной неопределенности.

Барьер конкурирующей идентичности коренится в иерархической структуре самоидентификации, где российская гражданская идентичность занимает подчиненное положение по отношению к иным, локальным или этноконфессиональным формам идентификации. Как отмечает эксперт из Крыма, у части населения, в частности у крымских татар, первичными являются этническая («крымский татарин») и религиозная («мусульманин») идентичности, тогда как статус «гражданин Российской Федерации» оказывается на периферии идентификационного поля. Это создает ситуацию, когда лояльность политической системе и государству опосредована иными исторически укорененными формами солидарности. Такая «конкуренция идентичностей» формирует когнитивный и ценностный фильтр, через который индивид воспринимает политические реалии, институты и символику новой родины, что существенно замедляет и усложняет процесс внутренней интеграции.

Барьер ценностного неприятия является наиболее острым проявлением социокультурного сопротивления, феноменом сознательного неприятия новой системы ценностей и отсутствия стремления к интеграции, что экспертное сообщество фиксирует через понятия «ждуны» и «фактор комплементарного отношения к Украине». Как указывают эксперты из ДНР и Запорожской области, существует часть населения, которая «ждет Украину до сих пор», демонстрируя пассивное, но устойчивое неприятие политических итогов воссоединения. Данная позиция характеризуется не просто ностальгией, а активным дистанцированием и

специфическими социальными установками («А вы нас должны содержать»). Особую остроту проблеме придает ее пространственная и демографическая динамика. Эксперт из ЛНР отмечает, что с расширением территории республики в ее составе увеличился процент людей, «которые изначально не видели себя гражданами Российской Федерации». Это ставит перед институтами политической ресоциализации качественно новую задачу, требующую дифференцированных подходов, так как стандартные интеграционные механизмы, разработанные для населения, сделавшего осознанный выбор в 2014 году, могут оказаться неэффективными. Эксперты констатируют отсутствие проработанных программ работы с «освобожденным населением», прошедшим через интенсивную идеологическую обработку в предшествующие годы, что усугубляет данный барьер и делает его долгосрочным вызовом.

Барьер терминологической и концептуальной неопределенности имеет двойственную природу, сочетая в себе идеологическую размытость и институционально-процедурные противоречия. С одной стороны, эксперты фиксируют внутреннее концептуальное противоречие в понимании «русского народа» как гражданской нации, интегрирующей различные этносы. Как отмечает эксперт из ДНР, возникает терминологический дискомфорт: слово «россиянин» воспринимается как некая абстракция, в то время как «русский» сохраняет отчетливую этническую коннотацию.

Эта смысловая неоднозначность препятствует формированию инклюзивной, объединяющей всех граждан концепции гражданской идентичности, создавая внутреннее напряжение. С другой стороны, барьер проявляется на уровне восприятия справедливости интеграционных процедур. Приведенный экспертом из ДНР контраст между длительным и сложным путем получения гражданства для бывших граждан Украины и упрощенной процедурой для иных категорий мигрантов, не владеющих русским языком, порождает чувство институциональной несправедливости. Это подрывает легитимность интеграционной политики в глазах тех, кто прошел через формальные процедуры, и создает почву для социального недовольства.

Важным контекстуальным фактором, усугубляющим все перечисленные барьеры, является системная идеологическая работа, проведенная украинскими институтами в предшествующие годы. Как указывает эксперт из Севастополя, Украина «достаточно активно формировала антироссийские взгляды», а Институт национальной памяти работал с гражданами разных возрастов. Это привело к глубокой «деформации сознания», исправление которой, по признанию эксперта из ДНР, не представляется возможным в краткосрочной перспективе. Таким образом, социокультурные барьеры – это не просто пережитки прошлого, а результат целенаправленного и длительного формирования альтернативной системы исторических нарративов, ценностей и идентичностей.

Таким образом, социокультурный барьер политической ресоциализации представляет собой глубоко укорененную, многослойную структуру, состоящую из альтернативных идентификационных иерархий, сознательного ценностного отторжения и концептуальных противоречий в понимании гражданства. Его преодоление требует не административных мер, а тонкой, дифференцированной и долгосрочной политики, направленной на диалог с различными группами, проработку инклюзивной концепции гражданской нации («российской гражданской идентичности») и создание нарративов, способных конкурировать с укорененными антироссийскими конструктами, сформированными за предшествующие годы.

Третья группа включает институционально-технологические барьеры (барьер

незавершенной институциональной интеграции и информационно-идеологический барьер). На основе анализа экспертных высказываний информационно-идеологический барьер политической ресоциализации новых граждан России может быть охарактеризован как комплексное препятствие, укоренённое в долговременном и целенаправленном формировании альтернативной системы ценностей, исторических нарративов и политических представлений, а также в продолжающемся противостоянии в цифровом пространстве. Этот барьер обладает значительной инерционностью и представляет собой один из наиболее сложных для преодоления вызовов, поскольку воздействует непосредственно на сознание и коллективную память населения.

Как отмечают эксперты, ключевой характеристикой данного барьера является его хронологическая глубина и устойчивость. Он является результатом «длительного времени», в течение которого в сознании людей формировались и закреплялись «чуждые идеи» и «чуждые идеалы». Этот процесс не был стихийным, а представлял собой системную работу, о чём свидетельствует указание на деятельность Института национальной памяти Украины и других структур, целенаправленно разрабатывавших механизмы формирования антироссийских взглядов среди различных возрастных и социальных групп. Как констатирует эксперт из ДНР, «мгновенное искоренение практически невозможно», а главный риск заключается именно в инерционности этих укоренённых конструкторов. Сознание, подвергшееся длительной и системной «деформации», не может быть «выправлено» в краткосрочной перспективе, что требует долгосрочной и тонкой стратегии контрнарратива.

В текущих условиях данный барьер не является пассивным наследием прошлого, а проявляет высокую активность, трансформируясь в продолжающуюся «информационную войну, войну за умы и за сердца». Это противостояние разворачивается в глобальном цифровом пространстве, не признающем политических границ, и характеризуется следующими аспектами:

Во-первых, непрерывным идеологическим противодействием: барьер поддерживается постоянным потоком альтернативной информации и интерпретаций событий, конкурирующих с официальным российским дискурсом. Это создает в информационном поле новых регионов ситуацию перманентного конфликта интерпретаций, где индивид вынужден совершать постоянный выбор между конкурирующими картинками мира.

Во-вторых, целенаправленными провокациями и дезинтеграционными технологиями. Как указывает эксперт из Крыма, одной из тактик является создание «провокаций для раскола общества». Эти действия направлены на актуализацию и обострение существующих социокультурных, этнических или политических разломов внутри сообщества новых граждан, препятствуя формированию единой гражданской солидарности и переводя общественную дискуссию в деструктивное русло внутренних конфликтов.

В-третьих, эксплуатацией институциональных лакун. В условиях, когда, по словам эксперта из ЛНР, механизмы политического участия остаются «недостаточно публичными» и «непонятными» для рядового гражданина, возникает чувство отчуждения («он становится не гражданином, а жителем»). Это ощущение исключённости из политической жизни создаёт благодатную почву для восприятия альтернативных, в том числе деструктивных, идеологических конструкций, которые предлагают простые, хотя и иллюзорные, объяснения сложившейся ситуации.

Информационно-идеологический барьер тесно переплетается с психологическим и социокультурным.

Основные типы и виды выявленных в результате исследования барьеров на пути политической ресоциализации новых граждан представлены в табл. 2.

Таблица 2. Барьеры на пути политической ресоциализации новых граждан РФ
Table 2. Barriers to the Political Re-Socialization of New Citizens of the Russian Federation

Типы барьеров политической ресоциализации новых граждан РФ	Виды барьеров политической ресоциализации новых граждан РФ	Сущность и характеристика барьеров политической ресоциализации новых граждан РФ
1. Психологический	Барьер безопасности и неопределенности	Блокировка процессов гражданской идентификации из-за неудовлетворенности базовых потребностей (безопасность) и неопределенности будущего.
2. Социокультурные	Барьер конкурирующей идентичности	Доминирование региональных, этнических, религиозных идентичностей над общероссийской, создающее когнитивный и ценностный фильтр.
	Барьер ценностного неприятия	Пассивное, но устойчивое неприятие политической системы и отсутствие стремления к интеграции.
	Барьер терминологической и концептуальной неопределенности	Идеологический вакуум из-за отсутствия четкой концепции, разграничивающей «русский» (этническое) и «россиянин» (гражданское).
3. Институционально-технологические	Барьер незавершенной институциональной интеграции	Разрыв между формальным и реальным встраиванием в политическую систему; отсутствие или «невидимость» институтов, каналов участия.
	Информационно-идеологический барьер	Воздействие альтернативного информационного поля (историческое наследие и актуальная подрывная деятельность).

Он питает психологический барьер неопределённости, предлагая упрощённые, но конфронтационные объяснения происходящего, и усиливает барьер конкурирующей идентичности, актуализируя и политизируя этнические или региональные формы самоидентификации в противовес общероссийской.

Таким образом, информационно-идеологический барьер предстаёт не как техническая проблема доступа к информации, а как глубокий ментальный и смысловой вызов. Он представляет собой гибридное явление, сочетающее в себе исторически укоренённые идеологические конструкции, сформированные в предшествующий период, и их активное, адаптивное воспроизводство и

использование в условиях современной гибридной войны. Его преодоление требует не просто увеличения объёма пророссийского контента, а разработки сложной, многоуровневой стратегии «мягкой силы» по деконструкции устоявшихся антироссийских нарративов через апелляцию к историческим фактам, культурным кодам и личному опыту; по конструированию привлекательной, инклюзивной и понятной системы ценностей и гражданской идентичности, способной стать смысловым ядром для новых граждан и институциональному подкреплению через создание прозрачных и доступных каналов политического участия, которые превращали бы формальный статус гражданина в реальное чувство со-причастности и со-управления. Только синергия смыслового и институционального уровней может создать эффективный иммунитет против продолжающейся «войны за умы».

Таким образом, барьеры политической ресоциализации носят многослойный характер, проистекая из психологической незащищенности индивидов, глубинных социокультурных расколов и недостатков институционального проектирования. Их преодоление требует не разрозненных мер, а комплексной стратегии, одновременно направленной на обеспечение физической и социальной безопасности, продвижение интегративной гражданской идентичности и создание понятных, доступных и легитимных институциональных механизмов включения новых граждан в политическую жизнь России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Успех политической ресоциализации зависит от синергии всех уровней: создания благоприятного внешне- и внутривнутриполитического климата, обеспечения социально-экономического благополучия, проведения взвешенной политики идентичности, основанной на единстве при уважении к многообразию, и активного вовлечения новых граждан в общественную жизнь при поддержке их ближайшего социального окружения.

На основе проведённого анализа структуры и природы факторов и барьеров политической ресоциализации новых граждан России можно выделить три комплексные стратегии, которые должны реализовываться субъектами публичной политики для системного преодоления выявленных препятствий. Эти стратегии носят взаимодополняющий характер и требуют скоординированных действий на федеральном, региональном и местном уровнях.

Стратегия институциональной конкретизации и публичной вовлечённости должна быть направлена в первую очередь на преодоление барьера незавершенной институциональной интеграции и психологического барьера неопределённости, обеспечивающей трансформацию формального гражданского статуса в ощущаемую реальность через создание прозрачных, понятных и доступных каналов включения в общественно-политическую жизнь.

Стратегия ценностно-идентификационной консолидации и смыслового диалога должна быть нацелена на нейтрализацию социокультурных барьеров и деактивацию информационно-идеологического барьера через диалогичное конструирование инклюзивной гражданской общности.

Стратегия социально-экономической стабилизации и обеспечения перспектив должна стать фундаментальной основой для снижения остроты психологического барьера и преодоления барьера ценностного неприятия и обеспечить материальные предпосылки эффективной ресоциализации.

Успешная политическая ресоциализация новых граждан возможна лишь при синхронной реализации всех трёх стратегий. Институциональная конкретизация создаёт каркас для участия, ценностно-идентификационная консолидация наполняет его смыслом и чувством принадлежности, а социально-экономическая стабилизация обеспечивает необходимую материальную и психологическую базу. Отказ от любой из этих составляющих или их несбалансированное применение приведёт к воспроизводству барьеров и поверхностному характеру интеграции.

Список литературы:

1. Авксентьев В.А., Шульга М.М. Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? // Социологические исследования. - 2013. - № 12 (356). - С. 34-42. - EDN: RRTYIJ
2. Баранов А.В. Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013-2022 гг. и задачи политики идентичности // Управленческое консультирование. - 2023. - № 1. - С. 10-23. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-1-10-23 EDN: GRGBWI
3. Башмаков И.С. Гражданская идентичность и образ будущего новых граждан России: факторы и перспективы формирования // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 347-350. EDN: LZYSOA
4. Бурдые П., Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. - СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. - ISBN: 5-89329-761-X EDN: QOENQL
5. Глузман С.А. Ментальное пространство России. - СПб.: Алетейя, Историческая книга, 2010. ISBN: 978-5-91419-271-3 EDN: SDSNIJ
6. Гогишвили Т.Т. Политическая ресоциализация: теоретический концепт и его возможности в контексте современных геополитических трансформаций // Общество: политика, экономика, право. - 2024. - № 11. - С. 81-87. DOI: 10.24158/пер.2024.11 EDN: IRPMQS
7. Гогишвили Т.Т., Самаркина И.В., Сазантович А.Б. Молодежь в трансформирующемся политическом пространстве: ретроспективный анализ процессов политической социализации и ресоциализации // PolitBook. - 2025. - № 2. - С. 6-26. - DOI: 10.24412/2227-1538-2025-2-6-26 EDN: HJSJBX
8. Горшков М.К. Модернизационный потенциал идентичности // Россия реформирующаяся. - 2013. - Вып. 12. - С. 3-21. - EDN: SCBVVV
9. Домбровская А.Ю., Лукушин В.А. Цифровой контент социокультурной интеграции ЛНР и ДНР: результаты когнитивного картирования // Власть. - 2023. - Т. 31, № 5. - С. 38-45. - DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9776 EDN: KYVCBG
10. Искусство и цивилизационная идентичность / под ред. Н.А. Хренова. - М.: Издательство Наука, 2007.
11. Йоас Х. Возникновение ценностей / пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. - СПб.: Алетейя, 2013.
12. Картунов С.В. Национальная идентичность. Постижение смысла. - М.: Аспект Пресс, 2009. EDN: LHQPZ
13. Костяев С.С., Юшков И.В. Особенности интеграции и адаптации Крыма в российскую социально-политическую систему // Гуманитарные науки. Вестник

Финансового университета. - 2015. - № 4 (20). - С. 45-52. - DOI: 10.12737/17058 EDN: VNZARN

14. Кульбачевская О.В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. - 2019. - № 4 (48). - С. 114-115. - DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/106-118 EDN: AWRRDL

15. Морозова Е.В. Фронтирная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедия / отв. ред. И.С. Семененко. - М.: Издательство "Весь Мир", 2017. - EDN: PNIWQP

16. Москальчук Е.И., Касабуцкая М.С. Ирредентизм в этнополитическом пространстве российско-украинских отношений // Теория и практика общественного развития. - 2018. - № 12. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irredentizm-v-etnopoliticheskom-prostranstve-rossiysko-ukrainskih-otnosheniy> (дата обращения: 28.10.2025). DOI: 10.24158/tipor.2018.12.13 EDN: YQPCSTJ

17. Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа. - М.: Аспект Пресс, 2020. ISBN: 978-5-7567-1062-5 EDN: QSEFPQ

18. Попов М.Е. Социокультурная интеграция и проблемы разрешения конфликтов идентичностей: региональный аспект // Logos et Praxis. - 2015. - № 2 (28). - С. 40-46. - EDN: UJWDLT

19. Роккан С. Города, государства и нации: пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука. - 2006. - № 4. - С. 46-72. EDN: HVPRMH

20. Селезнева А.В. Политические представления и ценности россиян. - М.: Издательство МГУ, 2013

21. Семененко И.С. Идентичность как ресурс общественного развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. - М.: Издательство "Весь мир", 2023. - С. 18-27. EDN: BPCOSA

22. Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. - М.: Издательство "Весь Мир", 2009.

23. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / пер. с англ. под науч. ред. В. Радаева. - М.: Издательство ВШЭ, 2022

24. Шестопал Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Журнал политической философии и социологии политики "Полития. Анализ. Хроника. Прогноз". - 2005. - № 4. - С. 48-69. - EDN: MLINDR

25. Шестопал Е.Б., Селезнева А.В., Зверев А.Л. Политическая социализация граждан в постсоветской России. - М.: Новый хронограф, 2008. - ISBN: 978-5-94881-064-5 EDN: SUOTFX

26. Шефель С.В., Захарова В.А. Реализация концепции социокультурного синтеза в Республике Крым как условие социальной адаптации молодых крымчан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2022. - № 2. - С. 107-110. 10.236726749-1232-0360. DOI: 10.23672/q6749-1232-0360-d. EDN: FIROBD

References:

1. Avksent'iev, V.A. and Shul'ga, M.M. (2013) 'Multi-National Stavropol Territory: A Bulwark of Stability or a Crossing of Problems?', *Sociological Research*, 12 (356), pp. 34-42. (In Russ.) EDN: RRTYIJ

2. Baranov, A.V. (2023) 'Sociocultural Integration of Russian Society under the Influence of the Ukrainian Crisis of 2013-2022 and the Identity Policy's Purposes', *Administrative consulting*, 1, pp. 10-23. (In Russ.) DOI: 10.22394/1726-1139-2023-1-10-23

3. Bashmakov, I.S. (2024) 'Civic Identity and the Image of the Future of New Russian Citizens: Factors and Prospects of Formation', in *The Black Sea-Mediterranean Region in the Context of Russia's National Interests: On the 80th Anniversary of the Liberation of Crimea and Ukraine from Nazi Occupation and the 110th Anniversary of the Beginning of World War I*. Krasnodar: Kuban State University, pp. 347–350. (In Russ.)EDN: LZYSOA.
4. Bourdieu, P. (2005) *Social Space: Fields and Practices*. Transl. from French. St. Petersburg: Aletheia; Moscow: Institute of Experimental Sociology. (In Russ.)EDN: QOENQL.
5. Gluzman, S.A. (2010) *Mental Space of Russia*. St. Petersburg: Aleteya: Istoricheskaya kniga. (In Russ.)
6. Gogishvili, T.T. (2024) 'Political Resocialization: Theoretical Concept and Its Possibilities in the Context of Modern Geopolitical Transformations', *Society: Politics, Economics, Law*, 11, pp. 81–87. (In Russ.)DOI: 10.24158/pep.2024.11
7. Gogishvili, T.T., Samarkina, I.V. and Sazantovich, A.B. (2025) 'Youth in a Transforming Political Space: A Retrospective Analysis of the Processes of Political Socialization and Resocialization', *PolitBook*, 2, pp. 6–26. (In Russ.)DOI: 10.24412/2227-1538-2025-2-6-26. EDN: HJSJBX.
8. Gorshkov, M.K. (2013) 'Modernization Potential of Identity', *Russia Reforming*, 12, pp. 3–21. (In Russ.)EDN: SCBVVV
9. Dombrovskaya, A.Yu. and Lukushin, V.A. (2023) 'Digital Content of Socio-Cultural Integration of LPR and DPR: Results of Cognitive Mapping', *Vlast'*, 31(5), pp. 38–45. (In Russ.)DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9776
10. Khrenov, N.A. (ed.) (2007) *Art and Civilizational Identity*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Joas, H. (2013) *The Emergence of Values*. Transl. from German. St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
12. Kortunov, S.V. (2009) *National Identity. Understanding the Meaning*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
13. Kostyaev, S.S. and Yushkov, I.V. (2015) 'Features of Crimea Integration and Adaptation to Russian Socio-Political System', *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 4(20), pp. 45–52. (In Russ.)DOI: 10.12737/17058. EDN: VNZARN.
14. Kulbachevskaya, O.V. (2019) 'Ethno-Social Situation and Interethnic Relations in Crimea', *Herald of Anthropology*, 4(48), pp. 114–115. (In Russ.)DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/106-118. EDN: AWRRLD.
15. Morozova, E.V. (2017) 'Frontier Identity', in I.S. Semenenko (ed.) *Identity: Personality, Society, Politics: Encyclopedia*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)EDN: PNIWQP
16. Moskalchuk, E.I. and Kasabutskaya, M.S. (2018) 'Irredentism in the Ethnopolitical Space of Russian-Ukrainian Relations', *Theory and Practice of Social Development*, 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/irredentizm-v-etnopoliticheskom-prostranstve-rossiysko-ukrainskih-otnosheniy> (Accessed: 28 October 2025). (In Russ.) DOI:10.24158/tpor.2018.12.13 EDN: QSEFPQ
17. Okunev, I.Yu. (2020) *Fundamentals of Spatial Analysis*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
18. Popov, M.E. (2015) 'Sociocultural Integration and the Problems of Identity-Based Conflicts' Resolution: A Regional Aspect', *Logos et Praxis*, 2(28), pp. 40–46. (In Russ.)EDN: UJWDLT.
19. Rokkan, S. (2006) 'Cities, States and Nations: A Dimensional Model for The Study of Contrasts in Development', *Political Science*, 4, pp. 46–72. (In Russ.)EDN: HVPRMH.
20. Selezneva, A.V. (2013) *Political Views and Values of Russians*. Moscow: Moscow State University Press. (In Russ.)

21. Semenenko, I.S. (2023) 'Identity as a Resource for Social Development', in I.S. Semenenko (ed.) *Identity: Personality, Society, and Politics. New Contours of the Research Field*. Moscow: Ves' Mir, pp. 18–27. (In Russ.) EDN: BPCOCA
22. Turner, F.J. (2009) *The Frontier in American History*. Transl. from English. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.) EDN: SUOTFX
23. Fligstein, N., McAdam, D. (2022) *Field Theory*. Transl. from English. Moscow: (In Russ.)HSE Publ.
24. Shestopal, E.B. (2005) 'Political Socialization and Resocialization in Contemporary Russia', *Politeia-Journal of Political Theory Political Philosophy and Sociology of Politics*, no.4, pp. 48–69. (In Russ.)EDN: MLINDR.
25. Shestopal, E.B., Selezneva, A.V. and Zverev, A.L. (2008) *Political Socialization of Citizens in Post-Soviet Russia*. Moscow: Novy Khronograf. (In Russ.) EDN: SUOTFX.
26. Shefel, S.V. and Zakharova, V.A. (2022) 'Implementation of the Concept of Socio-Cultural Synthesis in the Republic of Crimea as a Condition for the Social Adaptation of Young Crimeans', *Humanities, Social Economic and Social Sciences*, 2, pp. 107–110. (In Russ.)DOI 10.236726749-1232-0360. EDN: FIROBD

Сведения об авторе:

Тамара Теймуразовна Гогишвили, аспирант, Кубанский государственный университет, (Россия, Краснодар), e-mail: toma.gogishvili.84@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0982-2023>, SPIN-код: 7997-8270, Author ID: 1288101.

About the author:

Tamara T. Gogishvili, Postgraduate Student, Kuban State University (Russian Federation, Krasnodar), e-mail: toma.gogishvili.84@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0982-2023>, SPIN-код: 7997-8270, Author ID: 1288101.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор утвердил окончательный вариант статьи.

The author declares no conflict of interest.
The author has approved the final version.

© Гогишвили Т.Т., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ
В НАУЧНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**И.Н. Савеличева , И.С. Шаповалова **

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
адрес: 308000, Россия, г. Белгород, ул. Преображенская, д. 78*

Поступила
в редакцию
26.04.2025

Поступила
после
рецензирования
19.07.2025

Принята
к публикации
29.09.2025

Аннотация. Молодежь в условиях трансформации политических систем выступает не только объектом политического воздействия, но и субъектом, активно формирующим новые политические практики и идентичности. Политическая культура молодежи определяет долгосрочные траектории политического развития общества.

Целью статьи является системное рассмотрение научного дискурса в определении и эмпирической верификации элементов политической культуры молодежи. **Методы.** На основе критического анализа публикаций структурированы ключевые проблемы, обсуждаемые в научном дискурсе, посвященном политической культуре молодежи. Выявлено, что в исследовательском поле представлено фрагментарное изучение элементов политической культуры молодежи.

Отмечается наличие существенных лакун в осмыслении феномена политической культуры. Также акцентируется, что мозаичный и бессистемный характер, затрудняет осуществление долгосрочного социального прогноза и обуславливает необходимость формирования системной методологии сравнительного анализа данных.

Авторы приходят к выводу о том, что отличительными признаками политической культуры молодежи являются особенности процессов первичной и вторичной социализации, самоопределения и саморегуляции. Кроме того, авторы подчеркивают, что в современном научном дискурсе проблемные акценты в изучении политической культуры молодежи связаны с выявлением несформированности политического сознания, а также неэффективностью политической социализации. Такая оценка обусловлена отсутствием целенаправленного влияния социальных институтов и формальной организации процессов социализации (образование, воспитание и формальную коммуникацию). Установлено, что широкий спектр научных работ исследует формы активности, связанные с анализом условий и барьеров участия молодежи в выборах, а также рассматривает деятельность политических активистов с позиции возможного включения в политическую сферу (как политический потенциал).

В результате аргументируется наличие диссонанса между динамично меняющейся реальностью политического участия, включая формирование гибридных и сетевых форм, что прогнозирует расширение категориального аппарата исследований.

Ключевые слова: молодежь, политическая культура, политическое мышление, политическое сознание, политическая социализация, политическое поведение, политические стратегии, молодежные социальные сети, гибридные формы политического участия.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Для цитирования: Савеличева И.Н., Шаповалова И. С. Политическая культура молодежи в научном социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – no.4. – С. 65-85. EDN PSYEFY

© Савеличева И.Н., Шаповалова И.С., 2025

THE POLITICAL CULTURE OF YOUTH IN SCIENTIFIC
SOCIOLOGICAL DISCOURSEI.N. Savelicheva , I.S. Shapovalova *Belgorod State National Research University,
address: 78 Preobrazhenskaya str., Belgorod, 308000, Russia*Received
26.04.2025Revised
19.07.2025Accepted
29.09.2025

Abstract. *In the context of transforming political systems, young people are not only the object of political influence but also the subject, actively shaping new political practices and identities. The political culture of young people determines the long-term political development pathway of society.*

The purpose of the article is a systematic review of scientific discourse in the definition and empirical verification of elements of youth political culture.

Methods. *Based on a critical analysis of publications, the authors structured the key issues of youth political culture. They revealed that the research field presents a fragmentary study of the elements of that one.*

The authors note, that there are significant gaps in understanding the phenomenon of political culture. They also emphasize that the mosaic and unsystematic nature makes it difficult to implement a long-term social forecast and necessitates the formation of a systematic methodology for comparative data analysis.

The authors conclude that the distinctive features of youth political culture are the processes of primary and secondary socialization, self-determination and self-regulation. In addition, the authors emphasize that in modern scientific discourse, problematic accents in the study of youth political culture are associated with the identification of unformed political consciousness, as well as the ineffectiveness of political socialization. This assessment is due to the lack of targeted influence of social institutions and the formal organization of socialization processes (education, upbringing and formal communication). It is established that a wide range of scientific papers explores forms of activity related to the analysis of conditions and barriers to youth participation in elections, and also examines the activities of political activists from the perspective of possible inclusion in the political sphere (as a political potential).

As a result, it is argued that there is a dissonance between the dynamically changing reality of political participation, including the formation of hybrid and network forms, which predicts the expanding the framework of categories and concepts.

Keywords: *youth, political culture, political thinking, political consciousness, political socialization, political behavior, political strategies, youth social networks, hybrid forms of political participation*

Funding: *The study is supported by the state task FZWG-2023-0016 «Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space».*

For citations: Savelicheva I. N., Shapovalova I. S. (2025) The Political Culture of Youth in Scientific Sociological Discourse. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol.20, no.4, P. 65-85. EDN PSYEFY

© Savelicheva I. N., Shapovalova I. S., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования политической культуры современной молодежи обусловлена комплексом факторов теоретического и социально-практического порядка. В контексте трансформации политических систем и цифровизации общественных отношений молодежь выступает не только объектом политического воздействия, но и субъектом, активно формирующим новые политические практики и идентичности. Политическая культура молодежи, понимаемая как система базовых ориентаций, установок и моделей политического поведения, детерминирует не только текущие электоральные процессы, но и долгосрочные траектории политического развития общества. В этой связи ее научная концептуализация в рамках социологического дискурса приобретает характер методологического императива.

Анализ политической культуры молодежи сохраняет свою непреходящую научную и общественную значимость, однако в современных социокультурных и технологических реалиях он приобретает новое, сущностное измерение. Актуальность данного исследования детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов теоретического и прикладного характера.

Во-первых, молодежь выступает в качестве ключевого актора трансформации политических систем и идеологических ландшафтов. Будучи наиболее динамичной и восприимчивой к инновациям социально-демографической группой, она не просто интериоризирует существующие нормы, но активно участвует в их реинтерпретации и формировании альтернативных моделей политического участия. Изучение ее ценностных ориентаций, паттернов гражданственности и способов легитимации власти позволяет осуществлять прогностическое моделирование траекторий развития политического режима в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Во-вторых, цифровая среда кардинально трансформирует онтологию политического. Социальные сети, платформенная экономика и алгоритмическая кастомизация информации создают принципиально новые условия для политической социализации. Формируется гибридная политическая культура, в которой онлайн- и офлайн-практики переплетаются, порождая такие феномены, как цифровой активизм, меметическая политическая коммуникация и фрагментированные, сетевые формы идентичности. Традиционные методологические подходы требуют существенной корректировки для адекватного отражения этих процессов.

В-третьих, в условиях социальной и ценностной полифонии современного общества возрастает значимость исследования механизмов формирования политической субъектности молодежи. Распад универсальных метанарративов, кризис институциональных агентов социализации (таких как традиционные партии или СМИ) и конкуренция разнонаправленных идеологических дискурсов ставят вопрос об источниках и ресурсах консолидации политического сообщества. Анализ того, каким образом в молодежной среде конструируются представления о «своих» и «чужих», о допустимых и недопустимых формах политического действия, проливает свет на фундаментальные процессы социальной интеграции и конфликта.

В-четвертых, существует насущная практическая потребность в выработке научно обоснованных подходов к диалогу между государственными институтами и молодым поколением. Неадекватность устаревших форм политической коммуникации, основанных на монологе и вертикальном воздействии, ведет к

росту абсентеизма, аполитичности или, напротив, к радикализации части молодежи. Понимание специфических языков, каналов и мотивационных структур политического участия современной молодежи является необходимым условием для разработки эффективной публичной политики и укрепления легитимности.

Таким образом, исследование политической культуры молодежи представляет собой не частную, а стержневую научную проблему. Оно находится на пересечении ключевых вызовов современности: цифровизации общественных отношений, трансформации идентичностей, поиска новых оснований солидарности. Результаты такого анализа имеют фундаментальное значение для развития политической социологии, теории демократии и прикладной политологии, обеспечивая эмпирическую и концептуальную базу для осмысления динамики современных обществ.

Научная проблема статьи заключается в наличии существенных лагун и теоретико-методологических противоречий в осмыслении феномена политической культуры молодежи в современном социологическом знании. С одной стороны, в научном дискурсе доминируют подходы, редуцирующие ее либо к формальным показателям электоральной активности, либо к акциям протестного характера. С другой стороны, наблюдается дефицит целостных моделей, интегрирующих когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты данного феномена, а также учитывающих его стратификационную неоднородность и региональную специфику.

Существует явный диссонанс между динамично меняющейся реальностью политического участия, включая формирование гибридных и сетевых форм, и ограниченным категориальным аппаратом, используемым для его описания. Традиционные дихотомии, такие как «лояльность – оппозиционность» или «активность – апатия», оказываются недостаточно релевантными для анализа сложных и зачастую латентных форм политической социализации в цифровой среде. Это порождает потребность в ревизии существующих теоретических конструктов и разработке более гибкого аналитического инструментария, способного отразить многомерность и внутреннюю противоречивость политической культуры молодого поколения.

Таким образом, актуальность и научная проблема сходятся в необходимости проведения системного анализа существующих социологических подходов к изучению политической культуры молодежи с целью их критической оценки, синтеза и выработки новой исследовательской перспективы, адекватной вызовам современного этапа общественного развития.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РАБОТЫ

В классической социологии можно выделить три основных подхода к изучению и концептуализации политической культуры: объективистский подход (Р. Карр, М. Бернстайн, Р. Такер и др.), определяющий политическую культуру как культуру поведения в политике и тем самым задающий границы анализа данного феномена группами политических элит и претендентов на причастность к данной группе; субъективистский подход (М. Фуко, Ю. Хабермас и др.), предполагающий понимание политической культуры как ресурса воздействия на формирование у индивида политических смыслов и ориентации, приводящих к соглашению по поводу целей и смыслов реализуемой политики государства; конструкционистский подход (Г. Алмонд, С. Верба, С. Липсет, С. Вайт, Р. Лэйн, А. Вилдавски, Р. Инглхарт и др.), акцентирующий на ценностном видении

политической культуры, установлении связи между политическими ценностями и мотивами политического поведения.

В качестве базовой теоретической парадигмы современных исследований политической культуры выступает динамическая интерпретация концепта «политическая культура», восходящая к работам Г. Алмонда и С. Вербы, но критически переосмысленная в контексте позднего модерна. Исследователи, как правило, отказываются от рассмотрения политической культуры как гомогенной, статичной системы ориентаций, трактуя ее как поле постоянного производства, воспроизводства и конкуренции значений (П. Бурдьё). Акцент смещается с анализа исключительно ценностно-нормативных структур («культура как система») к исследованию повседневных практик, дискурсов и нарративов («культура как процесс»), в которых эти структуры актуализируются, оспариваются или нивелируются.

Для анализа процессов инкорпорации политических норм и формирования гражданской идентичности обычно применяется концепция политической социализации, обогащенная теорией поколенческих когорт (К. Мангейм). Молодежь рассматривается не как пассивный объект воздействия институтов, а как активный агент, чья «поколенческая позиция» формируется под влиянием уникального исторического опыта (цифровизация, постправда, антропогенный кризис), что порождает специфическое «поколенческое единство».

Особое значение в контексте гибридизации публичной сферы приобретает теория сетевого общества (М. Кастельс) и концепция цифровой политической культуры. Это позволяет анализировать, как алгоритмические платформы, практики меметической коммуникации и логика виральности реконструируют традиционные модели политического участия, создавая новые формы солидарности («коннективное действие» – В. Лансбэйн, З. Тайфел) и новые линии социального раскола.

В рамках современного научного диалога российских авторов в вопросе изучения политической культуры широко представлен интерпретационный подход, ориентированный на исследование социальных изменений и аксиологических оснований политической жизни.

Безусловно, научный дискурс по вопросам формирования и презентации политической культуры молодежи имеет масштаб, позволяющий получить системное представление по данному вопросу, а также возможность зафиксировать направление трансформации показателей политической культуры в историческом хронотопе. Но данные, представляемые в трудах исследователей, как правило, носят разрозненный и фрагментарный характер, акцентирующий внимание на показателях, элементах или проблемах политической культуры. В этой связи целью данной статьи является системное рассмотрение научного дискурса в определении и эмпирической верификации элементов политической культуры молодежи.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сложность в изучении и операционализации понятий, связанных с политической культурой молодежи, определяется включением ее как элемента в близкородственные, но смежные социальные системы социологических понятий: *«политическая культура молодежи одновременно принадлежит и к системе социально-политических отношений, и к системе культуры. Как составляющая политической системы общества она отражает степень политической зрелости и социальной активности молодежи. Как часть культуры общества,*

политическая культура – это накопленный потенциал, опыт молодежного социума, который раскрывает процесс формирования и реализации сущностных сил молодого человека в процессе его политической деятельности» (Погосян, Гражданкина, 2014). В этой связи вопрос восприятия политической культуры молодежи часто связан с теми задачами, которые стоят перед исследователями. Высокая геополитическая турбулентность и нестабильность вызывают широкий интерес к вопросу политической культуры молодежи, поиску ее ключевого определения и структуры.

Так, по мнению И. Г. Долининой, *«политическая культура молодежи есть совокупный результат обучения и воспитания, представляющий собой комплексную характеристику освоенного обучающимися политического опыта, сформированного политического сознания и в соответствующей мере происходящего и предстоящего в будущем конвенционального политического поведения, при доминирующих признаках: заинтересованности в решении существующих общественно-политических проблем, подготовленности к политическому участию в жизни общества, способности взаимодействовать с государственными институтами»* (Долинина, 2011).

Поиск ответов на вопрос о механизме формирования политической культуры приводит исследователей к необходимости устанавливать структурную взаимосвязь социализации, адаптации и идентификации, определять их влияние на формирование политической культуры молодежи, что отражено в работах Л. А. Погосян, которая приходит к рефлексии современного состояния всех этих процессов в России: *«в целом хаотичном и бессистемном комплексе политических ориентаций молодежи можно констатировать две тенденции, характеризующие его настоящий период: с одной стороны, чувство безысходности, неверие в свои силы, размытость и конформность идеалов, сориентированных на личное благополучие, не позволяют сформировать широкое политическое представительство молодежи; с другой стороны, агрессивность и репрессивность сознания, выливающиеся в озлобленность и экстремизм в молодежной среде, могут привести молодых в стан политических авантюристов, деструктивных сил, явиться основой для формирования молодежных асоциальных группировок»* (Погосян, 2013).

Вообще, вопрос политической социализации поднимается достаточно активно в научном дискурсе: формулируется проблема, связанная с неорганизованностью данного процесса, отсутствием целенаправленного влияния, а также с бесконтрольным влиянием институтов политической социализации на молодежь (Касьянов и др., 2017). Так, А. М. Гатиева выделяет пять ключевых тенденций (на период 2019 года), характеризующих политическую социализацию молодежи в России: первая тенденция *«определяется высоким уровнем вариативности и стратификационности в политической социализации молодежи; вторая связана с широким диапазоном возможностей в политической самореализации собственной гражданской позиции посредством включения в политическую жизнь; третья заключается в относительной упорядоченности и структурированности процессов политической социализации по сравнению с аналогичными процессами прошлого века; четвертой тенденцией становится мозаичность, деполитизация и деидеологизация политического сознания молодежи; пятая тенденция определяется активным использованием технологий политического манипулирования в политической социализации молодежи»* (Гатиева, 2019). Несмотря на то что мы наблюдаем значительные

изменения в геополитической ситуации, практически все выделенные тенденции остаются актуальными и сегодня. Так, уже в 2021 году Н. Н. Кулакова и В. В. Аничкина по результатам проведенных исследований отмечают, что *«факторами политической социализации в настоящее время стали смена официальных политических институтов формирования политической культуры независимыми акторами, многообразие стимулов и источников формирования политических ценностей, установок и мотивов участия»* (Кулакова, Аничкина, 2021).

В статье А. М. Гатиевой мы также находим важное основание для оценки успешности политической социализации молодежи: *«вершинным результатом политической социализации молодежи выступает поведенческий компонент, т. е. активное и постоянное участие индивида в политической жизни государства. На уровне поведения успешность политической социализации также может выражаться в живом и целенаправленном отслеживании молодежью политических событий, происходящих в стране и мире, участии в выборах, членстве и в политических движениях и организациях, готовности и способности выражать активную гражданскую позицию и собственные политические взгляды»* (Гатиева, 2019).

Отдельное внимание уделяется институтам и средствам политической социализации молодежи (Сайганова, 2013), среди которых обозначаются, как правило, институт образования, социальные сети и интернет, молодежное самоуправление и молодежная политика, институт семьи, политические и общественные субъекты (лидеры, партии, организации).

В контексте определения специфики политической культуры молодежи О. В. Щупленкову и О. Н. Щупленкову удалось зафиксировать ее отличие от политических культур других социальных групп, что можно увидеть через определение, предложенное авторами: *политическая культура молодежи – это «зафиксированный в традициях и нормах политический опыт молодежи; уровень ее морально-нравственных, ценностных представлений о политической власти и взаимоотношениях государства и общества, которые выражаются в соответствующей деятельности институтов власти; совокупность типичных форм мышления и поведения молодежи в публичной сфере, создающих преемственность политического развития социума, а также способность оценивать явления общественной жизни и занимать определенную политическую позицию, которая выражается в конкретном социально-политическом функционировании»* (Щупленков, Щупленков, 2013).

К. А. Бударина и Е. Н. Малик также указывают на особенность молодежной политической культуры по отношению к политической культуре взрослого населения, которая, по их мнению, заключается в том, что *«молодые люди готовы одновременно поддерживать и разделять традиции разного характера: во-первых, социалистические, на которых были воспитаны их родители, во-вторых, национальные, сохранившиеся генетически; в-третьих, традиции интернационального характера, включающие опыт международного общения и мировой культуры»* (Бударина, Малик, 2015). С нашей точки зрения, такое смешение идеологических основ, которое отмечают ученые, дает особую нагрузку на политическое мышление, включая дополнительно и усиливая процессы критического анализа и синтеза различных идеологем.

Такие процессы в условиях насыщенной политической повестки и геополитического кризиса могут проходить не всегда успешно. Возможно, в

рамках исследования молодежных групп имеет смысл говорить, в частности, и о *политическом культурном конфликте* – явлении несоответствия формальных смыслов политической ситуации внутренним оценкам молодежи в связи с рассогласованием критериев оценки, в том числе по причине несформированности политического сознания и незрелости политического мышления. *«Каждому этапу существования общества присущ определенный уровень политической культуры, к сожалению, большинство исследователей соглашается с тем, что на данный момент уровень политической культуры молодежи ничтожно низок»* (Денисов, 2006).

В научном дискурсе вопрос политического культурного конфликта для молодежи поднимается не часто и, как правило, связан с возникновением рассогласования в принятии политической ситуации, связанной с этнокультурным столкновением (Ерохин, Воробьев, Авдеев, 2021). На наш взгляд, наиболее значимым исследованием внутреннего конфликта политической культуры молодежи можно назвать качественное исследование межрегионального научного коллектива под руководством М. В. Певной (при участии автора (проведение и первичный анализ данных студенческих фокус-групп на территории Белгородской области)), проведенного в апреле 2022 года, показавшего дезориентацию студенческой молодежи и страхи как отражение неспособности сформированного политического мышления (*Страхи российского студенчества...*, 2022).

Геополитическая трансформация и геополитические кризисы последнего времени как ключевые конфликтные факторы деформации политического сознания и политического мышления молодежи, оказывающие весомое воздействие на процессы ее политической социализации, также представлены в научном диалоге ученых. Как правило, такие исследования связаны с изучением эмоционально-оценочного компонента, с определением политических диспозиций молодежи, их рефлексии политической среды и ситуации (*Социальное самочувствие...*, 2024). Многие исследователи отмечают серьезную трансформацию политической культуры, вызванную турбулентностью политических процессов, затронувших Россию. Так, Я. Ю. Шашкова и Д. А. Казанцев по результатам проведенных ими исследований учащейся и студенческой молодежи Алтайского края делают вывод о том, что *«буквально за три года она (молодежь) прошла путь от группы с четким, ценностно ориентированным образом будущего и готовностью его отстаивать даже «языком улиц» до состояния страха перед политикой и коммуникативной закрытостью, стремления молодых людей в любой ситуации избегать конфликтов и оберегать выстроенное вокруг себя пространство материального, коммуникативного и информационного комфорта»* (Шашкова, Казанцев, 2024).

Восприятие политической культуры молодежи с позиции ее конфликтности по отношению к общей политической культуре поднимает проблему адаптации молодежи к политике и формирования *адаптивной* политической культуры. В этой связи имеет смысл говорить и о *политической адаптации молодежи*. Особенности *политической адаптации молодежи* изучаются В. А. Тер-Акопяном: *«политическую адаптацию молодежи отличает ряд особенностей. Объективно они выражаются в более низкой политической активности молодых людей во всех формах (электоральном участии, организационной и протестной деятельности) и слабосформировавшейся способности к самоорганизации в политической сфере по сравнению со старшими возрастными группами. Политическая адаптация молодежи*

во многом характеризуется чертами и тенденциями, свойственными политической адаптации большей части населения России. Исследование данного феномена показало, что в молодежной среде она также преимущественно является *принудительной, традиционной, пассивной и регрессивной*» (Тер-Акопьян, 2014).

Отдельно ученый говорит и о барьерных внутренних и внешних факторах, препятствующих процессу политической адаптации, определяя в качестве «внутренних (эндогенных) факторов низкий интерес к политике, недостаточное признание важности инструментальных политических ценностей, низкие показатели уверенности в эффективности своего политического участия», а в качестве внешних – «бюрократизм существующей системы и нездоровую социально-политическую ситуацию в стране» и «*малоэффективную конфигурацию органов государственной власти и характер их формирования (помехи политической адаптации), а также отсутствие влиятельных и авторитетных молодежных организаций (дефициты политической адаптации), способных воздействовать на государство*» (Тер-Акопьян, 2014).

В научном дискурсе рассмотрение политической культуры молодежи редко представлено с позиции системного анализа всех компонент, редко можно столкнуться с системным дизайном ее исследования¹ (Шаповалова, Валиева, 2022). Скорее, данное понятие преломляется через один из компонентных ракурсов восприятия. Так, когнитивный компонент, как правило, представлен в исследованиях политического сознания молодежи, механизмов его формирования и роли социальных институтов в процессе воздействия на него, хотя встречаются исследования ментальных основ политической культуры (концентрирующихся на изучении политических представлений молодежи) (Евгеньева, Антонов, Селезнева, 2020).

Научный поиск также посвящен методологическим основаниям изучения политического сознания молодежи. Сложность и даже дихотомичность его формирования становятся ядром научного дискурса. Так, О. В. Сорокин отмечает, что «с одной стороны – политическое сознание формируется вследствие целенаправленного воспитания и обучения, что приводит к формированию знаний, норм, требований, представлений и идеалов. С другой – является результатом социально-политических условий, отражает особенности положения молодежи в этих условиях и реальные политические отношения в обществе, которые часто приобретают спонтанный и противоречивый характер» (Сорокин, 2007). Возможно, конфликтом этих двух направлений, влияющих на формирование политического сознания молодежи, становятся его особенности, среди которых автор выделяет «*лабильность, фрагментацию и мозаичность, низкий уровень доверия политическим институтам, эмоциональную составляющую сознания, отказ от традиционных политических ценностей и индивидуализацию*» (Сорокин, 2007).

Важный момент в механизме формирования политического сознания молодежи подчеркивает Ю. А. Зубок, говоря о том, что «*значительная доля политических ориентаций в структуре политического сознания молодежи формируется на основе индивидуальной или групповой саморегуляции*» (Зубок, Сорокин, 2010). Повышающаяся роль саморегуляции молодежи в процессе

---

¹ См. подробнее: Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (а) Исследовательский дизайн изучения политического мышления молодежи // В сборнике: Научные результаты Социологии 2021. Сборник статей по материалам I Международного научного онлайн форума. Белгород, 2022. – С. 162–168.

формирования политического сознания обусловлена недостатком (или конфликтом) воздействия институтов политической социализации: *«в политическом сознании молодежи возникает противоречие между деформированными целеориентирующими механизмами институционального воздействия и активизацией саморегуляционных механизмов»* (Зубок, Сорокин, 2010). Таким образом, процессы саморегуляции как одной из форм политической социализации становятся для молодежи приоритетными в условиях дефицитов политической социализации.

Можно сказать, что состояние политического сознания молодежи всегда оценивается несколько критично (тем самым подчеркивается факт отсутствия системы его формирования). Так, например, даже в 2010 году М. А. Калугина по результатам обширных исследований студенческой молодежи фиксирует проблему отсутствия у студентов системы политических знаний, сформированность только базовых понятий, часто никак не связанных с политикой, общественным устройством, отражающим, по сути, житейский ракурс восприятия действительности (Калугина, 2010). И несмотря на серьезные политические преобразования, проблема молодежного политического сознания остается насущной, о чём делает вывод уже в 2020 году Д. А. Головин: *«политическое сознание российской молодежи, как и молодежи любого современного государства, отличается неустойчивостью, аморфностью, склонностью к радикализму. Политические архетипы, доставшиеся современной российской молодежи от поколения 1990-х, не способствуют конструктивизации и гармонизации ее политического сознания»* (Головин, 2020).

Безусловно важным вопросом в этом отношении является и проблемный аспект влияния на политическое сознание молодежи «новых» институтов политической социализации, к которым относятся прежде всего интернет-коммуникации, и этот аспект активно изучается социологами, в том числе с позиции информационных войн и воздействия на сознание молодежи (Григорян, Кондратенко, Ларкин, 2021).

Ценностный компонент политической культуры молодежи наиболее широко представлен в научном дискурсе и позволяет рассмотреть не только разные подходы к определению и типологизации политических ценностей молодежи, но и отследить их изменения в хронотопе геополитической ситуации (Савруцкая и др., 2017). В 2018-м волгоградские исследователи определили набор ценностей молодежи, формирующий их политическое поведение. *«Его составляют такие ценности, как крепкая семья, патриотизм, сильное государство, любовь к ближнему, стойкость духа и веры. Установлено, что ранее считавшиеся основополагающими для духовной жизни русского народа ценностные установки «поиск правды» и «коллективизм» перестали быть таковыми для молодого поколения российских граждан. Можно констатировать, что произошел ренессанс дуализма концептов «патриотизм – гордость», который был доминирующим в общественном сознании советского народа. Нигилистические и протестные настроения присутствуют лишь у малой части молодежи»* (Гуляихин и др., 2018).

В 2019 году исследователи из Красноярского края отмечают приоритет для молодежи таких ценностей, как социальная справедливость, свобода и законность (Воробьев и др., 2021). А в 2020 году по итогам всероссийского исследования А. В. Селезнева приходит к выводу о том, что *«наиболее значимыми политическими ценностями в сознании молодежи являются мир, права человека,*

безопасность, свобода и справедливость, наименее значимой – национализм. Содержательное наполнение этих ценностей характеризуется нечеткостью и неопределенностью. Наиболее неоднозначной является ценность справедливости. Большинство политических ценностей имеют экстернальный поведенческий вектор со средне-низкой установкой к действию. Главным субъектом реализации своих ценностей молодежь считает государство. Социокультурные особенности политических ценностей молодежи выражаются в том, что в них проявляются и традиции национальной политической культуры (патерналистские ориентации, актуальность идеи справедливости), и глобальные тенденции (рост значимости ценностей самовыражения)» (Селезнева, 2020).

В 2022 году С. В. Расторгуев указывает, на наш взгляд, на кризис политических ценностей в молодежной среде (ученый анализирует существующие исследования того периода), определяя его в следующем: «Можно констатировать доминирование материалистических ценностей над постматериалистическими. Социально-экономические условия и доминирующие культурные установки России не способствуют поколенческому сдвигу в сторону постматериалистических ценностей. Молодые россияне испытывают влияние «мягкой силы» зарубежных стран, но это не меняет отношение абсолютного большинства молодежи к данным странам как к чужим» (Расторгуев, 2022).

Но уже в 2024 году в региональных исследованиях отмечается повышение ориентации молодежи на традиционные ценности, смену материалистической идеологии на постматериалистическую (в чём очевидная заслуга целенаправленных и синхронизированных действий образовательных организаций) (Матвеева и др., 2024). Подтверждение данному тезису мы находим и в исследованиях 2024 года Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета – региональная молодежь показывает высокий уровень интериоризации традиционных ценностей, хотя учеными и поднимается проблема несоответствия уровня их трансляции в региональной среде и показателей такой интериоризации. Таким образом, динамика трансформации ценностного компонента как основы политического мышления и в целом политической культуры молодежи показывает нам нарастающий ценностный кризис, который, можно сказать, становится отражением накаленной геополитической обстановки, сумбурности идеологии и тенденций глобализации. Выравнивание ценностного фундамента, помимо изменения направления политической социализации, дает нам представление о явлении «поиска смысла» в условиях повышенной нестабильности и рискогенности среды (в том числе с использованием механизмов саморегуляции).

Эмоционально-оценочный компонент в рассмотрении политической культуры молодежи представлен достаточно широко, но, как правило, связан с оценкой политической ситуации посредством показателей общей удовлетворенности аспектами социальной политики, соблюдением прав и свобод, доверия к политическим институтам и рейтингования политических субъектов (Кох и др., 2020).

Мотивационный компонент политической культуры молодежи рассматривается с позиции мотивов ее политической активности. Все исследования в этом отношении можно разделить на три большие группы: изучение мотивов политической вовлеченности молодежи, политического протеста, и отдельной группой становится вопрос мотивов электоральной

активности молодежи. Некоторые исследователи представляют интересный опыт сравнительного анализа мотивации молодежи, вовлеченной в активность, поддерживаемую государством, и молодежи, предпочитающей протестную активность (такой ракурс анализа мы наблюдаем в работе Д. В. Трынова (Трынов, 2019)). Мотивы политической вовлеченности, как правило, рассматриваются с позиции причин участия или неучастия в политических действиях и деятельности. Большинство исследователей указывают на интерес молодежи к просоциальным целям такой вовлеченности (направленность на интересы общества и государства), в ряде исследований отмечается и эгоистичный интерес (карьерные амбиции, необходимость решить собственные вопросы). Разница мотивов показывает важность акцентирования внимания на социальных группах молодежи – возрастных, включенных и не включенных в политику, есть разница и в региональном отношении.

Поведенческому компоненту политической культуры молодежи также находится место в научной дискуссии, и важным элементом его становится *политический опыт*. «Молодежь, усваивая требования статусного и ролевого поведения, политических ценностей и ориентиров, развивает духовно-нравственный потенциал, который позволяет ей адаптироваться в определенной социально-политической системе» (Погосян, Гражданкина, 2014).

«В определенном смысле политическая культура может быть представлена в качестве инструмента саморегуляции поведения молодежи, реализуемого посредством ценностно-нормативной системы, воздействуя на которую можно влиять на состояние и характер действия рискогенных факторов процесса вхождения молодого поколения в реалии современной жизни общества» (Щупленков, 2014). Итоговым этапом в реализации механизма воспроизводства политической культуры молодежи является политическая активность. Д. В. Трынов предлагает разделять виды политической активности на две большие группы – участие-поддержка (государства и власти) и протестное участие. В проведенном им исследовании отмечается разница между двумя группами активной молодежи: *«две общности активистов не только практикуют разные подходы к политическому участию, но и значительно отличаются по субъективному состоянию и социальному самочувствию. Именно значения этих показателей можно считать основной предпосылкой выбора стратегии политического участия молодых активистов»* (Трынов, 2019).

Квинтэссенцией сформированной политической культуры молодежи становятся ее политические стратегии, которые включают политические решения в систему жизненного планирования, определяют модели политического поведения и политические цели молодых людей. Стоит отметить, что важность жизненных планов в сфере политики для молодежи невелика и это остается неизменным фактом, несмотря на политическую турбулентность и кризис последних лет¹. Самой востребованной политической целью для

---

¹ Примечание. См подробнее работы авторов: Шаповалова И.С., Валиева И.Н. Политическое мышление и политические стратегии молодежи // Интеграция образования. – 2024. – Т. 28, № 4 (117). – С. 589–605.; Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (а) Исследовательский дизайн изучения политического мышления молодежи // В сборнике: Научные результаты Социологии 2021. Сборник статей по материалам I Международного научного онлайн форума. Белгород, 2022. – С. 162–168.; Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (б) Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. – 2022. – Т. 26, № 2 (107). – С. 345–362.; Шаповалова И.С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 39–45.

молодежи становится желание стать более политически активной и грамотной, но и она актуальна не более чем для 30 %. Есть еще такой интересный факт: несмотря на политическую пассивность молодежи, ее политические амбиции достаточно высоки (12–14 % планируют для себя как обязательный жизненный шаг баллотироваться на весьма высокие политические должности), но отсутствие при этом сформированного политического сознания продуцирует риск расширения кадрового ресурса политики за счет политически некомпетентных специалистов, чьи мотивы включения в политическую деятельность весьма сомнительны.

Протестная активность молодежи как объект исследования достаточно широко представлена в научном социологическом дискурсе. В ряде исследовательских работ, обращающих на себя внимания в исследовании *предпосылок формирования протестных настроений* в молодежной среде, стоит упомянуть статьи, где предпринимается попытка системного анализа молодежной субкультуры, молодежной среды, формирующей протестные настроения и протестную активность, – такие методологические основы мы находим, как правило, у ученых-юнологов, ведущими из которых являются Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смокотина (Зубок и др., 2016), П. А. Меркулов и Н. В. Проказина (Меркулов, Проказина, 2017) и др. Весомый вклад в изучение протестной активности молодежи вносят дискуссии о собственно молодежной рефлексии ее протестного настроения, как, например, в работе коллектива авторов под руководством Р. Б. Шайхисламова (Шайхисламов, 2021; ¹).

Политическая активность молодежи, направленная на поддержку государства, как правило, рассматривается посредством анализа электорального поведения и деятельности молодежи, включенной в работу политических организаций (молодых политических лидеров и активистов). И если по первой форме активности мы находим широкий спектр научных работ и исследований, связанных с анализом условий и барьеров участия молодежи в выборах, то деятельность политических активистов рассматривается часто с позиции возможного включения в политическую сферу (как политический потенциал).

Представленный в статье обширный научный дискурс позволяет реконструировать ключевые концептуальные рамки, проблемные поля и внутренние противоречия в изучении политической культуры российской молодежи. Синтез рассмотренных источников выявляет несколько устойчивых аналитических акцентов, которые структурируют поле исследований в этой области:

- примат проблемного подхода: значительная часть работ сосредоточена не на системном описании феномена, а на диагностике его дефицитов и дисфункций. Доминирующими являются оценки политической культуры молодежи как «несформированной», «мозаичной», «неустойчивой», а ее сознания как «аморфного», «дезориентированного» и подверженного внешним манипуляциям. Это формирует нарратив о кризисе, где молодежь выступает скорее объектом рисков (радикализация, апатия, деполитизация), нежели полноправным актором;
- редукция к компонентному анализу: вместо целостного изучения

---

¹ Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (а) Исследовательский дизайн изучения политического мышления молодежи // В сборнике: Научные результаты Социологии 2021. Сборник статей по материалам I Международного научного онлайн форума. (*онлайн-форума по норме*) – Белгород, 2022. – С. 162–168.; Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (б) Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. – 2022. – Т. 26, № 2 (107). – С. 345–362..

политической культуры как системы дискурс фрагментируется на изолированное исследование ее отдельных элементов: политического сознания, ценностей, мотивов, поведенческих практик (протестных или про-государственных). Это приводит к утрате холистического видения взаимосвязей между когнитивными, аффективными и конативными компонентами;

- институционально-детерминистская перспектива: центральной объяснительной моделью формирования политической культуры выступает политическая социализация, понимаемая преимущественно как результат воздействия институтов (образование, СМИ, семья, молодежная политика). Неэффективность социализации трактуется как ключевая причина «незрелости» молодежной культуры, что актуализирует запрос на усиление целенаправленного управленческого воздействия;

- акцент на адаптации и конфликте: культура молодежи часто анализируется в координатах ее адаптации к существующей политической системе (с констатацией преобладания пассивных и принудительных форм) или реже – конфликта с ней (через протестный потенциал и активность). Динамика между лояльностью и оппозиционностью, конформизмом и автономией становится одной из главных осей интерпретации.

Ключевые проблемы, которые удастся выделить в научном дискурсе, посвященном политической культуре молодежи, указывают:

- на распад единого социализирующего воздействия: ученые констатируют утрату монополии традиционных институтов (государство, система образования) на формирование политических ориентаций. Их место занимают децентрализованные и зачастую конфликтующие между собой агенты: цифровые платформы, зарубежная «мягкая сила», горизонтальные сетевые сообщества. Это порождает мозаичность сознания и ценностный эклектизм;

- на кризис ценностной преемственности: динамика ценностного компонента описывается как турбулентная – от нигилизма и материализма 1990-х к периоду поиска (социальная справедливость, свобода) и к современному запросу на традиционные ценности (семья, патриотизм, сильное государство). Однако исследователи отмечают поверхностность интериоризации и декларативный характер этих ценностей, что свидетельствует о незавершенности процессов смысловой консолидации;

- на парадокс политической активности: активность молодежи биполярна и структурируется вокруг двух полюсов – протестного и лояльно-государственного участия. При этом массовой основой остается политическая пассивность и абсентеизм, обусловленные как недоверием к институтам, так и приоритетом частных, а не публичных интересов (феномен «комфортной» приватности);

- на возрастающую роль саморегуляции: в условиях дефицита или противоречивости внешнего институционального влияния ключевым механизмом формирования политического сознания становится индивидуальная и групповая саморегуляция. Это свидетельствует о росте автономии молодежных субъективностей, но одновременно трактуется как вынужденная компенсация неэффективности формальной социализации, повышающая риски дезинтеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа существующего научного дискурса были определены дефицитные научные лакуны:

- Дефицит теоретического синтеза: существует определенная

фрагментарность и бессистемность исследований по теме политической культуры молодежи. Дискурс представляет собой сумму частных эмпирических кейсов и компонентных анализов, но лишен общей теоретической модели, которая объясняла бы внутреннюю логику и динамику политической культуры молодежи как целостного феномена.

- Нормативно-оценочная позиция: многие исследования исходят из скрытой нормативной предпосылки о некоем «правильном» или «зрелом» типе политической культуры (сформированный, системный, активно-лояльный), отклонение от которого интерпретируется как проблема. Это мешает понять имманентную логику и функциональность существующих молодежных практик, таких как инструментальное использование политики для решения частных задач или стратегии избегания.

- Недооценка агентности и креативности молодежи: акцент на социализации как усвоении готовых образцов затеняет способность молодежи к производству новых политических смыслов, языков и форм участия (цифровой активизм, партисипаторные практики, этические потребительские стратегии). Молодежь часто рассматривается как реципиент, а не как со-творец политического поля, важность процессов ее саморегуляции не учитывается.

- Методологический консерватизм: несмотря на констатацию цифровой трансформации, методологический арсенал остается ориентированным на изучение «офлайн-практик» и декларируемых установок. Сетевые формы коммуникации, визуальные нарративы, алгоритмическая сегментация политического внимания изучаются недостаточно, что создает разрыв между объектом исследования и аналитическим инструментарием.

Таким образом, можно сделать общее заключение о том, что научный дискурс о политической культуре российской молодежи, представленный в статье, выполняет важную диагностическую и проблематизирующую функцию. Он убедительно фиксирует состояние глубокой трансформации, характеризующееся распадом традиционных механизмов преемственности, ценностной турбулентностью, биполяризацией активности и ростом значения саморегуляции. Однако дискурс остается в значительной степени реактивным и дескриптивным, редуцируя сложность феномена до набора проблем, обусловленных «недоработкой» институтов социализации.

Для преодоления этих ограничений необходима смена исследовательской парадигмы – переход от изучения «недостатков» молодежной политической культуры к анализу ее как актуального и сложноорганизованного способа смыслопорождения и взаимодействия с политическим в условиях позднего модерна. Это требует интеграции теорий поколений, диджитал-социологии, концепции практик и подходов, изучающих политическое не как отдельную сферу, а как измерение, встроенное в повседневные жизненные стратегии и идентичностные проекты молодых людей. Только такой сдвиг позволит перейти от констатации «мозаичности» к пониманию внутренней архитектоники и логики развития политической культуры современной молодежи.

Список литературы:

1. Бударина К.А., Малик Е.Н. Специфика механизма формирования политической и гражданской культуры современной российской молодежи // Научно-методический электронный журнал "Концепт". - 2015. - Т. 13. - С. 866-870.

2. Гатиева А.М. Основные тенденции политической социализации молодежи в современном социокультурном пространстве // Инновационные проекты и программы в образовании. - 2019. - № 1 (61). - С. 40-43. EDN: ZEURZR
3. Головин Д.А. К вопросу об изучении факторов, влияющих на политическое сознание современной российской молодежи // Социально-политические науки. - 2020. - Т. 10. - № 6. - С. 80-90. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-6-80-90 EDN: RJRJNH
4. Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н., Ларкин А.Н. Проблема влияния интернет-технологий на политическое сознание молодежи в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - 2021. - № 3. - С. 164-168. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-164-168 EDN: MDWRUN
5. Гуляихин В.Н., Андрющенко О.Е., Фантров П.П., Галкина Е.В. Стереотипы политического мышления молодежи в контексте реализации стратегии национальной безопасности РФ: опыт регионального исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. - 2018. - Т. 23. - № 2. - С. 186-194. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.16 EDN: XMJTED
6. Денисова Г.С., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Конфликтогенные риски этнокультурных оснований идентичности студенческой молодежи: случай фронтального Северо-Кавказского региона // Регионология. - 2024. - Т. 32, № 2 (127). - С. 198-216. DOI: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216 EDN: DFLQRT
7. Долинина И.Г. Сознание и поведение молодежи в контексте гражданской политической культуры // Социально-гуманитарные знания. - 2011. - № 1. - С. 162-170. EDN: NCUZQN
8. Евгеньева Т.В., Антонов Д.Е., Селезнева А.В. Ментальные особенности политических представлений молодежи в контексте политической культуры // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. - 2020. - № 16. - С. 58-65. EDN: JHQZGJ
9. Ерохин А.М., Воробьев С.М., Авдеев Е.А. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. - 2021. - Т. 26, № 5. - С. 112-125. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.5.9 EDN: OCUXIE
10. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. - Москва, 2016. - URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/21006167/>. (дата посещения: 20.07.2025). ISBN: 978-5-905790-16-4 EDN: VSHACV
11. Зубок Ю.А., Сорокин О.В. Формирование политического сознания российской молодежи и обуславливающие его противоречия // Социология власти. - 2010. - № 4. - С. 6-15. EDN: MQHSRT
12. Калугина М.А. Политическое сознание современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. - 2010. - № 2 (13). - С. 95-102. EDN: OYWQHB
13. Касьянов В.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Специфика политической социализации российской молодежи в условиях социальной неопределенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2017. - № 1. - С. 42-45. EDN: XUXMPL
14. Кох И.А., Бирюкова Т.С., Скутин А.С. Политическая культура студенческой молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-

экономические и правовые исследования. - 2020. - Т. 6, № 2. - С. 18-36. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-18-36 EDN: UEDXLU

15. Кулакова Н.Н., Аничкина В.В. Факторы формирования политической культуры молодежи // Вопросы политологии. - 2021. - Т. 11, № 5 (69). - С. 1382-1392. DOI: 10.35775/PSI.2021.69.5.008 EDN: WOXVJD

16. Матвеева Е.В., Шилова А.Э., Сат А.В. Традиционные ценности в системе политической культуры студенческой молодежи Кузбасса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2024. - № 81. - С. 244-252. DOI: 10.17223/1998863X/81/22 EDN: DPTTDDK

17. Меркулов П.А., Проказина Н.В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. - 2017. - Т. 12, № 1. - С. 15-23. DOI: 10.12737/24765 EDN: YFXAAN

18. Погосян Л.А. Влияние процессов социализации, адаптации и идентификации на формирование политической культуры молодежи // Гуманитарий Юга России. - 2013. - № 3. - С. 65-73. EDN: SBUMSZ

19. Погосян Л.А., Гражданкина Л.Ю. Политическая культура как фактор формирования социальной активности молодежи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2014. - № 4 (43). - С. 293-295. EDN: SKHKVX

20. Расторгуев С.В. Ценности российской молодежи как элемент политической культуры общества // Власть. - 2022. - Т. 30, № 4. - С. 105-110. DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9134 EDN: JIZILV

21. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Бикметова Т.И., Никитин А.В. Ценностные ориентации молодежи в ее отношении к системе политических институтов современной России // Власть. - 2017. - Т. 25, № 5. - С. 7-17. EDN: YULNCJ

22. Сайганова Е.В. Политическая социализация молодежи: основные агенты и каналы формирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. - 2013. - Т. 13, № 4. - С. 34-37. EDN: SEIZBD

23. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. - 2020. - Т. 11, № 3. - С. 20-32. DOI: 10.18721/JHSS.11302 EDN: GMXZZB

24. Сорокин О.В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Власть. - 2007. - № 8. - С. 48-52. EDN: KTWLGL

25. Социальное самочувствие и отношение студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации в Украине: монография / под общ. ред. В.И. Филоненко; Южный федеральный университет. - Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024.

26. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) / Певная М.В., Шуклина Е.А., Киенко Т.С., Тарасова А.Н., Андрианова Е.В., Худякова М.В., Шаповалова И.С. // Научный результат. Социология и управление. - 2022. - Т. 8, № 3. - С. 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9 EDN: VYDKQJ

27. Тер-Акопян В.А. Факторы адаптивной политической культуры современной российской молодежи // Гуманитарий Юга России. - 2014. - № 4. - С. 97-103. EDN: TCTGET

28. Трынов Д.В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест // Социодинамика. - 2019. - № 12. - С. 298-314. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195 EDN: CQINXV

29. Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В. Молодежные протестные настроения глазами российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. - 2021. - Т. 7, № 3. - С. 104-121. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-0 EDN: NBOAOD

30. Шаповалова И.С., Валиева И.Н. Политическое мышление и политические стратегии молодежи // Интеграция образования. - 2024. - Т. 28, № 4 (117). - С. 589-605. DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605 EDN: FAQCJM

31. Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (b) Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. - 2022. - Т. 26, № 2 (107). - С. 345-362. DOI: 10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362 EDN: VWPPZY

32. Шашкова Я.Ю., Казанцев Д.А. Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2024. - Т. 26, № 2. - С. 357-372. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372 EDN: MIPZRJ

33. Щупленков Н.О. Проблема формирования политической культуры молодежи в современном российском обществе // PolitBook. - 2014. - № 3. - С. 150-157. EDN: TMIZWD

34. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Национально-культурная идентичность в контексте философской традиции диалога культур // NB: Философские исследования. - 2013. - № 10. - URL: https://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=8848&nb=1&ysclid=mfdm7ftdk5990914009 (дата посещения: 20.10.2025). EDN: RWBKHH

References:

1. Budarina K.A., Malik E.N. (2015) Specifics of the mechanism for the formation of political and civil culture of modern Russian youth. *Scientific and methodological electronic journal "Concept."* T. 13.p. 866-870.

2. Gatieva A.M. (2019) The main trends in the political socialization of young people in the modern sociocultural space. *Innovative projects and programs in education.* - no. 1 (61). P. 40-43. EDN: ZEZRZ

3. Golovin D.A. (2020) On the question of the study of factors affecting the political consciousness of modern Russian youth. *Socio-political sciences.* T. 10. no. 6. p. 80-90. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-6-80-90 EDN: RJRJNH

4. Grigoryan D.K., Kondratenko E.N., Larkin A.N. (2021) The problem of the influence of Internet technologies on the political consciousness of young people in modern Russia. *State and municipal administration. Scholarly notes.* no. 3.p. 164-168. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-164-168. EDN: MDWRUN

5. Gulyaikhin V.N., Andryushchenko O.E., Fantrov P.P., Galkina E.V. (2018) Stereotypes of political thinking of young people in the context of the implementation of the national security strategy of the Russian Federation: the experience of regional research. *Journal of Volgograd State University.* Series 4: History. Regional studies. International relations. Vol. 23. no. 2. p. 186-194. (In Russ) DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.16 EDN: XMJTED

6. Denisova G.S., Avdeev E.A., Vorobyov S.M. (2024) Conflict risks of ethnocultural grounds of identity of student youth: the case of the frontier North Caucasus region. *Regionology.* Vol. 32, no. 2 (127). p. 198-216. (In Russ) DOI: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216 EDN: DFLQRT.

7. Dolinina I.G. (2011) Consciousness and behavior of young people in the context of civil political culture. *Social and humanitarian knowledge*. no.1. p. 162-170. EDN: NCUZQN
8. Evgenieva T.V., Antonov D.E., Selezneva A.V. (2020) Mental features of political representations of young people in the context of political culture. *Socio-psychological problems of mentality/mentality*. – no. 16. p. 58-65. (In Russ) EDN: JHQZGJ
9. Erokhin A.M., Vorobyov S.M., Avdeev E.A. (2021) Ethnopolitical processes in the Caucasus: conflict of identities and political activity of youth. *Journal of Volgograd State University*. Series 4: History. Regional studies. International relations. Vol. 26, no. 5. p. 112-125. (In Russ) DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.5.9 EDN: OCUXIE
10. Zubok Yu.A., Rostov TK, Smakotina N.L. (2016) Youth and youth policy in modern Russian society. Moscow, URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/21006167/>. (visit date: 20.05.2025). (In Russ) EDN: VSHACV
11. Zubok Yu.A., Sorokin O.V. (2010) Formation of the political consciousness of Russian youth and the contradictions that determine it. *Sociology of power*. no. 4. p. 6-15. (In Russ) EDN: MQHSRT
12. Kalugina M.A. (2010) Political consciousness of modern student youth of small and medium-sized cities of the Russian Far East. *Oykumena. Regional studies*. no.2 (13). p. 95-102. (In Russ) EDN: OYWQHB
13. Kasyanov V.V., Krotov D.V., Samygin S.I. (2017) Specifics of political socialization of Russian youth in conditions of social uncertainty. *Humanities, socio-economic and social sciences*. no.1. p. 42-45. (In Russ) EDN: XUXMPL
14. Koch I.A., Biryukova T.S., Skutin A.S. (2020) Political culture of student youth//Bulletin of Tyumen State University. *Socio-economic and legal studies*. Vol. 6, no. 2. p. 18-36. (In Russ) DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-18-36 EDN: UEDXLU
15. Kulakova N.N., Anichkina V.V. (2021) Factors of the formation of the political culture of youth. *Issues of political science*. Vol. 11, no. 5 (69). p. 1382-1392. (In Russ) DOI: 10.35775/PSI.2021.69.5.008 EDN: WOXYVD
16. Matveeva E.V., Shilova A.E., Sat A.V. (2024) Traditional values in the system of political culture of student youth of Kuzbass. *Journal of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. no. 81. p. 244-252. (In Russ) DOI: 10.17223/1998863X/81/22 EDN: DPTTDC
17. Merkulov P.A., Prokazina N.V. (2017) Methodological approaches to the analysis of youth protest activities. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 12, no. 1. -p. 15-23. (In Russ) DOI: 10.12737/24765 EDN: YFXAAH.
18. Poghosyan , L.A. (2013) The influence of socialization, adaptation and identification processes on the formation of the political culture of young people. *Humanitarian of the South of Russia*. no. 3. p. 65-73. (In Russ) EDN: SBUMSZ.
19. Poghosyan L.A., Grazhdankina L.Yu. (2014) Political culture as a factor in the formation of social activity of young people. *Journal of the North Caucasus Federal University*. no.4 (43).p. 293-295. (In Russ) EDN: SKHKVX
20. Rastorguev S.V. (2022) Values of Russian youth as an element of the political culture of society. *Power*. Vol. 30, no. 4. p. 105-110. (In Russ) DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9134 EDN: JIZILV
21. Savrutskaya E.P., Ustinkin S.V., Bikmetova T.I., Nikitin A.V. (2017) Value orientations of young people in their attitude to the system of political institutions of modern Russia. *Vlast*. Vol. 25, no. 5. p. 7-17. (In Russ) EDN: YULNCJ
22. Sayganova E.V. (2013) Political socialization of youth: the main agents and channels of formation. *Izvestia Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science*. Vol. 13, no. 4. p. 34-37. (In Russ) EDN: SEIZBD

23. Selezneva A.V. (2020) Political values of Russian youth: sociocultural features and identification potential. *Society. Communication. Education*. Vol. 11, no. 3. p. 20-32. (In Russ) DOI: 10.18721/JHSS.11302 EDN: GMXZZB

24. Sorokin O.V. (2007) Features of the formation of the political consciousness of modern Russian youth. *Power*. no. 8. p. 48-52. (In Russ) EDN: KTWLGL

25. Social well-being and attitude of student youth to the special military operation of the Russian Federation in Ukraine: monograph/under the general. ed. V.I. Filonenko; Southern Federal University. - Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2024. (In Russ)

26. Pevnaya, M.V. Shuklina, E.A. Kienko T.S., Tarasova A.N., Andrianova E.V., Khudyakova M.V., Shapovalova I.S.(2022) Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022). *Scientific result. Sociology and governance*. Vol. 8, no. 3. p. 116-136. (In Russ) DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9 EDN: VYDKQJ

27. Ter-Hakobyan V.A. (2014) Factors of adaptive political culture of modern Russian youth. *Humanist of the South of Russia*. no.4.p. 97-103. (In Russ) EDN: TCTGET

28. Trynov D.V. (2019) Political participation of young people: support vs protest. *Sociodynamics*. no.12. p. 298-314. (In Russ) DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195 EDN: CQINXV

29. Shaikhislamov R.B., Asadullina G.R., Sadretdinova E.V. (2021) Youth protest moods through the eyes of Russian youth. *Scientific result. Sociology and governance*. Vol. 7, no. 3. p. 104-121. (In Russ) DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-0 EDN: NBOAOD

30. Shapovalova I.S., Valieva I.N. (2024) Political thinking and political strategies of youth. *Integration of education*. Vol. 28, no. 4 (117). p. 589-605. (In Russ) DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605 EDN: FAQCJM

31. Shapovalova I.S., Valieva I.N. (2022) Protest potential of regional students in Russia: social prerequisites. *Integration of education*. Vol. 26, no. 2 (107). p. 345-362. (In Russ) DOI: 10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362 EDN: VWPPZY

32. Shashkova Ya.Yu., Kazantsev D.A. (2024) Dynamics of the value priorities of Russian youth in modern geopolitical conditions. *Journal of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. Vol. 26, no. 2.p. 357-372. (In Russ) DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372 EDN: MIPZRJ

33. Shchuplenkov N.O. (2014) The problem of the formation of the political culture of youth in modern Russian society. *PolitBook*. no. 3. p. 150-157. (In Russ) EDN: TMIZWD

34. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. (2013) National-cultural identity in the context of the philosophical tradition of the dialogue of cultures. *NB: Philosophical research*. no. 10. - URL: https://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=8848&nb=1&ysclid=mfdm7ftdk5990914009 (date: 20.04.2025). EDN: RWBKHH

Сведения об авторах:

Савеличева Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, e-mail: valieva@bsuedu.ru, SPIN-код: 1910-5834, <https://orcid.org/0000-0001-5160-163X>,

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, e-mail: shapovalova@bsuedu.ru, Scopus ID: 56728382600, Researcher ID: R-6955-2016, SPIN-код: 2477-0791, <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>

About the authors:

Irina N. Savelicheva, Senior Lecturer at the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (Russian Federation, Belgorod), e-mail :valieva@bsuedu.ru, SPIN-код: 1910-5834, <https://orcid.org/0000-0001-5160-163X>,

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (Russian Federation, Belgorod), e-mail: shapovalova@bsuedu.ru,, Scopus ID: 56728382600, Researcher ID: R-6955-2016, SPIN-код: 2477-0791, <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>,

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и написание статьи. Все авторы утвердили окончательный вариант статьи, несут ответственность за целостность всех частей статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: The authors made an equal contribution to the research and writing the article. The authors have approved the final version of the article, and are responsible for the integrity of all parts of the article.

© Савеличева И. Н., Шаповалова И. С., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА**

Н.В. Проказина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
адрес: 25167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2.

Поступила
в редакцию
14.06.2025

Поступила
после
рецензирования
16.08.2025

Принята
к публикации
26.10.2025

Аннотация. В статье исследуется историческая память о Великой Отечественной войне в представлениях студенческой молодежи региона сквозь призму конструктивистской социологической парадигмы, объединяющей уровни культурной, социальной и коммуникативной памяти. Цель статьи – выявить, как студенческая молодежь региона конструирует представления о Великой Отечественной войне, какие каналы и практики обеспечивают устойчивость памяти. Эмпирическая база включает региональные этапы федерального мониторинга «Студенчество о Великой Отечественной войне» (Орловская область; 2020 и 2025 годы) и актуальные публикации к 80-летию Победы, включая тематический выпуск «Вестника Института социологии».

Исследование показало, что историческая память о Великой Отечественной войне сохраняет статус системообразующего ресурса и коллективной солидарности. В исторической памяти сочетаются устойчивость эмоционально-ценностного ядра с трансформацией институциональных и поведенческих моделей ее воспроизводства. В представлениях студенческой молодежи региона формируется как многоуровневый конструкт, сочетающий культурную, социальную и коммуникативную память, где решающее значение имеют семейные нарративы и локальный контекст мест памяти.

Обоснованы следующие выводы: во-первых, чем выше насыщенность семейно-коммуникативных практик (истории, ритуалы, сюжеты о малой родине), тем выше идентификационные и эмоциональные показатели памяти; во-вторых, качественные школьные/университетские форматы (проектная работа, музейная работа, локальные исторические темы) усиливают когнитивный компонент и закрепляют ценностно-нормативные ориентации; в-третьих, в современных условиях наиболее действенными являются гибридные модели участия, в них сосуществуют цифровые практики и реальные мероприятия.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, студенческая молодежь, коммеморативные практики, семейные нарративы, места памяти, конструктивизм

Для цитирования: Проказина Н.В. Историческая память о Великой Отечественной войне в представлениях студенческой молодежи региона // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – №4. – С. 86-107. EDN NLLUGG

© Проказина Н.В., 2025

**VIEWS ON THE HISTORICAL MEMORY
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AMONG STUDENTS IN A REGION****Prokazina N.V.** *Financial University under the Government of the Russian Federation,
address: 49/2. Leningradsky prospect, 25167, Moscow, Russia*Received
14.05.2025Revised
06.08.2025Accepted
19.09.2025

Abstract. *The article examines the views on the historical memory of the Great Patriotic War among the students in a region through in terms of a constructivist sociological paradigm that combines the levels of cultural, social and communicative memory. The purpose of the article is to identify how the student youth of a region constructs ideas about the Great Patriotic War, which channels and practices ensure the stability of memory.*

The empirical base includes the regional stages of the federal monitoring "Students about the Great Patriotic War" (Orel region; 2020 and 2025) and current publications dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, including the thematic issue of the Bulletin of the Institute of Sociology.

The study shows that the historical memory of the Great Patriotic War retains the status of a system-forming resource and collective solidarity. Historical memory combines the stability of the emotional and value core with the transformation of institutional and behavioral models of its reproduction. In the minds of students, the views are formed as a multilevel construct combining cultural, social and communicative memory, where family narratives and the local context of memory sites are crucial.

The author concludes that the higher the saturation of family and communicative practices (stories, rituals, "small homeland"), the higher the identification and emotional memory indicators. Then high-quality school/university formats (project work, museum work, local history) strengthen the cognitive component and consolidate value-normative orientations. Finally, in modern conditions, hybrid modes of participation are the most effective, in which digital practices and real-world events coexist.

Keywords: *historical memory, the Great Patriotic War, student youth, commemorative practices, family narratives, places of memory, constructivism.*

For citations: Prokazina, N.V. (2025) Views on the Historical Memory of the Great Patriotic War Among Students in a Region. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 20, no.4, p.86-107. EDN: NLLUGG

© Prokazina N.V.,2025

Введение

В условиях динамичных социокультурных трансформаций, глубоких геополитических изменений задача сохранения и трансляции исторической памяти о ключевых событиях прошлого приобретает особую значимость. Историческая память формирует национальную (государственно-гражданскую) идентичность, определяет ценностные ориентиры общества и задает вектор будущего развития.

В историческом сознании российского народа именно Великая Отечественная война занимает центральное место, являясь не только символом беспримерного героизма и самопожертвования, но и основополагающим элементом национальной гордости, единства и общей исторической судьбы.

Актуальность изучения исторической памяти о Великой Отечественной войне в среде студенческой молодежи определяется совпадением трех факторов. Во-первых, 80-летие Победы актуализировало общественный запрос на сохранение и воспроизведение исторической правды, а также на научно верифицированные формы противодействия искажениям и переинтерпретациям прошлого. Во-вторых, быстрая смена поколений ведет к утрате живой памяти, что смещает центр тяжести на опосредованные каналы: семейные нарративы, образовательные институты, локальные места памяти и медиасреду. В-третьих, для регионов с высокой насыщенностью локальных сюжетов войны и развитой инфраструктурой коммеморации (музеи, мемориальные комплексы, городские ритуалы) важна проверка того, как общенациональный акцент воспринимается и переосмысливается в локальном контексте.

В связи с этим исследование механизмов воспроизведения и трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в среде молодого поколения приобретает особую значимость. Современная молодежь, в отличие от представителей старшего поколения, практически не имеет опыта взаимодействия с участниками и очевидцами событий той эпохи. Поэтому многие представления о Великой Отечественной войне формируются и конструируются по иным каналам и на основе иных способов воздействия. Следовательно, изучение механизмов воспроизведения и трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне становится особой научной и общественно-политической задачей. Цель статьи – выявить, как студенческая молодежь региона конструирует представления о Великой Отечественной войне, какие каналы и практики обеспечивают устойчивость исторической памяти.

Выделим ряд факторов и обстоятельств, подтверждающих актуальность исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне.

1. Демографический фактор и смена поколений обуславливают естественное дистанцирование современной молодежи от событий Великой Отечественной войны. Уходит поколение ветеранов и свидетелей, чьи личные воспоминания являлись важнейшим каналом передачи исторической информации и эмоционального переживания. В этих условиях возрастает роль опосредованных источников знания – образования, средств массовой информации, художественной литературы, кинематографа, интернет-коммуникаций и семейных нарративов – в формировании представлений молодого поколения о войне. Следовательно, анализ эффективности и особенностей влияния этих каналов на восприятие истории войны современной молодежью является

необходимым условием для понимания динамики исторической памяти в обществе.

2. Высокая степень фрагментации и плюрализма интерпретаций исторического прошлого. Наряду с устоявшимися нарративами о Великой Отечественной войне в медийной среде, особенно в интернет-пространстве, циркулируют различные, порой противоречивые и даже ревизионистские оценки событий и их участников. Студенческая молодежь как активный потребитель цифрового контента подвергается воздействию этих разнонаправленных информационных потоков, что может приводить к размыванию устоявшихся представлений, формированию эклектичных и фрагментарных знаний, а также к восприятию альтернативных исторических интерпретаций. Следовательно, социологическое исследование позволяет выявить степень подверженности студенческой молодежи влиянию различных информационных источников и проанализировать механизмы формирования их собственной позиции по ключевым вопросам истории Великой Отечественной войны.

3. Социокультурные региональные особенности исторической памяти. Так, Орловская область в годы Великой Отечественной войны являлась ареной ожесточенных боев, пережила длительную оккупацию и внесла существенный вклад в общую Победу. Историческое прошлое региона, память о героизме земляков, места воинской славы и мемориальные комплексы формируют уникальный контекст для восприятия и осмысления войны местным студенчеством. Следовательно, исследование специфики исторической памяти о Великой Отечественной войне именно в представлениях студенческой молодежи Орловской области позволит выявить региональные особенности восприятия общенационального исторического нарратива, определить значимость локальных исторических событий и героев, а также оценить роль региональных институтов памяти (музеев, архивов, образовательных учреждений) в процессе трансляции исторического знания.

4. Историческая память как основа для будущего. Отношение молодежи к прошлому, понимание уроков истории, в частности уроков войны, и осознание значения исторической памяти для современной России будут влиять на формирование гражданской идентичности, патриотических чувств и готовности к защите национальных интересов. Соответственно, исследование исторической памяти студенческой молодежи региона позволит не только зафиксировать текущее состояние знаний и представлений, но и выявить потенциальные риски и возможности для формирования зрелого и ответственного исторического сознания.

5. Целесообразность проектирования образовательных и патриотических мероприятий на эмпирически обоснованных данных о состоянии исторической памяти молодежи. Понимание того, как студенты воспринимают историю Великой Отечественной войны, какие источники информации являются для них наиболее авторитетными, какие аспекты войны вызывают у них наибольший эмоциональный отклик, позволит оптимизировать педагогические подходы, разрабатывать более эффективные образовательные программы и совершенствовать формы патриотического воспитания.

6. Важность учета социокультурной региональной специфики и особенностей исторической памяти о Великой Отечественной войне. Описание региональных особенностей позволяет более детально понять особенности содержания,

источников, факторов формирования исторической памяти студенческой молодежи именно в региональном контексте.

Методы и методология

Теоретическими основаниями выводов и положений статьи являются концепции коллективной памяти Мориса Хальбвакса (Хальбвакс, 2007), теория мест памяти Пьера Нора (Нора, 1999), социально-конструктивистский подход Питера Бергера и Томаса Лукмана (Бергер, Лукман, 1995).¹

Представленные выводы основаны на результатах:

- региональных этапов: 2020 г. (Меркулов, Проказина, 2020) и 2025 г. (Меркулов, Алексеенок, Проказина, 2025) федерального мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной войне»², реализуемого при поддержке Российского общества социологов (Аверьянова и др., 2020). Данные 2025 года собраны в декабре 2024 – феврале 2025 г.;

- актуальных научных публикаций, посвященных исторической памяти о Великой Отечественной войне (Аксенова, 2025; Вишневский, Мансуров, Кульминская, 2025; Коломиец, Нувано, 2025; Бадараев, Винокурова, Нолев, 2025; Саралиева, Кутявина, Шинкаренко, 2025; Тощенко 2020; Широкалова 2021).

Обзор ключевых теоретических подходов к изучению исторической памяти

Историческая память – объект междисциплинарных исследований и предмет внимания многих научных направлений. Выделим основные социологические подходы, формирующие концептуальные рамки нашей работы.

В концепции коллективной памяти Мориса Хальбвакса центральным положением является утверждение о социальной природе памяти. Основная идея состоит в том, что воспоминания индивидов укоренены в социальных группах и воспроизводятся через коллективные рамки мышления и коммуникации. В результате индивидуальная память постоянно реконструируется под влиянием коллективных представлений, норм и ценностей, разделяемых той или иной социальной группой. Прошлое сохраняется не как статичный набор фактов, а как динамично переосмысляемый конструкт, поддерживаемый и трансформируемый социальными взаимодействиями. Возможность совместного воспроизведения прошлого и формирования общего нарратива обеспечивают общий язык,

---

¹ Примечание: Основные теоретические положения были сформулированы в авторских (Проказина, 2014, 2015) и коллективных работах (Проказина, Дорохова, 2014; Проказина, Старых, 2015; Проказина, Дорохова, Хатнюк, 2017; Меркулов, Проказина, Дорохова, Хатнюк, 2022) и находят свое развитие в рамках данной статьи. Источники: Проказина, Н. В. Историческая память о Великой отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России / Н. В. Проказина // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 202–209. – EDN TQAFDV. Проказина, Н. В. Историческая память о Великой отечественной войне как ресурс патриотического и гражданского воспитания / Н. В. Проказина, Ю. В. Дорохова, Н. Н. Хатнюк // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 3. – С. 260–271. – DOI 10.22394/2071-2367-2017-12-3-260-271. – EDN YZLJRN. Проказина, Н. В. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика / Н. В. Проказина, Н. П. Старых // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 5(35). – С. 35–43. – EDN TGPUTZ. Проказина, Н. В. Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой отечественной войне / Н. В. Проказина // Казанская наука. – 2014. – № 7. – С. 201–204. – EDN SKCWFR. Меркулов, П. А. Информационный бюллетень социологической лаборатории / П. А. Меркулов, Н. В. Проказина; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления; Российское военно-историческое общество. Том Выпуск 7. – Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2020. – 80 с. – ISBN 978-5-93179-641-3. – EDN EFQIYU.

² Научный руководитель проекта Ю. Р. Вишневский.

пространственные представления, временные ориентиры и социальные структуры группы. Именно эти характеристики определяют социальные рамки памяти.

Таким образом, положения концепции коллективной памяти М. Хальбвакса акцентируют внимание на том, что, во-первых, представления студенческой молодежи о Великой Отечественной войне формируются не только под влиянием формального образования, но и через неформальные каналы коммуникации в семье, дружеских кругах и онлайн-сообществах. Во-вторых, в поддержании и воспроизведении памяти о войне существенную роль играют коллективные символы, ритуалы и памятные даты. В-третьих, на интерпретацию и осмысление прошлого существенно влияют активные социальные группы.

Теория мест памяти Пьера Нора развивает иной, но не менее значимый подход к изучению коллективной памяти, фокусируясь на местах памяти. Под местами памяти Нора понимает не только физические локусы (памятники, музеи, кладбища), но и символические конструкции (даты, ритуалы, тексты, образы), в которых кристаллизуется и сохраняется коллективное прошлое. Эти места памяти возникают тогда, когда спонтанная, живая память традиции уступает место реконструированной, искусственной памяти, нуждающейся в опосредующих элементах для своего воспроизведения. Нора подчеркивает, что места памяти являются результатом сознательного конструирования и интерпретации прошлого, отражая как стремление сохранить память, так и неизбежные процессы забвения и переосмысления. Для нашего исследования теория Нора ценна тем, что позволяет сфокусироваться на конкретных объектах и практиках, которые являются носителями памяти о Великой Отечественной войне для студенческой молодежи Орловской области.

Социально-конструктивистский подход Питера Бергера и Томаса Лукмана акцентирует внимание на социальной обусловленности знания и памяти, на том, как коллективные представления о прошлом конструируются и поддерживаются через социальные взаимодействия и институты. Социально-конструктивистский подход к исследованию воспроизведения исторической памяти о Великой Отечественной войне нашел свое воплощение в работе над грантом под руководством автора статьи и серии публикаций.

Выбор и комбинирование представленных теоретических подходов позволяет осуществить многоаспектный анализ исторической памяти о Великой Отечественной войне в представлениях студенческой молодежи Орловской области, учитывая как социальную природу памяти, так и роль мест памяти и социокультурные контексты формирования представлений о прошлом.

Структура исторической памяти включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов: знания, оценки, чувства, образы и символы. Конкретизируем содержательные характеристики структурных компонентов исторической памяти. Знания предполагают фактическую информацию об исторических событиях, датах, участниках, причинах и следствиях. Уровень и глубина этих знаний могут варьироваться в зависимости от индивида и социальной группы. Оценки включают субъективные интерпретации и моральные суждения относительно исторических событий и их участников. Оценки могут быть как позитивными, так и негативными и зависят от ценностной системы индивида или группы. Чувства характеризуют эмоциональное отношение к прошлому. Эмоциональная окраска исторической памяти играет важную роль в ее сохранении и трансляции. Образы формируют ментальные репрезентации

прошлого, складывающиеся под влиянием различных источников информации (визуальные материалы, литературные описания, устные рассказы). Образы могут быть как конкретными (портреты исторических деятелей, картины сражений), так и более абстрактными (образ героического народа, трагической войны). Символы включают условные знаки и образы, наделенные особым историческим и культурным значением (государственная символика, памятники, мемориалы, георгиевская лента). Символы служат средством компрессированного выражения коллективных воспоминаний и чувств (Гирц, 2004).

В более ранних работах мы придерживались положения о том, что историческую память следует рассматривать как совокупность когнитивного, оценочного, эмоционального, ценностного (аксиологического) и коммуникативного компонентов. Однако сегодня признаём и значимую роль деятельностного компонента.

В целом авторский взгляд на социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне основан на следующих концептуальных положениях.

Историческая память о Великой Отечественной войне понимается как социально организованный процесс сохранения, упорядочивания и воспроизведения прошлого опыта общества, возвращаемый в сферу общественного сознания для формирования гражданского самосознания, патриотизма, национальной идентичности и единения. Это не только знание о событиях и героях, но и ценностно-нормативные ориентиры и эмоциональные схемы, влияющие на поведение и оценки настоящего и будущего.

В конструктивистской парадигме прошлое рассматривается как часть конструируемой социальной реальности: память не обнаруживается, а производится в коммуникации, институциональных практиках и культурных формах; она динамична и контекстно зависима, особенно в эпоху «историчности современности».

Историческая память выступает как синтез культурной, социальной и коммуникативной памяти. Культурная память включает кодифицированные социальными институтами (школа, университет, медиа, музеи) описания, сюжеты, символы и ритуалы, связанные с Великой Отечественной войной. Социальная память состоит из усвоенных массовым сознанием представлений о войне и роли страны, воспроизводимых через образовательные и медийные каналы. Коммуникативная память обусловлена установками, эмоциями и живыми рассказами, возникающими из непосредственного опыта семейного и локального окружения.

Таким образом, наиболее полное измерение исторической памяти о Великой Отечественной войне включает несколько взаимосвязанных элементов:

- когнитивный/информационный (факты, деятели);
- оценочный (отношение и интерпретация событий Великой Отечественной войны);
- коммуникативный (сюжеты, нарративы, мифы);
- аксиологический (ценности, нормы, гражданские установки);
- эмоциональный (гордость, скорбь, солидарность);

- деятельностный (практики участия в памятных символических, ритуальных мероприятиях). Результаты эмпирического исследования студенческой молодежи Орловской области¹

Когнитивный/информационный компонент исторической памяти представляет собой совокупность знаний, представлений, фактов, имен, дат, событий и образов, связанных с ВОВ, которые усваиваются индивидами и группами. Это каркас, на котором строится осмысление прошлого. Воспроизведение когнитивного компонента происходит через формальные и неформальные каналы социализации. Региональные исследования, проведенные в Орловской области (Меркулов, Алексеенок, Проказина, 2025), позволяют выявить ключевые источники получения современной молодежью знаний о ВОВ. Школьные учебники (72,9 %) и учителя (70,4 %) являются наиболее распространенными и, вероятно, фундаментальными источниками знаний, что подчеркивает роль формального образования в формировании когнитивного ядра памяти. Рассказы родных (65,4 %) занимают третье место по значимости, что подтверждает критическую роль семейной памяти и межпоколенческой коммуникации в передаче знаний о ВОВ. Несмотря на то что большинство прадедушек (68,4 %) и прабабушек (41,2 %) были участниками ВОВ, а 41,4 % семей имели погибших (пропавших без вести), лишь 6,3 % опрошенных отметили, что их воевавшие родственники живы, и 11,5 % – что трудились в тылу. Это означает, что знания о войне передаются уже не от непосредственных участников, а через последующие поколения, что может влиять на глубину и эмоциональную окраску этих знаний. Анализ кинематографа как источника знаний показывает, что советские художественные фильмы (61,9 %) значительно опережают современные художественные (35,6 %), так же как и советские документальные киноленты в отличие от современных документальных фильмов (соответственно, 43,1 % и 27,6 %. Это свидетельствует о сохранении культурного влияния советского кинематографа в формировании когнитивного образа войны. Музеи и выставки (50,9 %) также играют заметную роль, выступая как важные места памяти для получения информации. Менее значимыми источниками для молодежи являются телепередачи (30,1 %), социальные сети (37,6 %), художественная литература (33,3 %). Наименее используемыми источниками являются научные исследования (9,5 %), мемуары полководцев (10,0 %), а также сайты учебных заведений (7,0 %) и стенды (20,3 %), что указывает на низкую востребованность у молодежи академических и институциональных источников информации.

Несмотря на активное получение знаний из различных источников, лишь 32,5 % респондентов считают, что у них достаточно знаний о ВОВ, тогда как 44,9 % признают, что «надо бы больше». Это указывает на осознание молодежью пробелов в своих знаниях. При этом, хотя 78,4 % молодых людей полностью не согласны с утверждением «Великая Отечественная война была давно, и меня она не интересует», их конкретные знания часто носят фрагментарный характер. Так, среди полководцев абсолютно доминирует Жуков (61,1 %), тогда как другие выдающиеся военачальники известны значительно меньше (Рокоссовский – 8,0 %, Васильевский – 1,5 %, Конев – 0,5 %). Наиболее известные события – Битва

---

¹ В региональном этапе исследования 2025 года приняли участие 875 респондентов: 399 респондентов – студенты Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС и 476 респондентов – обучающиеся колледжа Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, направлению подготовки и курсу обучения.

за Москву (17,5 %), Сталинградская битва (16,3 %) и Курская битва (15,0 %), а также блокада Ленинграда (12,5 %) и битва за Берлин (6,3 %). Знания о менее известных, но не менее значимых операциях, таких как «Багратион» (3,8 %) или Ржевская битва (1,5 %), значительно скуднее. Среди песен о ВОВ лидируют «Катюша» (17,5 %), «День Победы» (15,0 %) и «Священная война» (12,5 %). В художественной литературе наиболее узнаваемы «А зори здесь тихие...» (19,5 %) и «Судьба человека» (17,5 %). Среди фильмов – «А зори здесь тихие...» (20,0 %), «В бой идут одни старики» (8,9 %) и «Т-34» (8,9 %).

Такая структура знаний свидетельствует о формировании «канонического» ядра когнитивной памяти, состоящего из наиболее символически и эмоционально нагруженных элементов, широко тиражируемых в массовой культуре и образовании. Менее известные факты и детали остаются за пределами этого ядра.

Оценочный компонент памяти включает в себя суждения, моральные оценки, отношение к героям, жертвам, предателям, а также к исторической роли различных акторов и событий войны. Он формирует этические рамки восприятия прошлого и влияет на конструирование норм и ценностей в настоящем. Оценочный компонент тесно связан с когнитивным (поскольку оценивается знание) и эмоциональным (поскольку эмоции формируют ценностные установки).

Исследование позволило выявить ряд устойчивых оценочных установок студенческой молодежи региона. Первая установка – это абсолютизация вклада СССР в Победу: подавляющее большинство (89,2 %) респондентов оценивают вклад СССР в победу над фашизмом как основополагающий. При этом вклад США (17,0 %), Англии (16,5 %) и Франции (12,0 %) оценивается в качестве менее значительного, что соответствует официальному государственному нарративу и подчеркивает центральную роль нашей страны в Победе. Вторая – гордость за страну: утверждение «Испытывать гордость за свою страну» является одним из ключевых для патриота (63,9 %). Это подкрепляется данными, что 53,9 % и 29,1 % респондентов (соответственно, «определенно да» и «скорее да») получали информацию, вызывающую чувство гордости за свою страну в процессе обучения. Третья установка – признание значимости исторической памяти о Великой Отечественной войне. Так, подавляющее большинство (78,4 %) полностью не согласны с утверждением, что ВОВ была давно и не интересует их. Более того, 78,4 % считают, что «без памяти о прошлом никогда не будет будущего, поэтому нужна объективная оценка прошлого: и достижений, и ошибок». Это свидетельствует о зрелом понимании молодежью взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего.

Эмоциональный компонент памяти включает в себя спектр чувств, переживаний и аффектов, ассоциируемых с событиями ВОВ. Он является мощным фактором, придающим когнитивным знаниям личностную значимость и формирующим глубокую привязанность к определенным историческим нарративам. Эмоциональная окраска памяти передается не только через слова, но и через символы, ритуалы, образы и коллективные действия. Результаты исследования отчетливо демонстрируют, что для молодежи 80-летие Победы ассоциируется прежде всего с «подвигом старших поколений, их самоотверженностью и любовью к Родине» (57,0 %). Это указывает на доминирование чувств гордости, уважения и благодарности. Данные о праздновании 9 Мая также подтверждают выраженную эмоциональную

привязанность к этой дате: для 43,7 % респондентов День Победы – это «праздник со слезами на глазах», что отражает сочетание радости триумфа и скорби по погибшим; для 38,9 % это «день гордости за СССР», подчеркивающий национально-государственный аспект Победы; 11,6 % опрошенных связывают его с «днем памяти о родных, прошедших войну», что указывает на персональное и семейное измерение памяти. Лишь 2,5 % респондентов воспринимают его «просто выходным», что свидетельствует о высоком эмоциональном и символическом значении праздника.

Воспроизводство эмоционального компонента активно поддерживается через ритуалы и символы, что в целом характеризует коммуникативный компонент. Так, просмотр парада по ТВ (67,9 %) и участие в шествии «Бессмертный полк» (32,7 %) являются наиболее популярными активностями 9 Мая. Высокий уровень участия в «Бессмертном полку», а также мнение, что «это хорошая форма воспитания патриотизма» (78,9 %) и «важен личный, семейный момент в этой акции» (31,1 %), свидетельствует о том, что данная акция успешно персонализирует коллективную память и вызывает сильные эмоциональные отклики, связывая личную, семейную историю с общенациональным подвигом. Половина опрошенных (50,6 %) хранят в семьях реликвии военных лет, из них 70,8 % – фотографии, 68,8 % – награды, 34,7 % – письма. Эти артефакты служат мощными эмоциональными якорями, способствуя передаче чувств и переживаний через поколения. Согласие с тем, что присвоение почетных званий городу вызывает чувство гордости (38,3 % – «полностью согласен», 32,1 % – «скорее согласен»), свидетельствует о важности символического измерения памяти на локальном уровне.

Рассматривая особенности исторической памяти о Великой Отечественной войне, отметим, что она оказывает прямое влияние на формирование гражданских ценностей и патриотизма.

Оценки молодежи показывают, что победа в ВОВ привела к развитию важнейших социально-политических направлений: культурной политики (33,8 % – «да», 37,3 % – «скорее да»), социальной политики (30,3 % – «да», 36,8 % – «скорее да»), молодежной политики (33,6 % – «да», 34,8 % – «скорее да»), государственного и муниципального управления (27,6 % – «да», 37,6 % – «скорее да») и геополитики (27,6 % – «да», 30,8 % – «скорее да»). Это говорит о том, что молодежь видит в Победе исторический фундамент для развития современной России.

Особый интерес представляет блок вопросов, связанный с патриотизмом и в целом являющийся аксиологическим/ценностным компонентом исторической памяти. Так, более 87 % респондентов считают себя патриотами (43,9 % – «да», 43,6 % – «скорее да» (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение вариантов ответа на вопрос «Вы можете себя назвать патриотом?», %

Table 1 – Distribution of answers to the question "Do you consider yourself a patriot?", %

Варианты ответа	Проценты
Да	43,9
Скорее да, чем нет	43,6
Скорее нет, чем да	4,0

Нет	2,8
Затрудняюсь ответить	5,8
Итого	100,0

Источник: Великая Отечественная война в представлениях современной студенческой молодежи / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенко, Н. В. Проказина [и др.]. – Орел: 2025. С. 19.

В представлениях молодежи настоящий патриот прежде всего должен «обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране» (90,2 %), «испытывать гордость за свою страну» (63,9 %) и «испытывать чувство ответственности за происходящее в стране» (60,2 %) (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение вариантов ответа на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что настоящий патриот должен...», %

Table 2 – Distribution of answers to the question "Do you agree that a true patriot should...", %

Варианты ответа	Проценты	
	Да	Нет
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	60,2	39,8
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	40,6	59,4
Испытывать гордость за свою страну	63,9	36,1
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	90,2	9,8
Покупать в основном отечественные товары	3,8	96,2
Уважать и знать историю своей страны	58,1	41,9
Уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста, инвалидам	46,9	53,1
Принимать участие в общественной и политической жизни страны	31,1	68,9
Не уклоняться от службы в армии	20,1	79,9
Честно и добросовестно трудиться	27,8	72,2
Быть волонтером	93,7	6,3
Придерживаться традиционных ценностей в повседневной жизни	16,3	83,7
Патриотизм – устаревшее понятие в эпоху открытых границ. Родина там, где тебе комфортно	4,0	96,0

Источник: Великая Отечественная война в представлениях современной студенческой молодежи / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенко, Н. В. Проказина [и др.]. – Орел: 2025. С. 18.

Это указывает на преобладание конструктивного, деятельностного патриотизма, когда память о Великой Отечественной войне выступает как его ценностная, морально-этическая основа.

Анализ публикаций об особенностях исторической памяти, в том числе о Великой Отечественной войне показывает, что историческая память выступает системообразующим ресурсом гражданской идентичности и основой национального самосознания (Тощенко, 2020). Для большинства россиян Память о Великой Отечественной войне объединяет общенациональные и семейные уровни, что объясняет долговременную устойчивость позитивных оценок Победы (Тощенко, 2020). Семейная память обеспечивает массовую вовлеченность в институциональные инициативы («Бессмертный полк», «Память народа», «Подвиг народа» и устойчивость ритуалов в разных форматах участия (онлайн/офлайн) (Горшков, 2024).

Однако, исследователи отмечают, что излишняя формализация и бюрократизация мемориальных инициатив подрывают «искренний» характер памяти; отталкивая молодежь от этих инициатив (Тощенко, 2020).

Публикации о Великой Отечественной войне, посвященные 80-летию Победы, подтверждает многоуровневую природу исторической памяти о Великой Отечественной войне, где национальный канон Победы переплетается с региональными и семейными нарративами, обеспечивая одновременно гражданскую консолидацию и персональную укорененность смыслов для разных когорт населения.

При этом именно семейная память конкретизирует и оживляет общий исторический сюжет для молодежи, выступая ключевым посредником между официальными практиками и личным опытом¹.

Сопоставление материалов по Чукотке (Коломиец, Нувано, 2025) дальневосточным регионам (Бадараев, Винокурова, Нолев, 2025) и школьному пространству Нижнего Новгорода (Саралиева, Кутявина, Шинкаренко, 2025) показывает, что каналы трансляции памяти носят комбинированный характер – медийные, институциональные (школа, вуз, городские ритуалы) и семейные формы дополняют друг друга, причём официальные форматы задают символический каркас, а семейные истории обеспечивают эмоциональную сопричастность и повседневную практику памяти. Такая многоканальность снижает риски стираемости памяти, но одновременно выявляет фрагментацию личной вовлеченности у части молодежи при ослаблении прямых связей с поколением фронтовиков и тружеников тыла.

Этнокультурная специфика памяти отчетливо проявляется в материалах по Чукотке, где патриотизм коренных народов базируется на синтезе традиций защиты своей земли, советского наследия Победы и современной гражданской солидарности, обеспечивая высокую самоидентификацию в качестве патриотов России и региона (86,2 % респондентов). Память о добровольческом участии в войне при формальном освобождении от призыва, строительстве узлов трассы АлСиб (Марково, Уэлькаль) и тыловом вкладе (пушнина, оленина, морзверь, меховая одежда, денежные сборы) формирует устойчивые локальные нарративы

---

¹ Вестник Института социологии. Том 16. № 3. 2025. Тема номера: Социология Великой Отечественной войны: малоизученные аспекты (к 80-летию Победы). DOI: 10.19181/vis.2025.16.3. ISSN 2221-1616 (online).

чести и долга, транслируемые в современность.

В студенческой среде Дальнего Востока наблюдается сочетание признания подвига старших поколений как морального примера с выраженной индивидуализацией практик памяти, что интерпретируется респондентами как одновременная персонализация и расслоение способов участия в мемориальных событиях. Парадоксальная комбинация приватизированных форм празднования 9 Мая с устойчивым интересом к массовым ритуалам и городским акциям свидетельствует не об эрозии, а о трансформации модусов коллективной памяти в сторону гибридных форм присутствия.

Школьные практики Нижнего Новгорода демонстрируют, что формирование групповой идентичности («ученик – горожанин – гражданин») эффективно тогда, когда учебные сценарии сопряжены с семейной генеалогией и локальной историей мест памяти, превращая обобщенный канон в адресный опыт «своего города и своей семьи». В такой конфигурации семья выступает ключевым посредником между официальным нарративом и повседневностью подростка, повышая устойчивость усвоения ценностей и смыслов Победы.

Эти выводы подтверждают тесную связь семейной истории и интересом к истории своей страны, исторической памяти в целом.

Результаты пятиволнового мониторинга РОС (2005 - 2025 гг.) фиксируют рост деятельностных форм участия в сохранении и воспроизведении памяти и, как следствие, в представлениях о патриотизме (Вишневецкий, Мансуров, Кульминская, 2025). Таким образом, рост деятельностных индикаторов и концептуализация памяти как культурного капитала обуславливает необходимость долгосрочной поддержки образовательных и музейно-городских практик.

Анализируя региональные результаты исследований, можно сделать несколько ключевых выводов о факторах формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне у региональной молодежи.

Историческая память конструирует в первую очередь информационным полем, задаваемым государственными институтами, поэтому региональные различия относительно невелики, но отражают социокультурные особенности и характеристики (Широкалова, 2021). Следует учитывать и саморегуляционные механизмы, дополняющие и компенсирующие недостаточность представлений и источников о Великой Отечественной войне (Меркулов, Проказина, Дорохова, Хатнюк, 2022).

Семья традиционно выступает одним из первичных институтов социализации и передачи культурного наследия, включая историческую память. Для поколений, отдаленных от событий Великой Отечественной войны, семейные нарративы, воспоминания ветеранов и других родственников, переживших войну или ее последствия, могут являться одним из наиболее эмоционально значимых и лично окрашенных источников знаний о прошлом.

В контексте Орловской области, региона, непосредственно затронутого военными действиями, семейные истории могут содержать уникальные детали, связанные с оккупацией, партизанским движением, освобождением региона и жизнью в послевоенный период. Эти локальные нарративы способны обогатить общенациональную память о войне, придавая ей более конкретное и личное для молодых жителей региона измерение.

Передача памяти о войне в семье осуществляется посредством различных механизмов, включающих как вербальные, так и невербальные формы коммуникации. К основным механизмам передачи памяти относятся:

- устные рассказы и воспоминания: непосредственное повествование старших поколений о своем опыте или о рассказах других родственников, связанных с войной. Однако сегодня всё меньше и меньше становится тех, кто был непосредственным участником тех событий. Следовательно, особое значение приобретают другие источники информации, передающие знания и образы, чувства и эмоции тех суровых военных лет;

- семейные реликвии и артефакты: сохранившиеся фотографии, письма, награды, предметы быта военного времени, которые служат материальными носителями памяти и стимулируют воспоминания. Результаты исследований показывают необходимость напоминания о значимости реликвий, поскольку снижается число семей, хранящих реликвии, что связано как с объективными, так и с субъективными обстоятельствами;

- семейные ритуалы и традиции: совместное посещение памятных мест, просмотр фильмов о войне, чтение книг военной тематики, участие в памятных мероприятиях;

- эмоциональная атмосфера и ценностные установки: невербальная передача отношения к войне через эмоциональные реакции, семейные ценности и убеждения.

Уход представителей старших поколений (участников и свидетелей) побуждает к разговорам с родителями в большей степени, так как в результате память о войне всё больше становится частью семейной памяти. Это влияет и на знание и понимание ценностей реликвий Великой Отечественной войны, которые становятся важной частью семейного архива и передаются из поколения в поколение. Однако активная включенность в сохранение реликвий военных лет несколько снизилась. Подчеркнем, что эффективность этих механизмов может варьироваться в зависимости от интенсивности коммуникации между поколениями, эмоциональной открытости рассказчиков, заинтересованности слушателей и социокультурного контекста.

Для нашего исследования важно проанализировать, как представлен региональный аспект Великой Отечественной войны в учебных программах Орловской области. Уделяется ли достаточное внимание оккупации региона, партизанскому движению, освобождению Орловщины и вкладу местных жителей в Победу? Как соотносятся общенациональный и региональный нарративы о войне в образовательном процессе?

Кроме того, необходимо учитывать, что восприятие исторической информации студентами зависит не только от содержания учебных программ, но и от методологических подходов к преподаванию истории. Активное использование проблемного обучения, дискуссий, анализа исторических источников и мультимедийных материалов может способствовать более глубокому и критическому осмыслению прошлого, в отличие от пассивного заучивания фактов.

В условиях существенного снижения количества встреч с участниками, и свидетелями тех событий по объективным обстоятельствам (численность ветеранов и детей войны снижается с каждым годом) важным является понимание актуальных источников и каналов информации о Великой Отечественной войне.

Следует отметить относительную устойчивость основных источников знаний о Великой Отечественной войне. Однако есть некоторые изменения, которые зависят от особенностей коммуникативных практик и предпочитаемого контента. Так, существенно увеличилось влияние форумов в интернете и социальных сетей. Соответственно, актуализируется вопрос о достоверности информации и

представлений об исторических событиях и важности понимания трактовок альтернативных версий, так как в условиях институционального дефицита, применения техник забывания и особой эмоциональной привлекательности они могут существенным образом исказить реальные факты о событиях Великой Отечественной войны. Форматы интерактивности и шоу также приобретают наибольшую популярность, что свидетельствует о востребованности включенных практик изучения исторических событий. Существенно увеличилась и роль преподавателей вуза за последние пять лет. Это следствие тех структурных и содержательных преобразований, которые произошли в цикле обязательных дисциплин, формирующих универсальные компетенции в высшей школе (введение курса «Основы российской государственности», расширение содержательно-смысловых блоков в дисциплине «история России» и др.).

Специфика исторического прошлого региона, его памятные места, традиции и инициативы играют важную роль в конструировании коллективных воспоминаний и передаче их молодому поколению.

Выделяя факторы, оказывающие влияние на формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне у студенческой молодежи Орловской области, необходимо обратиться к региональной социокультурной среде. Региональная социокультурная среда представляет собой уникальный контекст, в рамках которого формируются представления студенческой молодежи о Великой Отечественной войне. Орловская область, имеющая богатую и трагическую историю военных лет, обладает собственными местами памяти, традициями коммеморации и героями, которые оказывают особое влияние на коллективное сознание молодых жителей региона.

Как отмечалось ранее в контексте теории Пьера Нора, места памяти играют ключевую роль в закреплении и трансляции коллективных воспоминаний. Орловская область обладает рядом значимых памятных мест, мемориалов и музеев, посвященных Великой Отечественной войне, которые выступают важными локусами формирования исторической памяти студенческой молодежи. К таким местам в Орловской области относятся: Военно-исторический музей города Орла (музей-диорама «Орловская наступательная операция»), памятники и мемориальные доски в Орле и населенных пунктах Орловской области (памятник Л. Н. Гуртьеву, Аллея Героев в сквере Гуртьева, бюст А. В. Горбатова, сквер Танкистов, стела «Город воинской славы» и другие многочисленные памятники в Орле и Орловской области, напоминающие о событиях войны), Соборовское поле и другие знаковые памятные места, в том числе открывающиеся в последнее время.

Посещение этих мест памяти, участие в проводимых там мероприятиях, изучение экспозиций музеев способствуют формированию у студентов визуальных образов войны, эмоционального сопереживания и уважения к подвигу предков. Анализ посещаемости этих мест молодежью, восприятия и интерпретации символического значения данных объектов позволит оценить их роль в конструировании региональной исторической памяти.

Региональные традиции празднования Дня Победы (9 Мая) и других памятных дат, связанных с Великой Отечественной войной (например, годовщина освобождения Орла – 5 августа), играют важную роль в поддержании и воспроизведении коллективной памяти. Эти традиции включают: парады и шествия, митинги-реквиемы и возложение цветов к мемориалам, концерты и тематические культурные мероприятия, участие в

поисковом движении и уход за братскими захоронениями, уроки мужества и встречи со свидетелями эпохи (дети войны). Участие студенческой молодежи в этих региональных традициях способствует усвоению символического значения Победы, формированию чувства сопричастности к истории региона и страны, а также укреплению связей между поколениями. Анализ форм участия студентов в региональных коммеморативных практиках и отношения к этим традициям позволит оценить их влияние на формирование исторической памяти.

История Великой Отечественной войны на территории Орловской области богата собственными трагическими и героическими страницами. События оккупации, деятельность партизанских отрядов, освобождение Орла в ходе Курской битвы, подвиги местных жителей на фронте и в тылу формируют уникальный региональный контекст исторической памяти. Знание и почитание региональных героев Великой Отечественной войны (например, героев Советского Союза – уроженцев Орловщины) способствуют персонификации истории и формированию чувства гордости за своих земляков. Изучение биографий и подвигов региональных героев в образовательных учреждениях и через региональные СМИ способствует закреплению их образов в коллективной памяти молодежи.

Анализ того, насколько студенческая молодежь Орловской области осведомлена о региональных событиях и героях Великой Отечественной войны, как она оценивает их вклад в общую Победу и какое эмоциональное значение они для нее имеют, позволит выявить специфику регионального измерения исторической памяти.

В Орловской области реализуется ряд региональных инициатив и проектов, направленных на сохранение и актуализацию памяти о Великой Отечественной войне у молодежи. И это направление может стать самостоятельным объектом для дальнейших научных исследований. Анализ эффективности названных региональных инициатив, степени вовлеченности в них студенческой молодежи и их влияния на формирование исторической памяти позволит оценить роль региональных властей и общественных организаций в процессе сохранения и трансляции знаний о Великой Отечественной войне.

Таким образом, региональная социокультурная среда Орловской области с ее уникальными местами памяти, традициями коммеморации, героями и инициативами оказывает существенное влияние на формирование исторической памяти студенческой молодежи. Учет регионального контекста является необходимым условием для глубокого и всестороннего понимания представлений молодых жителей области о Великой Отечественной войне.

Проведенный анализ выявил многогранность и сложность процесса формирования представлений современной студенческой молодежи Орловской области о Великой Отечественной войне. Становится очевидным, что историческая память не является монолитным образованием, а складывается под влиянием целого комплекса взаимосвязанных агентов и механизмов.

Семья и межличностная коммуникация выступают одним из первичных и эмоционально значимых каналов передачи исторического знания. Семейные нарративы, воспоминания родственников, особенно участников и свидетелей войны, формируют персонифицированную картину прошлого, наполненную

личными переживаниями и оценками. Механизмы трансгенерационной передачи памяти, включающие устные рассказы, семейные реликвии и совместные ритуалы, играют важную роль в сохранении эмоциональной связи с историей войны. При этом влияние устной истории может отличаться от воздействия формальных источников знаний, обладая большей эмоциональной глубиной, но потенциально меньшей фактологической полнотой.

Система образования выполняет функцию институциональной трансляции знаний о Великой Отечественной войне. Содержание учебных программ, методические подходы педагогов и внеурочные мероприятия (экскурсии, встречи с ветеранами, тематические проекты) оказывают существенное влияние на уровень осведомленности студентов о ключевых событиях, героях и последствиях войны. Активные формы обучения и эмоционально насыщенные внеурочные практики способствуют более глубокому усвоению материала и формированию личного отношения к истории.

Средства массовой информации и интернет-коммуникации представляют собой мощные каналы распространения информации и формирования общественного мнения. Традиционные СМИ (телевидение, радио, печать) и новые медиа (интернет-ресурсы, социальные сети, блоги) предлагают разнообразные нарративы и образы Великой Отечественной войны. Интернет-среда, наряду с широким доступом к информации, характеризуется распространением альтернативных и порой противоречивых интерпретаций прошлого, что требует от молодежи развития информационной грамотности и критического мышления. Социологический анализ выявил важность изучения медиапотребления студентов и их взаимодействия с различными онлайн-источниками информации о войне.

Региональная социокультурная среда Орловской области с ее богатой историей военных лет обладает уникальными местами памяти (мемориалы, музеи), традициями празднования памятных дат и региональными героями. Посещение памятных мест, участие в региональных коммеморативных практиках и изучение локальной истории способствуют формированию чувства сопричастности к прошлому региона и страны. Региональные инициативы и проекты, направленные на сохранение исторической памяти, играют важную роль в актуализации знаний о войне у молодежи.

Таким образом, историческая память о Великой Отечественной войне в представлениях студенческой молодежи Орловской области формируется под комплексным воздействием различных факторов, начиная с семейных воспоминаний и заканчивая влиянием глобальной интернет-среды и региональной специфики. Взаимодействие этих факторов, их относительная значимость и специфика восприятия студентами требуют дальнейшего эмпирического исследования, которое позволит выявить доминирующие нарративы, уровень знаний, эмоционально-ценностное отношение и формы коммеморации Великой Отечественной войны в данной социально-демографической группе. Полученные выводы станут основой для разработки практических рекомендаций в сфере образования и патриотического воспитания молодежи. Переходя к следующей главе, мы определим методологический инструментарий нашего эмпирического исследования.

Заключение

Проведенный теоретико-методологический анализ, основанный на фундаментальных работах Питера Бергера, Томаса Лукмана, Мориса Хальбвакса, Пьера Нора и других ученых, позволил обосновать социальную природу исторической памяти, роль мест памяти в ее закреплении, значимость социокультурных механизмов трансляции, включая нарративы, ритуалы и медиа.

Историческая память о Великой Отечественной войне сохраняет статус системообразующего ресурса и коллективной солидарности. В исторической памяти сочетаются устойчивость эмоционально-ценностного ядра с трансформацией институциональных и поведенческих моделей ее воспроизводства.

Обозначим основные особенности исторической памяти о Великой Отечественной войне у студенческой молодежи Орловской области, выделенные по итогам проведенного анализа.

Во-первых, наблюдается высокий уровень эмоционально-ценностного отношения к войне, что прослеживается в проявлении таких эмоций, как гордость за подвиг народа и скорбь о понесенных жертвах.

Во-вторых, основными источниками знаний о войне для студенческой молодежи являются образовательные программы по истории, художественные фильмы и интернет-ресурсы. При этом доверие к различным источникам информации может существенно различаться.

В-третьих, формы коммеморации, значимые для студенческой молодежи, включают как традиционные (участие в праздновании Дня Победы, посещение мемориалов), так и новые (онлайн-акции, использование социальных сетей). Региональные места памяти играют важную роль в формировании локальной идентичности и уважения к истории родного края. Это обусловлено особенностями региональной социокультурной среды, которая оказывает заметное влияние на историческую память студентов, формируя особый интерес к местным событиям и героям войны.

Следовательно, в представлениях студенческой молодежи региона формируется как многоуровневый конструкт, сочетающий культурную, социальную и коммуникативную память, где решающее значение имеют семейные нарративы и локальный контекст мест памяти.

Результаты подчеркивают необходимость комплексного подхода к формированию исторической памяти молодежи, учитывающего многообразие каналов информации и особенности регионального контекста. Важным является развитие критического мышления и информационной грамотности студентов, стимулирование их интереса к изучению истории через разнообразные формы образовательной и внеучебной деятельности, а также поддержка межпоколенческого диалога и вовлечение в коммеморативные практики.

Сформулируем основные выводы, имеющие прикладное значение. Первое – чем выше насыщенность семейно-коммуникативных практик (истории, ритуалы, малая родина), тем выше идентификационные и эмоциональные показатели памяти. Второе – качественные школьные/университетские форматы (проектная работа, музейная работа, локальная история) усиливают когнитивный компонент и закрепляют ценностно-нормативные ориентации. И третье – в современных условиях наиболее действенными являются гибридные модусы участия, в которых сосуществуют цифровые практики и

реальные мероприятия, на которых участие в массовых коммеморациях опосредуется у студентов индивидуализированными формами присутствия и самопрезентации. Практические следствия включают необходимость усиления семейно-школьного контура трансляции памяти, поддержки региональных мест памяти и локальных архивов, а также адаптации мемориальных практик к цифровым экосистемам участия молодежи без утраты содержания и исторической достоверности. Защита правды о войне и межпоколенческая передача опыта выступают элементом культурной и национальной безопасности, требующим научно верифицированных инструментов противодействия искажениям и расширения участия через адресные, локально укорененные форматы.

Однако выделим и некоторые ограничения, которые связаны с представленными материалами. Так, региональная и выборочная специфика исследований (например, локальные срезы Орловской области, Чукотки, отдельных вузов Дальнего Востока) не позволяют напрямую экстраполировать выводы на всю молодежь России, а смешанные дизайны требуют аккуратного сопоставления качественных и количественных свидетельств. Тем не менее устойчивость некоторых трендов – роли семьи как посредника, гибридизации ритуалов, социокультурной персонализации патриотизма – позволяет рассматривать их как основные характеристики исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ исторической памяти студенческой молодежи в различных регионах России, изучение динамики представлений о войне во времени, а также на разработку эффективных педагогических стратегий, способствующих формированию глубокого, осознанного и эмоционально значимого отношения к прошлому.

Список литературы:

1. Аксенова О. В. Великая Отечественная война и цивилизационное развитие России. 2025. Том 16. № 3. С. 10–14. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.1; EDN: SXBDGN.
2. Бадараев Д. Д., Винокурова А. В., Нолев Е. В. Память о Великой Отечественной войне в регионах Дальнего Востока: коммеморативные практики студенческой молодежи // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 52–68. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.3; EDN: RQENVQ.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995.
4. Великая Отечественная война в представлениях современной студенческой молодежи / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенок, Н. В. Проказина [и др.]. – Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025. – 124 с. – ISBN 978-5-93179-854-7. – EDN TIQSZQ.
5. Вестник Института социологии. Том 16. № 3. 2025. Тема номера: Социология Великой Отечественной войны: малоизученные аспекты (к 80-летию Победы). DOI: 10.19181/vis.2025.16.3. ISSN 2221-1616 (online).
6. Вишневский Ю. Р., Мансуров В. А., Кульминская А. В. Студенчество о Великой Отечественной войне: результаты федерального исследования Российского общества социологов (2005–2025 гг.) // Социологические

исследования. 2025. № 7. С. 33-46. DOI 10.31857/S0132162525070043. EDN: GZWLVТ.

7. Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ / Н. В. Проказина, Ю. В. Дорохова, А. А. Алексеенок [и др.]. – Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 220 с. – ISBN 978-5-93179-389-4. – EDN TRGBHJ.

8. Горшков М. К., Бараш Р. Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 125–137. DOI: 10.31857/S0132162524090119.

9. Гирц, Клиффорд (1926-). Интерпретация культур: [пер. с англ.] / Клиффорд Гирц. – Москва: РОССПЭН, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 557, [2] с.; 22 см. – (Культурология. XX век. CEU); ISBN 5-8243-0474-2.

10. Историческая память и образ родины: формирование государственно-гражданской идентичности российской молодежи / П. А. Меркулов, Н. В. Проказина, Ю. В. Дорохова, Н. Н. Хатнюк. – Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. – 228 с. – ISBN 978-5-93179-728-1. – EDN NVHAYO.

11. Коломиец О. П., Нувано В. Н. Этнокультурные смыслы патриотизма и исторической памяти у народов Чукотки // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 15–36. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2; EDN: SAUMQY.

12. Франция – память [Текст]: Сборник: Пер. с фр. / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж и др.; СПб. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 327 с. – (Новая петербургская библиотека. Коллекция Память века). – ISBN 5-288-02318-2; Б. ц.

13. Саралиева З. Х.-М., Кутявина Е. Е., Шинкаренко Е. А. Пространство школьных мероприятий в Нижнем Новгороде, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 69–86. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.5. EDN: WSNBHR.

14. Спасибо прадеду за Победу... : Материалы IV этапа мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005-2010-2015-2020 гг.) / Д. В. Аверьянова, Е. В. Алдошенко, Ю. Е. Антонов [и др.]. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. – 352 с. – ISBN 978-5-7996-3087-4. – EDN FIIIZE.

15. Тощенко Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной вой не? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18–22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3. EDN: KWGMND

16. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с. – (А). ISBN 978-5-98379-088-9. EDN: QXSOXF.

17. Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной вой не: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 19–35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709. EDN: SNKKOE.

References:

1. Aksenova O. V. (2025) The Great Patriotic War and the civilizational development of Russia. Volume 16. no.3. p. 10-14. (In Russ.) DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.1; EDN: SXBDGN.
2. Badaraev D. D., Vinokurova A. V., Nolev E. V. (2025) Memory of the Great Patriotic

War in the regions of the Far East: commemorative practices of student youth//Bulletin of the Institute of Sociology. Volume 16. no.3. p. 52-68. (In Russ.) DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.3; EDN: RQENVQ.

3. Berger P, Lookman T. (1995) Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge/Per. from the English E. Rutkevich. M.: Medium. (In Russ.)

4. Prokazin N. V. Merkulov, P. A. and Alekseenok, A. A. [and others](2025) *The Great Patriotic War in the ideas of modern student youth/* Eagle: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 124 p. (In Russ.) EDN TIQSZQ.

5. Journal of the Institute of Sociology Vol. 16. no.3. 2025. Topic of the issue: Sociology of the Great Patriotic War: little-studied aspects (to the 80th anniversary of the Victory). (In Russ.) DOI: 10.19181/vis.2025.16.3. ISSN 2221-1616 (online).

6. Vishnevsky Yu. R., Mansurov V. A., Klimatskaya A. V. (2025) Students about the Great Patriotic War: results of a federal study of the Russian Society of Sociologists (2005-2025). Sociological research. no.7. p. 33-46. (In Russ.) DOI 10.31857/S0132162525070043

7. Prokazina, N. V., Dorokhov, Yu. V. and Alekseenok A. A. [and others] (2014) *Reproduction of the historical memory of the Great Patriotic War in the public consciousness of the inhabitants of Belarus and Russia: comparative analysis.* Eagle: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 220 p. EDN TRGBHJ.

8. Gorshkov M.K. and Barash R.E. (2024) Historical memory of modern Russians (the history of Russia of the twentieth century through the prism of family stories) *Sociological research.* no.9. p. 125-137. DOI: 10.31857/S0132162524090119.

9. Gierz, Clifford (1926-). Interpretation of cultures: [translated from English]/Clifford Gierz. Moscow: ROSSPEN, 2004 (GUP IPK Ulyan. Press House). 557p. (Cultural studies. XX century. CEU).

10. Merkulov, P. A. Prokazin, N. V. Dorokhova, Yu. V. and Khatnyuk, N. N. (2022) *Historical memory and image of the homeland: the formation of state-civil identity of Russian youth.* Eagle: Central Russian Institute of Management - branch of RANEPА, 228 p. EDN NVHAVO.

11. Kolomiets O.P., Nuvano V.N. Ethnocultural meanings of patriotism and historical memory among the peoples of Chukotka//Bulletin of the Institute of Sociology. 2025. Volume 16. no.3. p. 15-36. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.2; EDN: SAUMQY.

12. France - memory: Collection: Per. from fr. Nora, P. Ozuf, M. J. de Puimezh (et all) St. Petersburg. state. un-t. 1999. 327 p. (New St. Petersburg Library. Collection Memory of the Century).

13. Saralievа Z. H.-M., Kut'yavina E.E., Shinkarenko E.A. (2025) The space of school events in Nizhny Novgorod dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. *Bulletin of the Institute of Sociology.* Volume 16. no.3. p. 69-86. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.5; EDN: WSNBHR.

14. Averyanova D.V., Aldoshenko, E.V. and Antonov Yu. E. [et all].(2020) *Thanks to my great-grandfather for the Victory...: Materials of the IV stage of monitoring "Russian students about the Great Patriotic War" (2005-2010-2015-2020)* Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 352 p. EDN FIIIIZE.

15. Toshchenko, Zh. T. (2020) What happens to the historical memory of the Great Patriotic War not? *Sociological research.* no. 5. p. 18-22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3. EDN: KWGMND

16. Halbwax M. (2007) Social memory frames/Per. fr. and entry. article by S.N.

Zenkin - M.: New Publishing House, 348 p. (A). EDN: QXSOFX

17. Shirokalova G. S. Historical memory of the great patriotic war: reasons for pluralism. Vestnik instituta sotziologii. 2021. Vol. 12. no. 2. P. 19–35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709 EDN: SNKKOE

Сведения об авторах:

Наталья Васильевна Проказина, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, главный научный сотрудник Института гуманитарных технологий и инжиниринга; nvprokazina@mail.ru, Scopus ID: 37115960600, ResearcherID: AAD-2677-2020, SPIN: 5595-3526, AuthorID: 415159, <https://orcid.org/0000-0002-1677-5324>.

About the authors:

Natalia V. Prokazina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Technologies and Engineering (Russian Federation, Moscow), e-mail: nvprokazina@mail.ru, Scopus ID: 37115960600, ResearcherID: AAD-2677-2020, SPIN: 5595-3526, AuthorID: 415159, <https://orcid.org/0000-0002-1677-5324>.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

© Проказина Н.В., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ:
МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
В БРЕНДИНГЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ**

И.В. Логунцова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1,

Поступила
в редакцию
14.03.2025

Поступила
после
рецензирования
06.07.2025

Принята
к публикации
16.09.2025

Аннотация. В условиях стремительного развития технологий и цифровой трансформации особое значение приобретает взаимодействие человека и искусственного интеллекта (ИИ) в креативных индустриях. ИИ становится не только технологическим инструментом, но и участником культурного производства, влияя на границы авторства и восприятие идентичности.

Цель – выявление моделей взаимодействия ИИ в креативных индустриях как инструмента брендинга малых городов.

Объект исследования – взаимодействие человека и искусственного интеллекта в креативных индустриях.

Предмет исследования – модели цифрового соавторства человека и ИИ, раскрывающие их влияние на формирование визуальной идентичности, являющейся частью брендинга малых городов.

Методы: междисциплинарный подход, объединяющий культурологические, экономические и технологические перспективы; использованы методы анализа научной литературы, кейс-стади, контент-анализа, сравнительного анализа, интерпретации и обобщения.

Результаты: показано, что ИИ выполняет не только вспомогательные функции, но и включается в процесс цифрового соавторства, изменяя структуру творческого труда и практики территориального брендинга. Систематизированы модели взаимодействия человека и ИИ в креативных индустриях и предложена типология цифрового соавторства, включающая инструментальную, партнёрскую и автономную модели, которые соотносятся с различной степенью авторского контроля и автономности алгоритмов. Автором предложена концепция ИИ как медиатора визуальной идентичности, в рамках которой ИИ рассматривается как инструмент, опосредующий интерпретацию, воспроизводство и формирование визуального культурного кода территории. Установлено, что генеративные модели обладают высоким потенциалом для визуального брендинга малых городов, способствуя развитию цифрового соавторства, креативного туризма и вовлечению локальных сообществ.

Выводы: оригинальность исследования заключается в концептуализации цифрового соавторства человека и ИИ в визуальном брендинге малых городов, в разработке типологии моделей взаимодействия (инструментальной, партнёрской и автономной), а также в систематизации правовых, культурных и социальных рисков, связанных с цифровым вмешательством в процессы репрезентации территориального образа. Практическая значимость состоит в обосновании подходов к этичной и устойчивой интеграции ИИ в креативные индустрии и культурное развитие малых городов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровое соавторство, креативные индустрии, креативная экономика, культурная идентичность, визуальный культурный код, бренд территории, малые города, брендинг малых городов.

Для цитирования: Логунцова И.В. Искусственный интеллект в креативных индустриях: модели взаимодействия и возможности применения в брендинге малых городов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – №4. – С. 108-130. EDN SKHFSP

© Логунцова И.В.2025

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CREATIVE INDUSTRIES: MODELS OF INTERACTION AND APPLICATION OPPORTUNITIES IN SMALL-TOWN BRANDING**Irina V. Loguntsova** *Lomonosov Moscow State University,*

address: 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Received
14.03.2025Revised
06.07.2025Accepted
16.09.2025

Abstract. In the context of rapid technological advancement and digital transformation, the interaction between humans and artificial intelligence (AI) in the creative industries is of particular importance. AI is becoming not only a technological tool but also an active participant in cultural production, influencing the boundaries of authorship and the perception of identity.

The aim of the study is to identify models of AI interaction in the creative industries as a tool for small-town branding. The object of the study is the interaction between humans and artificial intelligence in the creative industries. The study investigates models of digital co-authorship between humans and artificial intelligence that reveal their influence on shaping visual identity as an element of place branding of small towns.

To find a solution the author applies an interdisciplinary approach combining cultural, economic, and technological perspectives as well as literature analysis, case studies, content analysis, comparative analysis, interpretation and synthesis.

The author shows that AI performs not only auxiliary functions but is also integrated into the process of digital co-authorship, transforming the structure of creative labor and practices of place branding. The author systematized the models of human-AI interaction in creative industries and proposed a typology of digital co-authorship that includes instrumental, partnership, and autonomous models, which correspond to different degrees of authorial control and algorithmic autonomy. The author proposes the concept of AI as a mediator of visual identity, in which AI is regarded as a tool mediating the interpretation, reproduction and formation of the visual cultural code of a territory. It is established that generative models possess significant potential for the visual branding of small towns, contributing to the development of digital co-creativity, creative tourism, and community engagement.

As a result, the author concludes that the originality of the research lies in the conceptualization of digital co-authorship of humans and AI in the visual branding of small towns, in the development of a typology of interaction models (instrumental, partnership and autonomous), as well as in the systematization of legal, cultural and social risks associated with digital interference in the processes of territorial image representation. In addition, the author emphasizes that the practical importance lies in substantiating approaches to the ethical and sustainable integration of AI into creative industries and the cultural development of small towns.

Keywords: artificial intelligence, digital co-authorship, creative industries, creative economy, cultural identity, visual cultural code, place brand, small towns, small towns branding

For citations: Loguntsova I.V. (2025) Artificial Intelligence in Creative Industries: Models of Interaction and Applications in Small-Town Branding. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 20. no.4, P.108-130. EDN: SKHFSP

© Loguntsova I.V.,2025

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы является одним из ключевых драйверов трансформации мировой экономики и общества. Особенно существенным оказывается его влияние на креативные индустрии, традиционно опирающиеся на человеческую креативность и культурные практики. Алгоритмы нового поколения позволяют автоматизировать рутинные процессы, анализировать культурные тренды, генерировать визуальный и аудиоконтент, а также персонализировать взаимодействие с аудиторией. Вместе с тем использование ИИ в креативной сфере сопровождается рядом правовых, этических и социальных вызовов.

По данным ЮНКТАД, креативные индустрии формируют один из самых быстрорастущих сегментов мировой экономики¹. Их цифровизация и интеграция с ИИ открывают новые возможности для творческих профессий, но одновременно порождают риски вытеснения человека из ключевых этапов культурного производства. Прогнозируется, что к 2026 году до 90 % мирового цифрового контента будет создано с использованием ИИ, что актуализирует принципиальные вопросы об уникальности искусства, авторстве и будущем культурного труда².

В настоящем исследовании под ИИ понимаются преимущественно его генеративные формы, такие как языковые модели (например, ChatGPT), визуальные нейросети (Midjourney, DALL-E) и генераторы звука и видео (Suno, Udio), способные создавать оригинальный цифровой контент. Именно эти технологии рассматриваются как активные участники креативного процесса и объект научного анализа.

Взаимодействие ИИ с креативным сектором требует уточнения понятийного аппарата. Креативные индустрии в данном исследовании трактуются как совокупность отраслей, основанных на индивидуальном творческом вкладе и производстве культурного контента (музыка, кино, мода и др.). Они образуют ядро креативной экономики, под которой понимается более широкий комплекс, включающий инфраструктуру, институты, культурную политику и рынки, обеспечивающие развитие и функционирование этих индустрий.

На сегодняшний день вклад креативной экономики в национальный ВВП варьируется от 0,5 до 7,3 % в зависимости от страны, при этом занятость в секторе достигает 12,5 %³. По оценкам международных аналитиков, эта отрасль демонстрирует опережающую динамику и к 2030 году может обеспечить до 10 % мирового валового продукта⁴. В России креативная экономика составляет около 3,5 % ВВП и 3,7 % общей выручки, которая в 2024 году достигла 14,5 трлн рублей, удвоившись по сравнению с 2019 годом. В этом секторе занято порядка 4,6 млн человек⁵. Эти показатели свидетельствуют о высокой динамике роста и растущем

---

¹ Creative Economy Outlook. 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://unctad.org/publication/creative-economy-outlook-2024> (дата обращения: 29.05.2025).

² Experts: 90 % of on-line content will be AI-generated by 2026 [Электронный ресурс]. – URL: <https://futurism.com/the-byte/experts-90-online-content-ai-generated> (дата обращения: 29.05.2025).

³ Creative Economy Outlook. 2024. Р. 6 [Электронный ресурс]. – URL: <https://unctad.org/publication/creative-economy-outlook-2024> (дата обращения: 29.07.2025).

⁴ Перспективы развития креативных экономик в странах БРИКС+. КеРт [Электронный ресурс]. – URL: https://kepr.ru/news/perspektivy-razvitiya-kreativnykh-ekonomik-v-stranakh-briks/?ysclid=m8hh7xef74664751015&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 29.07.2025).

⁵ Креативный сектор России в цифрах: 2024. Агентство стратегических инициатив, Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. –

значении креативной экономики как самостоятельного направления социально-экономического развития.

В российском контексте развитие креативной экономики происходит в условиях институциональной неопределенности (Аузан и др., 2022а). Это требует выработки новых механизмов стимулирования нематериального производства с опорой на цифровые технологии. При этом исследователи отмечают фрагментарность институциональной среды и низкий уровень управленческой координации, что затрудняет внедрение инноваций, включая ИИ (Королёва, Соколова, 2022а).

На международном уровне усиливается интерес к креативным индустриям как ресурсу формирования символического капитала и инструменту мягкой силы территорий. Культурная продукция, визуальные образы и брендинг места всё чаще интегрируются в единую стратегию символического воздействия (Campos et al., 2022а). В этой связи территориальный брендинг трактуется не просто как маркетинговый прием, а как форма символического управления, способная переопределять восприятие пространства и повседневные практики (Визгалов, 2011а).

Современная динамика креативных индустрий характеризуется не отказом от традиционных форм, а их переосмыслением и интеграцией в цифровые практики и новые модели соавторства. Трансформация осуществляется на стыке локальных культурных практик и цифровых компетенций, что особенно актуально для малых городов и постиндустриальных территорий – регионов, где промышленность ранее играла ключевую роль, но в настоящее время требует замещения новыми источниками экономического и символического развития (Comunian, England, 2019). В этом контексте особую значимость приобретает участие локальных сообществ, формирующих аутентичный образ места и вовлекаемых в процессы территориального брендинга (Dudek-Mańkowska, Grochowski, 2019а).

Пандемия COVID-19 стала значимым катализатором цифровой трансформации, ускорив внедрение ИИ в креативные индустрии. Технологии начали применяться не только в качестве инструмента, но и как средство адаптации и обеспечения устойчивости отрасли в условиях кризиса (Khlystova et al., 2022). Однако, несмотря на рост институциональной, грантовой и проектной поддержки, сохраняются существенные диспропорции в уровне цифровизации между столичными и региональными креативными сообществами, что затрудняет равномерное развитие сектора (Абанкина, 2022а).

Научное осмысление взаимодействия ИИ и креативности активно развивается как в зарубежной, так и в российской академической повестке. В международных исследованиях подчеркивается значимость этических, методологических и отраслевых аспектов генеративных технологий (Heigl, 2025а). Предлагается разграничение форм творчества – индустриальной, машинной и повседневной, что позволяет по-новому интерпретировать роль ИИ в культурной сфере (Lee, 2022а). Анализ происходящих в креативной сфере трансформаций демонстрирует изменение моделей производства контента под влиянием ИИ (Anantrasirichai, Bull, 2022). В российских исследованиях акцент делается на восприятии ИИ творческими сообществами, а также на институциональных условиях его интеграции в креативную экономику (Кушкин, Тимофеева, 2024а; Шкаленко, Фадеева, 2022).

Тем не менее, несмотря на активную научную дискуссию, остаются

нерешенными вопросы о границах машинной креативности, реакции аудитории на создаваемый ИИ контент, а также о проблемах социальной справедливости в условиях автоматизации.

Таким образом, исследование охватывает как трансформации внутри отдельных креативных индустрий, так и более широкие структурные изменения в рамках креативной экономики, вызванные интеграцией ИИ.

Цель настоящей работы – выявление моделей взаимодействия ИИ в креативных индустриях как инструмента брендинга малых городов.

Задачи исследования: охарактеризовать формы и направления применения ИИ в креативных индустриях на примерах таких отраслей, как музыка, кино и мода; выявить модели взаимодействия человека и ИИ в процессе создания культурного контента; оценить влияние ИИ на авторство, профессиональную идентичность и культурную репрезентацию; проанализировать возможности использования ИИ в территориальном брендинге, особенно в контексте малых городов; сформулировать подходы к этичной и устойчивой интеграции ИИ в креативную экономику.

Развивая обозначенные в современной науке подходы, исследование опирается на культурологические и междисциплинарные работы последних лет, посвященные взаимодействию ИИ и творчества. ИИ рассматривается как фактор формирования новой визуальной культуры, а также как средство реконструкции культурного наследия и визуализации городской памяти (Копцева, Шпак, Копцева, 2024; Khilko, Gorelova, 2024). Эти идеи формируют основу для анализа ИИ как медиатора культурной репрезентации.

Исследования урбанистического воображаемого и визуальной культуры города демонстрируют роль визуальных структур в формировании идентичности города, а также раскрывают связь процессов цифровизации с развитием креативных индустрий (Федотова, 2023; Спешилова, 2023; Аванесов, 2023; Тургель, Антонова, 2023). Методологическую базу дополняет культурологический анализ цифровой эстетики, выявляющий специфику визуальных трансформаций в условиях цифровой культуры (Забелина, 2024).

Таким образом, обзор современных исследований показывает, что научная дискуссия сосредоточена преимущественно на вопросах цифровой эстетики и культурного посредничества технологий, однако всё еще недостаточно изучены механизмы соавторства человека и ИИ в локальных контекстах, особенно в сфере визуального брендинга территорий. Настоящее исследование направлено на развитие этих подходов, рассматривая ИИ не только как инструмент, но и как партнера человека в креативных индустриях и средство формирования визуальной идентичности малых городов.

В этой связи на фоне растущего интереса к интеграции ИИ в креативные индустрии и недостаточной проработанности вопросов цифрового соавторства и визуальной идентичности территорий в работе предлагается новый подход к осмыслению роли ИИ в культурном производстве.

Научная новизна, заключается в концептуализации цифрового соавторства человека и ИИ в визуальном брендинге малых городов, раскрытии роли ИИ как медиатора культурной идентичности и в систематизации рисков цифрового вмешательства в символическое пространство территории.

Теоретические основы и методология

Развивая обозначенные в предыдущем разделе идеи о роли ИИ в креативных индустриях и визуальной культуре, данная работа представляет собой

теоретико-аналитическое исследование, направленное на осмысление трансформации креативных индустрий под влиянием инструментов ИИ. В качестве методологической основы используется междисциплинарный подход, объединяющий концепции, категории и методы экономики, культурологии, социологии и цифровых технологий. Такой синтез позволяет учесть сложную природу креативной экономики, формирующейся на стыке технологических, культурных и институциональных процессов.

Теоретическую основу исследования составляют:

1. Концепции креативной экономики, отражающие значение креативных индустрий как драйвера постиндустриального роста (Абанкина, 2022b; Аузан и др., 2022b; Королёва, Соколова, 2022b; Флорида, 2011 [2002]a; Хокинс, 2011 [2001]). Эти подходы позволяют рассматривать креативную экономику как систему, основанную на интеллектуальном капитале, символическом производстве и инновационном потенциале человеческих ресурсов.

2. Представления о цифровизации творческого труда, включая разграничение форм творчества (индустриального, машинного, повседневного) и изучение практик взаимодействия с ИИ в рамках обыденной творческой деятельности (Kiroff, 2020a; Lee, 2022b; Skivko, 2022a; Кушкин, Тимофеева, 2024b). Эти исследования подчеркивают изменения в статусе автора, роли аудитории и природе культурного контента в условиях цифровой трансформации.

3. Модели технологических укладов и цифровой трансформации, описывающие последствия внедрения ИИ для культурной и экономической сфер (Grandinetti, 2020a; Totlani, 2023; Обухова, 2024; Хацкелевич и др., 2024). Особое внимание уделяется новым моделям организации, распространения и потребления культурного контента в условиях четвертой промышленной революции.

4. Современные подходы к роли ИИ в культурном производстве и формировании территориальной идентичности, включая исследования визуальной культуры, эмоционального восприятия городов и символического брендинга (Campos et al., 2022b; Dudek-Mańkowska, Grochowski, 2019b; Evans, 2009; Sandbach, 2022a; Taecharungroj, Rauhut Kompaniets, 2024a; Визгалов, 2011b; Федоров, Медведева, 2024a). Эти работы подчеркивают значение локального контекста, культурного кода и символического капитала в городском развитии и брендинге малых территорий, а также развивают культурологические представления о роли ИИ в визуальной культуре и репрезентации. Они формируют основу для авторского осмысления ИИ как медиатора культурной идентичности (ср. Копцева, Шпак, Копцева, 2024a; Khilko, Gorelova, 2024a; Забелина, 2024a и др.). В этом контексте идеи о креативном городе позволяют рассматривать креативность как фактор преобразования городской среды, опирающийся на идентичность, культуру и способность городских институтов к инновационному мышлению (Лэндри, 2018 [2000]).

Под цифровым соавторством в настоящем исследовании понимается форма творческого взаимодействия человека и систем искусственного интеллекта, при которой алгоритмы используются для генерации или интерпретации контента, а человек определяет замысел, направляет работу и оценивает результат. Цифровое соавторство предполагает распределение творческих функций между человеком и технологией, что изменяет структуру творческого процесса и расширяет возможности визуальной репрезентации в креативных индустриях.

Методы исследования. Исследование опирается на качественный анализ и

включает следующие методы:

1) анализ научной литературы – обзор отечественных и зарубежных исследований в области креативной экономики, цифровизации творческого труда, ИИ, культурного брендинга и территориального развития;

2) контент-анализ медиа и аналитических источников – изучение материалов Агентства креативных индустрий, McKinsey & Company, ВЦИОМ, «Яков и Партнёры» и других профильных организаций;

3) кейс-стади – анализ примеров применения ИИ в различных креативных отраслях (музыка, кино, мода) с акцентом на новые модели соавторства и взаимодействия человека и алгоритмов;

4) сравнительный анализ – сопоставление международных стратегий и практик внедрения ИИ в креативную сферу, включая опыт стран БРИКС+;

5) методы интерпретации и обобщения – направлены на выявление ключевых тенденций, рисков и перспектив трансформации креативных индустрий под влиянием ИИ.

Выбор методов обусловлен сложной природой исследуемого явления, сочетающего технологические, социально-экономические и гуманитарные компоненты. В фокусе анализа находятся модели использования ИИ в креативных индустриях, реакции профессиональных сообществ, а также этические вопросы, касающиеся авторства, оригинальности и культурной репрезентации.

Исследование опирается на качественные методы и кейс-стади в отдельных отраслях креативных индустрий, что позволяет детализировать модели взаимодействия человека и ИИ. Количественная оценка экономического эффекта ИИ в креативных индустриях в данном исследовании не проводилась.

В российской нормативно-правовой системе ключевым документом выступает «*Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года*»¹, в которой ИИ трактуется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека... и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности». Стратегия акцентирует внимание на необходимости развития «доверенного ИИ», предполагающего прозрачность, соблюдение этических норм и учет национальных культурных традиций.

В этом контексте показательно формирование альянса в области ИИ, объединяющего более 800 российских компаний, принявших кодекс этики, ориентированный на защиту человеческого достоинства, недопустимость дискриминации и сохранение культурных ценностей. Подобные инициативы формируют нормативную среду для устойчивого развития ИИ в гуманитарной сфере, включая креативные индустрии, где особенно остро встают вопросы авторства, идентичности и социальной ответственности.

По оценкам экспертов, к 2028 году экономический потенциал ИИ в России может достичь 22–36 трлн рублей в номинальных ценах. Реализуемый эффект от его внедрения оценивается в 4,2–6,9 трлн рублей, что может обеспечить прирост ВВП страны до 4 %. Эти прогнозы подчеркивают стратегическое значение ИИ для национального развития, выходящее за рамки отдельных отраслей, включая

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 29.05.2025).

культурную сферу¹.

Одним из перспективных направлений применения ИИ в креативной экономике становится брендинг территорий – комплексная стратегия позиционирования городов и регионов с помощью символических, визуальных и культурных ресурсов. Он включает в себя создание и распространение привлекательного образа территории, подчеркивающего ее уникальность, креативный потенциал и культурную идентичность. Брендинг территорий рассматривается как комплексная система, охватывающая формирование образов, смыслов и стратегий позиционирования (Логунцова, 2013), а в современных условиях – и использование ИИ в целях формирования территориальной идентичности.

В этом контексте понятие бренда города понимается не только как визуальная идентификация (логотип, слоган), но и как совокупность символов, смыслов и ассоциаций, формирующих устойчивое восприятие территории во внутреннем и внешнем информационном пространстве. Городской бренд отражает культурную идентичность, ценности и уникальные характеристики места, становясь инструментом привлечения внимания, инвестиций и туристических потоков (Визгалов, 2011с; Федоров, Медведева, 2024b). Бренд территории становится элементом публичной дипломатии, влияя на восприятие государства или региона за его пределами (Anholt, 2011). В данной логике бренд понимается не просто как маркетинговый инструмент, а как результат взаимодействия символических ресурсов и идентичностей, формирующихся в общественном диалоге (Kavaratzis, Hatch, 2013).

Особенно актуален брендинг для малых городов, которые не обладают выраженными экономическими преимуществами, но могут конкурировать за ресурсы и внимание за счет уникальных культурных и креативных активов. На практике же брендинг чаще реализуется без участия жителей и специалистов, что снижает его эффективность (Макаров и др., 2023).

Подход, ориентированный на сотворчество и цифровую вовлеченность, уже реализуется в практике креативного туризма. Туристы в малых городах всё чаще выступают в роли соучастников создания новых впечатлений, а цифровые инструменты продвижения становятся средствами усиления локальной идентичности, вовлечения сообществ и репрезентации уникального культурного образа территории (Соболева, 2023).

В современных исследованиях цифровое формирование места (*digital place-making*) трактуется как синтез креативных практик, культурной репрезентации и новых технологических форматов, направленных на усиление чувства принадлежности и локальной идентичности (Basaraba, 2023 [2021]).

Таким образом, брендинг территорий в креативной экономике всё активнее сочетается с цифровыми технологиями, включая ИИ. ИИ становится не просто техническим инструментом, а связующим звеном между локальной идентичностью и глобальным информационным пространством. Это открывает новые возможности для устойчивого развития малых городов через усиление их культурной самобытности и продвижение во внешней среде.

---

¹ Искусственный интеллект в России – 2023: тренды и перспективы. – М.: Яков и Партнеры, Яндекс, 2023. – С. 3. [Электронный ресурс]. – URL: https://yakovpartners.ru/upload/iblock/c5e/c8t1wrkdne5y9a4nqlicderalwny7xh4/20231218_AI_future.pdf (дата обращения: 29.05.2025).

Результаты

В ходе исследования выявлены ключевые направления трансформации креативных индустрий под влиянием ИИ. Анализ показал, что использование ИИ не ограничивается техническими задачами, а затрагивает основы творческого процесса, модели соавторства и принципы территориального брендинга.

1. Интеграция ИИ в процессы создания контента. Установлено, что в таких отраслях, как музыка, кино и мода, ИИ активно используется как генеративный инструмент, способный создавать визуальные, текстовые и аудиоформаты. Это меняет логику креативного производства и расширяет возможности художественного выражения.

В музыкальной сфере нейросети (например, Suno, Soundraw, Mubert, AIVA и др.) применяются для генерации треков, адаптированных под конкретный жанр, настроение и формат платформы. Значимым событием стал концерт на Приморской сцене Мариинского театра в 2023 году, где симфония «Космос» была исполнена в коллаборации музыкантов и нейросети¹.

Хотя в большинстве случаев ИИ выступает инструментом в рамках сотрудничества с человеком, уже существуют отдельные примеры полностью автономного творчества. Так, ИИ-система Melomics, реализованная в виде суперкомпьютера Iamus, позволяет генерировать произведения академической музыки – симфонии, камерные пьесы и вокальные сочинения – без участия человека-композитора. Одно из таких произведений было исполнено Лондонским симфоническим оркестром, что стало прецедентом признания ИИ в роли самостоятельного субъекта художественного производства (Garcia-Carril Puu, 2017).

В киноиндустрии ИИ охватывает практически весь производственный цикл – от анализа сценариев (например, программой *ScriptBook*) до генерации визуальных эффектов, цифрового омоложения актеров и создания цифровых персонажей. Генеративный ИИ перестраивает архитектуру всей медиа- и киноиндустрии, изменяя сценарное планирование, постпродакшн и маркетинг (Totlani, 2023b).

В индустрии моды ИИ применяется для генерации дизайнов, анализа трендов, управления логистикой и визуализации продукции. В Южной Корее была разработана автоматизированная система, имитирующая полный рабочий процесс дизайнера – от анализа трендов до создания эскизов и оценки готового образа (Choi et al., 2023). Согласно исследованиям 7 % специалистов считают ИИ стратегическим приоритетом развития модной отрасли (McKinsey & Company, 2024)².

2. Изменение моделей соавторства. Показано, что ИИ всё чаще выступает не только как инструмент, но и как партнер в творческом процессе, смещая границы авторства. Его способность к самообучению и адаптации позволяет рассматривать ИИ как потенциального соавтора, участвующего в создании оригинального контента (Grandinetti, 2020b). Эксперимент показал, что восприятие музыки, созданной ИИ, зависит не только от жанровых характеристик, но и от эмоциональной насыщенности и способности создавать

---

¹ Карташов А. На ВЭФ состоялся первый в мире симфонический концерт с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/kultura/18700915> (дата обращения: 29.05.2025).

² The State of Fashion 2024: Finding pockets of growth as uncertainty reigns. McKinsey & Company [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/state-of-fashion-2024#/> (дата обращения: 29.05.2025).

эффект неожиданности. Это особенно ярко проявляется в жанрах с высокой художественной планкой, например, в таких как классическая музыка (Hong et al., 2021).

В российском контексте данные исследований демонстрируют, что креативные специалисты в большинстве своем воспринимают ИИ как помощника, а не как конкурента. Это формирует устойчивый запрос на разработку новых правовых и этических норм, регулирующих распределение авторства и ответственность в условиях цифровой креативной экономики (Кушкин, Тимофеева, 2024с).

3. Восприятие ИИ профессиональными сообществами. Проведенный анализ данных Агентства креативных индустрий и компании MTS AI показал, что 43 % российских специалистов креативной сферы уже регулярно используют технологии ИИ в своей деятельности, 68 % положительно оценивают их потенциал, а 92 % планируют расширение их применения в будущем. Это свидетельствует о высоком уровне цифровой адаптации и готовности профессионального сообщества к технологическим трансформациям¹.

4. Региональные различия и потенциал малых городов. Выявлено, что использование ИИ в брендинге малых городов обладает значительным потенциалом для усиления локальной идентичности и вовлечения сообществ в культурное производство. Современные генеративные технологии позволяют формировать визуальные образы, отражающие уникальные особенности территорий, и создавать новые форматы участия жителей в формировании культурного образа места.

Ярким примером служит использование генеративного ИИ (GPT-4 и Midjourney) для разработки логотипов, слоганов и кампаний по брендингу на основе анализа более 2 миллионов твитов, как это продемонстрировано в кейсе скандинавских городов (Taecharungroj, Rauhut Kompaniets, 2024b). Подобные практики могут быть адаптированы для малых городов России, способствуя усилению локальной идентичности, вовлечению сообществ в культурное производство и формированию образа территории через цифровые инструменты.

5. Влияние ИИ на восприятие культуры и территориального образа. Результаты исследования ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты» (2024) показывают, что большинство россиян воспринимают ИИ как вспомогательную технологию, не готовую к принятию решений, затрагивающих моральные и ценностные аспекты. При этом молодежь демонстрирует более высокий уровень осведомленности: 74 % среди лиц в возрасте 18–24 лет против 51–59 % у представителей старших поколений². Таким образом, выявленные различия в восприятии ИИ подчеркивают значимость его культурной адаптации к ожиданиям различных целевых групп в таких направлениях, как территориальный брендинг и креативная политика, где эмоциональный отклик и идентичность определяют эффективность коммуникации.

6. Формирование новых стратегий брендинга. Анализ показал, что ИИ обуславливает трансформацию традиционных подходов брендинга в

---

¹ Использование ИИ в креативных индустриях: исследование MTS AI и Агентства креативных индустрий [Электронный ресурс]. – URL: https://mts.ai/wp-content/uploads/Ispolzovanie_II_v_kreativnyh_industriyah_06_02.pdf (дата обращения: 29.05.2025).

² ВЦИОМ: 94 % россиян осведомлены о технологиях искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. – URL: <https://национальныеприоритеты.рф/news/vtsiom-94-rossijan-osvedomleny-otekhnologiyakh-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 29.05.2025).

интерактивные и мультимодальные стратегии территориального позиционирования. Виртуальные среды и цифровые платформы становятся пространством формирования новых визуальных образов, где ИИ играет ключевую роль в генерации контента и вовлечении аудитории. Примером служат практики цифровой моды и метавселенных (например, The Fabricant, Gucci, Balenciaga), где бренды формируют уникальные визуальные образы в виртуальной среде. Полученные результаты подтверждают потенциал ИИ как инструмента создания эмоционально насыщенного и визуально привлекательного имиджа, что особенно значимо для развития городского брендинга в условиях цифровой трансформации.

7. Типология взаимодействия человека и ИИ. Сравнительный анализ кейсов в музыкальной, кино- и модной индустриях позволил выявить три модели взаимодействия между человеком и ИИ в креативной деятельности (табл. 1). Эти модели различаются по характеру распределения ролей, уровню автономности алгоритма и степени авторского контроля. Установлено, что выделенные модели – инструментальная, партнерская и автономная – находят практическое применение и в сфере территориального брендинга, где ИИ используется для разработки визуальных образов, концепций позиционирования и интерактивной коммуникации с аудиторией.

Таблица 1 – Типология моделей цифрового соавторства человека и ИИ в креативных индустриях¹

Figure 1 – Typology of Human–AI Co-Authorship Models in the Creative Industries

Модель	Роль человека	Роль ИИ	Пример	Особенности
Инструментальная	Автор	Помощник	Photoshop, ChatGPT, Canva, Kandinsky, YandexGPT	Полный контроль со стороны человека
Партнерская	Куратор	Генератор идей	Midjourney, Runway ML, GigaChat	Совместное творчество
Автономная	Отсутствует	Самостоятельный актер	Iamus, DADABOTS,	Машинное творчество без участия человека

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ключевые направления трансформации креативных индустрий под влиянием ИИ. Установлено, что ИИ в креативной экономике выступает не как замена человека, а как катализатор творческих инноваций и инструмент переосмысления территориальной идентичности. Его интеграция трансформирует процессы создания контента, изменяет модели соавторства и открывает новые формы взаимодействия человека и технологии в культурном производстве. Особое значение ИИ приобретает в контексте территориального брендинга, где генеративные модели способствуют развитию цифрового

¹ Составлено автором.

соавторства, вовлечению локальных сообществ и формированию визуальной идентичности малых городов. Практическое значение результатов заключается в возможности их применения при разработке стратегий территориального развития, формировании этических стандартов взаимодействия с ИИ и переосмыслении авторства в условиях цифровой эпохи.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования наглядно демонстрируют, что ИИ выступает не просто как новый технологический инструмент, но как мощный катализатор изменений, глубоко переопределяющий структуру, ценности и практики креативных индустрий. Его внедрение в сферу культурного производства сопровождается не только ростом эффективности, но и повышением значимости правовых, этических и социокультурных проблем.

Одним из наиболее острых является вопрос авторства и правовой принадлежности творческого продукта, сгенерированного при участии ИИ. Современное законодательство оказывается недостаточным для разрешения ситуации, в которой субъектом креативного действия выступает алгоритм, не обладающий правосубъектностью. Это порождает правовую неопределенность: кому принадлежат авторские права – разработчику, пользователю или самой системе? Как отмечается в исследовании, подготовленном аналитическим подразделением Европейского парламента, ИИ радикально трансформирует всю «ценностную цепочку» культурного производства – от создания до распространения контента. Это требует пересмотра существующих норм интеллектуального права и разработки правовых категорий, способных охватить формы совместного творчества человека и машины¹.

Не менее значимыми оказываются последствия автоматизации для рынка труда в креативной сфере. Замещение рутинных задач алгоритмами угрожает устойчивости занятости во множестве профессий – от специалистов в области дизайна и визуального контента до редакторов, сценаристов и музыкальных продюсеров. Наибольший риск автоматизации наблюдается там, где творческий процесс поддается стандартизации и может быть частично воспроизведен машиной. Однако одновременно наблюдается формирование запроса на новые компетенции: алгоритмический дизайн, цифровое кураторство, интерактивный сторителлинг. Это требует оперативной адаптации систем образования и переквалификации кадров в условиях стремительной цифровизации.

Вопрос подлинности творчества выходит на первый план в контексте алгоритмизации художественного процесса. Эмпирические исследования фиксируют, что даже эксперты не всегда могут различить «человеческое» и «машинное» искусство. Тем не менее потребительская аудитория склонна снижать эстетическую и эмоциональную ценность произведений, зная об их алгоритмическом происхождении (Heigl, 2025b; Lee, 2022c). Это говорит о том, что в восприятии искусства всё еще востребован живой голос автора – носителя интуиции, чувств, контекста и смысла, который не поддается воспроизведению средствами алгоритма.

Уровень общественного доверия к ИИ остается неоднозначным: согласно

---

¹ The Use of Artificial Intelligence in the Cultural and Creative Sectors. European Parliamentary Research Service. – Brussels, 2020. [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/629220/IPOL_BRI\(2020\)629220_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/629220/IPOL_BRI(2020)629220_EN.pdf) (дата обращения: 25.05.2025).

опросу ВЦИОМ более половины россиян (52 %) выражают доверие к ИИ, тогда как значительная часть населения настроена настороженно. Это указывает на необходимость выстраивания прозрачных, этически обоснованных принципов его применения в гуманитарной сфере, особенно там, где затрагиваются вопросы культуры, идентичности и ценностей¹.

Отдельного внимания заслуживает опасность воспроизводства ИИ культурных и социальных искажений. Алгоритмы, обученные на неполных или предвзятых выборках, могут тиражировать стереотипы и исказить репрезентацию идентичности, что в условиях глобализации превращается в серьезную угрозу для культурного многообразия и социальной инклюзивности. Особенно остро проблема встает в сферах искусства и массовой культуры, где отсутствуют процедуры этической оценки и независимой проверки алгоритмов (Aliev, 2023).

В этом контексте этическая ответственность за использование ИИ становится ключевым направлением регулирования. Вопросы распространения дезинформации, создания дипфейк-контента (deepfake), вторжения в частную жизнь и манипуляции общественным мнением требуют как нормативных решений, так и повышения цифровой грамотности населения. Необходимым условием становится прозрачность алгоритмических систем и возможность независимой проверки их работы.

В контексте урбанистики и пространственного развития ИИ всё чаще рассматривается как ключевой элемент устойчивой городской инфраструктуры. Он способен обеспечивать гибкое управление, прогнозировать риски и интегрировать цифровые решения в повседневную жизнь города. Особенно значимой такая роль ИИ становится в условиях кризисов – от экологических катастроф до пандемий, где требуется оперативное соединение технологической рациональности с гуманитарным фокусом. Этот подход лежит в основе концепции города на базе ИИ (Yigitcanlar et al., 2020).

Первоначально сформулированная для оценки конкурентоспособности мегаполисов триада «талант – технология – толерантность» (Флорида, 2011 [2002]b) сегодня приобретает новое звучание и в контексте малых территорий. В условиях ограниченных ресурсов именно способность к адаптации, цифровой модернизации и мобилизации креативного потенциала становится определяющей для их устойчивого развития. Современные исследования свидетельствуют о том, что малые города всё чаще стремятся к символическому обновлению, в котором ИИ может играть роль медиатора между инженерной рациональностью и визуальной эстетикой (Kiroff, 2020b; Song, 2023).

Однако устойчивость подобных решений во многом зависит от степени вовлеченности местных сообществ в процессы культурного проектирования². Без активного участия жителей существует риск утраты подлинности и отрыва создаваемых образов от их исторического и социального контекста (Skivko, 2022b; Sandbach, 2021b).

В этих условиях ИИ может выступать не только как инструмент генерации визуального контента, но и как посредник, поддерживающий символическое взаимодействие между пространством и его жителями. Ключевым условием устойчивости таких практик становится инклюзивность – участие

---

¹ ВЦИОМ: 94 % россиян осведомлены о технологиях искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. – URL: <https://национальныеприоритеты.рф/news/vtsiom-94-rossiyan-osvedomlenu-otekhnologiyakh-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 29.05.2025).

² Культурное проектирование в настоящей работе понимается как форма коллективной работы по созданию и трансляции локальной идентичности через визуальные и смысловые образы.

представителей различных социальных и профессиональных групп в формировании культурного образа места.

На этом фоне перспективным направлением интеграции ИИ в креативную экономику становится его применение в территориальном брендинге, особенно в контексте малых городов. Создание визуальных символов (логотипов, шрифтов, арт-объектов, цифровых коллекций) с помощью генеративных моделей в рамках краудсорсинговых инициатив может стать основой для коллективного соавторства и символического обновления территорий.

В настоящем исследовании предлагается использовать понятие «медиатор идентичности» применительно к ИИ как инструменту, опосредующему процессы формирования и визуального выражения локального культурного кода. При понимании идентичности в качестве результата коллективного смыслопроизводства ИИ рассматривается не как нейтральная технология, а как активный участник в конструировании символической среды.

Такой подход позволяет по-новому осмыслить культурную роль цифровых технологий – не как механических генераторов контента, а как субъектов культурного проектирования. *Однако анализ современных практик показывает, что внедрение ИИ сопряжено не только с расширением творческих возможностей, но и с рядом рисков, затрагивающих правовую, культурную и социальную сферы. В нашем исследовании именно эти группы рисков становятся фокусом научного анализа, поскольку они оказывают существенное влияние на формирование визуального образа территории и способны трансформировать механизмы взаимодействия с местными сообществами.* При этом выделенные риски не охватывают всего спектра возможных проблем: по мере расширения применения ИИ в брендинге малых городов могут проявляться дополнительные технологические, управленческие или репутационные угрозы. Тем не менее приведённые категории позволяют обозначить базовый контур наиболее значимых вызовов для территориального развития. В таблице 2 представлены ключевые (но не исчерпывающие) риски использования ИИ в визуальном брендинге малых городов.

Таблица 2 – Ключевые риски использования ИИ в визуальном брендинге малых городов¹

Figure 2 - Key Risks of Using AI in the Visual Small -Towns Branding

Категория риска	Проявление	Последствия
Правовой	Неясность авторства и прав на созданный ИИ-контент	Споры о праве собственности на визуальные символы и элементы бренда
Культурный	Отрыв создаваемых образов от локального историко-культурного контекста	Потеря аутентичности бренда, формализация и шаблонность визуального кода
Социальный	Исключение местных сообществ из процесса культурного проектирования	Отчуждение жителей, снижение идентификации с брендом территории

¹ Составлено автором.

Таким образом, обсуждение показывает, что внедрение ИИ в сферу креативных индустрий – не просто технологическое обновление, а многослойный социокультурный процесс, затрагивающий фундаментальные представления о творчестве, праве, идентичности и роли сообщества. Для его устойчивой интеграции в культурное и пространственное развитие необходимы этическая инфраструктура, нормативные механизмы и стратегии цифрового соавторства, особенно в контексте малых городов, где символические ресурсы становятся важнейшим фактором локального развития и территориальной устойчивости.

Заключение

Устойчивое развитие креативных индустрий требует четкого понимания того, как они влияют на культурные и экономические изменения. Это понимание должно лечь в основу новых стратегий регулирования и цифрового развития (Логунцова, 2024).

Научная новизна проведённого исследования проявляется в нескольких взаимосвязанных результатах. Во-первых, предложена концептуализация цифрового соавторства человека и ИИ в визуальном брендинге малых городов, позволяющая рассматривать ИИ не как автономного субъекта творчества, а как инструмент и медиатор, включённый в совместный творческий процесс и опосредующий формирование визуального культурного кода территории. Во-вторых, разработана трёхаспектная типология рисков использования ИИ (правовых, культурных и социальных) в локальных креативных практиках, что задаёт основание для всестороннего анализа эффектов цифрового воздействия на систему городской символики. В-третьих, раскрыта роль ИИ как медиатора визуальной идентичности малых городов, структурирующей связи между локальным культурным опытом, визуальными репрезентациями и глобальными цифровыми платформами.

Анализ трёх ключевых отраслей - музыки, кино и моды - позволил выявить основные модели взаимодействия человека и ИИ, значимые для брендинга малых городов. Показано, что ИИ включается в различные стадии творческого процесса: от генерации контента и анализа данных до разработки визуальных решений и взаимодействия с аудиторией. В этих сферах ИИ выступает прежде всего как ассистивный и генеративный инструмент, расширяющий границы творчества, но не подменяющий решающей роли человека в постановке задач, оценке результата и придании смыслов.

Анализ применения ИИ в креативных индустриях позволил выявить многообразие его функций, которые охватывают как поддержку рутинных операций и анализ данных, так и участие в создании сложных музыкальных произведений, аудиовизуальных эффектов и элементов fashion-дизайна. На материале трёх отраслей наиболее отчётливо проявляются новые практики цифрового соавторства, формирующие ориентиры для развития других сегментов креативной экономики.

Выявленные формы взаимодействия человека и ИИ позволили разработать типологию цифрового соавторства, включающую инструментальную, партнёрскую и автономную модели. Инструментальная модель фиксирует полный авторский контроль, при котором ИИ выполняет вспомогательные функции. Партнёрская модель отражает совместное творчество, когда человек

задаёт направление и оценивает результат, а ИИ предлагает варианты решений. Автономная модель связана с машинным творчеством без непосредственного участия человека, но с последующей интерпретацией и оценкой экспертным сообществом созданного материала. Эти модели демонстрируют свою применимость как в различных креативных отраслях, так и в практиках территориального брендинга.

Анализ влияния ИИ на авторство, профессиональную идентичность и культурную репрезентацию показал двойственный характер происходящих изменений. С одной стороны, расширяется доступ к творческим практикам, формируются новые профессиональные роли, связанные с управлением и интерпретацией работы алгоритмов, усиливается значение коллективных форм авторства. С другой стороны, обостряются вопросы распределения прав на созданный контент, статуса произведений, созданных ИИ, а также сохранения аутентичности и культурного разнообразия.

Сопоставление международных практик и российского контекста использования ИИ в брендинге малых городов позволило установить, что генеративные модели могут применяться для разработки визуальных символов, коммуникационных решений и образов, передающих особенности местной идентичности и вовлекающих жителей в её развитие. ИИ в такой роли становится посредником между местным культурным опытом и цифровой средой, что помогает малым городам укреплять своё присутствие в конкурентном информационном пространстве.

Проведенное исследование подтвердило необходимость сочетания технологических решений с нормативной, образовательной и культурной поддержкой. Эффективная интеграция ИИ в креативные индустрии и практики брендинга малых городов требует прозрачности алгоритмов, развития цифровой грамотности, поощрения коллективных форм соавторства и признания значимой роли местных сообществ в формировании городского образа.

Особое внимание в настоящей работе уделено рискам, возникающим при использовании ИИ в визуальном брендинге малых городов. Правовые риски связаны с неопределённостью авторства и распределения прав на созданные ИИ визуальные элементы. Культурные риски проявляются в возможной утрате аутентичности и подмене локального содержания унифицированными образами. Социальные риски касаются исключения жителей из процессов культурного проектирования, что может снижать их вовлечённость и чувство принадлежности к месту. Предложенная типология рисков позволяет формировать более взвешенные и ответственные подходы к применению ИИ в территориальном брендинге и креативной экономике.

Практическая значимость полученных результатов состоит в том, что концепция ИИ как медиатора визуальной идентичности и типология моделей цифрового соавторства могут быть использованы при разработке стратегий территориальных брендов, программ поддержки креативных индустрий и проектов креативного туризма в малых городах. Предложенные подходы дают возможность формировать решения, ориентированные на особенности конкретных территорий и одновременно опирающиеся на потенциал цифровых технологий, тем самым расширяя инструментарий культурного и городского развития.

Перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением и

эмпирической проверкой предложенных моделей цифрового соавторства в более широком круге креативных индустрий и городских контекстов, а также с развитием междисциплинарных методов, позволяющих количественно и качественно оценивать вклад ИИ в брендинг малых городов. В будущем можно ожидать усложнения взаимодействия человека и ИИ: модели цифрового соавторства будут развиваться в сторону гибридных форм, объединяющих элементы инструментальной, партнёрской и автономной логики. Это потребует новых теоретических подходов и управленческих решений, обеспечивающих согласование технологических новшеств с задачами сохранения культурной идентичности и учётом интересов местных сообществ.

Список литературы:

1. Абанкина Т.В. Креативная экономика в России: новые тренды. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 2 (54). С. 222–229. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-13223. EDN: HQDLBI
2. Аванесов С. С. Визуальные паттерны городской среды и локальная идентичность. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2023. № 4 (38). С. 14–36. DOI 10.23951/2312-7899-2023-4-14-36. EDN: VCDIPH
3. Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А. Развитие креативной экономики России в контексте современных вызовов. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 2 (54). С. 213–220. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-54-2-12>. EDN: IPXSIG
4. Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города». 2011. 160 с. EDN: QONFRJ
5. Забелина М.В. Визуальные метаморфозы: культурологический анализ цифровой киберэстетики. *Наука телевидения*. 2024. 20 (2). С. 245–269. DOI: 10.30628/1994-9529-2024-20.2-245-269. EDN: CBSEHQ
6. Копцева Н. П., Шпак А. А., Копцева М. С. Актуальные тенденции влияния искусственного интеллекта на современную визуальную культуру. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, 2024, 17(7), 1257–1268. EDN: LVMULS
7. Королёва И.Б., Соколова И.Л. Креативные индустрии в России и мире: состояние, тенденции и проблемы управления развитием. *Научный журнал Байкальского государственного университета*. 2022. Т. 13, № 3. [Koroleva I.B., Sokolova I.L. Creative Industries in Russia and the World: State, Trends and Problems of Development Management. *Baikal Research Journal*. 2022. vol. 13, no. 3. (In Russ.)]. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).14. EDN: FWPQNV
8. Кушкин, Н. А., Тимофеева, О. А. Соавтор, помощник, муза, инструмент: как студенты, преподаватели и представители креативных индустрий видят роль ИИ в своих практиках. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 5. С. 60–84. EDN: OUUWUU
9. Логунцова И. В. Особенности территориального брендинга в российских условиях. М.: Издательский дом КДУ, 2013. 109 с. EDN: YWMXFE
10. Логунцова И. В. Креативные индустрии в РФ. Актуальные практики и перспективы развития. М.: Проспект. 2024. 134 с. [Loguntsova I.V. *Creative Industries in the Russian Federation: Current Practices and Development Prospects*. М.: Проспект, 2024. 134 p. (In Russ.)] ISBN 9785392443369. EDN: RYWMZS
11. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2018. 400 с.

12. Макаров П. Ю., Соколова М. В., Илларионов А. Е. Исследование практики брендинга малых городов: опрос руководителей городских администраций. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2023. № 1. С. 66–88. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-66-88 EDN: QRGZEG
13. Обухова Е. А. Трансформационные изменения в креативном секторе под влиянием технологий генеративного ИИ. *Мир экономики и управления*. 2024. Т. 24, № 1. С. 99–113. DOI: 10.25205/2542-0429-2024-24-1-99-113 EDN: JBXSPY
14. Соболева Ю. П. Продвижение креативного туризма в малых городах с применением инструментов диджитал-маркетинга. *Экономическая среда*. 2023. № 3 (45). С. 49–60. DOI: 10.36683/2306-1758/2023-3-45/49-60 EDN: PTBLYM
15. Спешилова Е. И. Urban imaginary в контексте исследований городской среды. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2023. № 4 (38). С. 59–78. EDN: YGKKKB
16. Тургель И. Д., Антонова И. С. Креативная реиндустриализация городов "второго эшелона" в условиях цифровой трансформации: исследование инструментами SciVal. *Экономика региона*. 2023. 19 (3). С. 629–650. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-3 EDN: DRPKFM
17. Федоров А. Л., Медведева Л. Н. Брендирование малого города в региональном измерении: методологический подход. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2024. Т. 26, № 3. С. 68–79. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2024.3.6 EDN: EZBXEV
18. Федотова Н. Г. Генерирование коллективных представлений о городе в эпоху цифровой культуры: визуальный аспект. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2023. № 4 (38). С. 37–58. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-4-37-58 EDN: TEQNKB
19. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. 432 с. EDN: QONFRT
20. Хацкелевич А. Н., Рудаков С. А., Егоров Г. А. Применение технологий искусственного интеллекта как один из факторов конкурентоспособности бизнеса в четвертой промышленной революции. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2024. № 1. С. 184–199. DOI: 10.15593/2224-9354/2024.1.14 EDN: SFBURL
21. Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. Издательский дом «Классика-XXI». М.: 2011
22. Шкаленко А. В., Фадеева Е. А. Влияние искусственного интеллекта на креативные индустрии: тенденции и перспективы. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2022. Т. 24, № 3. С. 44–59. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.3.4 EDN: ZNMIWG
23. Aliev E. Risk assessment of using artificial intelligence systems in creative human activities. *RT&A, Special Issue No 5 (75), Volume 18, November 2023* DOI: 10.24412/1932-2321-2023-575-238-250 EDN: DLIBPA
24. Anantrasirichai N., Bull D. Artificial intelligence in the creative industries: a review. *Artif Intell Rev* 55, 2022. p.589-656 <https://doi.org/10.1007/s10462-021-10039-7> DOI: 10.1007/s10462-021-10039-7 EDN: ERCXAD
25. Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2011. Vol. 2, no. 1. Article 1. Available at: <https://surface.syr.edu/exchange/vol2/iss1/1> (accessed: 27 July 2025).

26. Basaraba N. The Emergence of Creative and Digital Place-making: A Scoping Review Across Disciplines. *New Media & Society*. 2021. Vol. 25, No. 6. P. 1470–1497. DOI: 10.1177/14614448211044942.
27. Campos R. P., Galina S. V. R., Giraldo J. de M. E. Future Research Guidelines on Soft Power: An Oblique Approach of The Literature on The Intertwinement Between Creative Industries and Place Branding. *ReMark - Revista Brasileira de Marketing*. 2022. Vol. 21, № 1. P. 109-134. DOI: 10.5585/remark.v21i1.20541 EDN: MZWQXG
28. Choi W., Jang S., Kim H. Y., Lee Y., Lee S. G., Lee H., Park S. Developing An AI-based Automated Fashion Design System: Reflecting the Work Process of Fashion Designers. *Fashion and Textiles*. 2023. Vol. 10. Article 39. DOI: 10.1186/s40691-023-00360-w. EDN: RTZRCU
29. Comunian R., England L. Creative Clusters and The Evolution of Knowledge and Skills: From Industrial to Creative Glassmaking. *Geoforum*. 2019. Vol. 99. P. 238-247. DOI: 10.1016/j.geoforum.2018.02.009 EDN: OSAKUI
30. Dudek-Mańkowska S., Grochowski M. From Creative Industries to The Creative Place Brand: Some Reflections on City Branding in Poland. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2019. Vol. 15. P. 274-287. DOI: 10.1057/s41254-019-00141-7. EDN: OSAKUI
31. Evans G. Creative Cities, Creative Spaces and Urban Policy. *Urban Studies*. 2009. Vol. 46, No. 5-6. P. 1003-1040. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098009103853>
32. Garcia-Carril Puy N. On the Ontological Category of Computer-Generated Music Scores. *Journal of Creative Music Systems*. 2017. no. 1, no. 2. doi: <https://doi.org/10.5920/JCMS.2017.06>.
33. Grandinetti R. How Artificial Intelligence Can Change the Core of Marketing Theory. *Innovative Marketing*. 2020. Vol. 16, no. 2. P. 91-103. DOI: 10.21511/im.16(2).2020.08.
34. Heigl R. Generative Artificial Intelligence In Creative Contexts: A Systematic Review and Future Research Agenda. *Manag Rev Q*. 2025. <https://doi.org/10.1007/s11301-025-00494-9>. EDN: GKZNOJ
35. Hong J. W., Peng Q., Williams D. Are You Ready for Artificial Mozart and Skrillex? An Experiment Testing Expectancy Violation Theory and AI Music. *New Media & Society*. 2021. Vol. 23, No. 7. P. 1920-1935. DOI: 10.1177/1461444820925798 EDN: OGLKOH.
36. Kavartzis, M. and Hatch, M. J. The Dynamics of Place Brands: An Identity-based Approach to Place Branding Theory. *Marketing Theory*. 2013. Vol. 13, no. 1. P. 69-86 DOI: 10.1177/1470593112467268.
37. Khilko N., Gorelova Y. Artificial Intelligence as a Means of Visual Representation of the Lost Cultural and Historical Heritage of the Urban Landscape in Media Education. *Media Education (Mediaobrazovanie)*. 2024. 20 (3) DOI: 10.13187/me.2024.3.431 EDN: WWRZAP
38. Khlystova O., Kalyuzhnova Y., Belitski M. The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Creative Industries: A Literature Review and Future Research Agenda. *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 139. P. 1192-1210. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.09.062 EDN: EOANIF.
39. Kiroff L. Nexus Between Creative Industries and the Built Environment: Creative Placemaking in Inner Auckland. *Frontiers of Architectural Research*. 2020. Vol. 9, № 1. P. 119-137. DOI: 10.1016/j.foar.2019.08.004. EDN: URQHFV.
40. Lee H.-K. Rethinking Creativity: Creative Industries, AI and Everyday Creativity. *Media, Culture & Society*. 2022. 44(3), 601-612. <https://doi.org/10.1177/01634437221077009> EDN: GLRBVA.
-

41. Sandbach K. Authenticity, Local Creatives and Place Branding: A Case Study from the Blue Mountains, Australia. *Journal of Place Management and Development*. 2022. Vol. 15, no. 2. P. 149-166. DOI: 10.1108/JPMD-06-2020-0057. EDN: VCQAMF.
42. Skivko M. Creative Spaces and Local Identity for Territorial Branding: The Case Study of the Samara Creative Industries. *Festividades, Culturas e Comunidades*, ed. by F. Ribeiro. Braga: Universidade do Minho. 2022. P. 198-209. DOI: 10.21814/uminho.ed.73.16.
43. Song L. Analysis of Artificial Intelligence Design Incorporated into Design of Street Space in Small Cities. *EAI Endorsed Transactions on Energy Web*. 2023. Vol. 10. DOI: 10.4108/ew.4219. EDN: ZYOPFX.
44. Taecharungroj V., Rauhut Kompaniets O. Decoding Nordic Cities: Uncovering Multi-level Place Experiences from Tweets for Effective City Branding. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2024. Vol. 20. P. 157-179. DOI: 10.1057/s41254-023-00313-6 EDN: MKIAAJ.
45. Totlani K. The Evolution of Generative AI: Implications for the Media and Film Industry. *International Journal for Multidisciplinary Research*. 2023. Vol. 5, no. 5. DOI: 10.36948/ijfmr.2023.v05i05.7537 EDN: QFMQPG
46. Yigitcanlar T., Butler L., Windle E., Desouza K. C., Mehmood R., Corchado J. M. Can Building «Artificially Intelligent Cities» Safeguard Humanity from Natural Disasters, Pandemics, and Other Catastrophes? An Urban Scholar's Perspective. *Sensors*. 2020. Vol. 20, no 10. P. 2988. DOI: 10.3390/s20102988 EDN: RRELMM

References:

1. Abankina, T.V. (2022) Creative economy in Russia: New Trends. *Journal of the New Economic Association*. no.2 (54), p.222-229 (In Russ.) DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-13223.
2. Avanesov, S. S. (2023) Visual Patterns of the Urban Environment and Local Identity. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*. no. 4 (38), p. 14-36. (In Russ.) DOI 10.23951/2312-7899-2023-4-14-36.
3. Auzan, A. A., Bakhtigaraeva, A. I. & Bryzgalin, V. A. (2022) Development of Russia's creative economy in the context of modern challenges. *Journal of the New Economic Association*. no 2 (54), p. 213-220. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-54-2-12>.
4. Vizgalov, D. (2011) City Branding. M.: Fond «Institut ekonomiki goroda». 160 p. (In Russ.)
5. Zabelina, M.V. (2024) Visual Metamorphoses: A Cultural Analysis of Digital Cyberaesthetics. *Nauka Televideniya - The Art and Science of Television*, Vol.20, no. 2, 245-269. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2024-20.2-245-269>. EDN: CBSEHQ (In Russ.)
6. Koptseva, N. P., Shpak, A. A. & Koptseva, M. S. (2024) Current trends in the influence of artificial intelligence on modern visual culture. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*, 17(7), 1257-1268. EDN: LVMULS (In Russ.)
7. Kushkin, N.A. & Timofeyeva, O.A. (2024) Co-author, Assistant, Muse, Tool: How Students, Teachers and Creative Workers See the Role of AI in Their Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes (Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny)*. no. 5. P. 60-84. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2604>.
8. Loguntsova, I.V. (2013) *Peculiarities of Place Branding in the Russian Context*. M. KDU Publishing House. 109 p. (In Russ.)

9. Landry C. (2011) *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. M.: Klassika XXI Publishing House., 400 p. (In Russ.)
10. Makarov, P.Yu., Sokolova, M.V. & Illarionov, A.E. (2023) An investigation of small cities and towns branding practice: A survey of city administration heads. *Public Administration Issues*. no. 1, p. 66–88. (In Russ.) DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-66-88.
11. Obukhova, E.A. (2024) Transformational Changes in the Creative Sector under the Influence of Generative AI Technologies. *World of Economics and Management*. no. 24(1), p.99-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2024-24-1-99-113>.
12. Obukhova E.A. (2024) Transformational changes in the creative sector under the influence of generative AI technologies. *World of economics and management*. 2024. Vol. 24, no. 1. p. 99-113. . DOI: 10.25205/2542-0429-2024-24-1-99-113 EDN: JBXSP
13. Soboleva, Yu. P. (2023) Promotion of Creative Tourism with Digital Marketing Tools in Small Towns. *Economic environment*. 2023. no. 3 (45). P.49-60. (In Russ.) DOI: 10.25205/2542-0429-2024-24-1-99-113 EDN: JBXSP
14. Speshilova, E. I. (2023) The imaginary urban studies. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*. no. 4 (38), p. 59-78. (In Russ.) DOI 10.23951/2312-7899-2023-4-59-78. EDN: YGKKKB
15. Turgel I. D., Antonova I. S. (2023) *Creative Reindustrialisation of the Second-Tier Cities in the Digital Transformation Era: A Study Using SciVal Tools*. *Ekonomika regiona / Economy of regions*. 19 (3), p. 629-650. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-3> DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-3 EDN: DRPKFM
16. Fedorov, A.L. & Medvedeva, L.N. (2024) Small Town Branding in the Regional Dimension: Methodological Approach. *Journal of Volgograd State University. Economics (Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika)* vol. 26, no. 3, p. 68-79. (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.3.6>
17. Fedotova, N. G. (2023) Generating Collective Representations of the City in the Age of Digital Culture: a visual aspect. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*. no. 4 (38), p. 37–58. (In Russ.) DOI 10.23951/2312-7899-2023-4-37-58.
18. Florida, R. (2011) *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. M.: Klassika XXI Publishing House. 432 p. (in Russ.) ISBN 978-5-89817-349-4.
19. Khatskelevich, A.N., Rudakov S.A. & Egorov G.A. (2024) Artificial Intelligence Technologies as One Of The Factors of Business Competitiveness In The Fourth Industrial Revolution. *PNRPU Sociology and Economics Journal*. no. 1, pp. 184-199 (in Russ.) DOI: 10.15593/2224-9354/2024.1.14.
20. Howkins J. (2011) *The Creative Economy. How to people make money from ideas*. Klassika-XXI Publishing House. M.: (in Russ.) ISBN 978-5-89817-334-0.
21. Shkalenko, A.V. & Fadeeva E.A.(2022) Impact of Artificial Intelligence on Creative Industries: Trends and Prospects. *Journal of Volgograd State University. Economics (Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika)*, vol. 24, no. 3, p. 44-59. (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.3.4>.
22. Aliev, E. (2023) Risk assessment of using artificial intelligence systems in creative human activities. *RT&A*, Special Issue no 5 (75), Volume 18, November.
23. Anantrasirichai, N. & Bull, D. (2022) Artificial intelligence in the creative industries: a review. *Artif Intell Rev* 55, p.589-656. <https://doi.org/10.1007/s10462-021-10039-7>
24. Anholt, S. (2011) Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. Vol. 2, no. 1. Available at: <https://surface.syr.edu/exchange/vol2/iss1/1> (accessed: 27.07. 2025).

25. Basaraba, N. (2021) The Emergence of Creative and Digital Place-making: A Scoping Review Across Disciplines. *New Media & Society*. Vol. 25, no. 6. P. 1470–1497. DOI: 10.1177/14614448211044942
26. Campos, R. P., Galina, S. V. R. & Giraldo J. de M. E. Future (2022) Research Guidelines on Soft Power: An Oblique Approach of The Literature on The Intertwinement Between Creative Industries and Place Branding. *ReMark - Revista Brasileira de Marketing*. Vol. 21, no. 1. P. 109-134. DOI: 10.5585/remark.v21i1.20541 EDN: MZWQXG
27. Choi, W., Jang S., Kim H. Y., Lee Y., Lee S. G., Lee H. & Park S. (2023) Developing An AI-based Automated Fashion Design System: Reflecting the Work Process of Fashion Designers. *Fashion and Textiles*. Vol. 10. no. 39. DOI: 10.1186/s40691-023-00360-w.
28. Comunian R. & England L. (2019) Creative Clusters and The Evolution of Knowledge and Skills: From Industrial to Creative Glassmaking. *Geoforum*. Vol. 99. P. 238-247. DOI: 10.1016/j.geoforum.2018.02.009
29. Dudek-Mańkowska S. & Grochowski M. (2019) From Creative Industries to The Creative Place Brand: Some Reflections on City Branding in Poland. *Place Branding and Public Diplomacy*. Vol. 15. P. 274-287. DOI: 10.1057/s41254-019-00141-7
30. Evans, G. (2009) Creative Cities, Creative Spaces and Urban Policy. *Urban Studies*. Vol. 46, no. 5-6. P. 1003-1040. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098009103853>
31. Garcia-Carril Puy N. (2017) On the Ontological Category of Computer-Generated Music Scores. *Journal of Creative Music Systems*. Vol. 1, no. 2. doi: <https://doi.org/10.5920/JCMS.2017.06>
32. Grandinetti, R. (2020) How Artificial Intelligence Can Change the Core of Marketing Theory. *Innovative Marketing*. Vol. 16, no. 2. P. 91-103. DOI: 10.21511/im.16(2).2020.08.
33. Heigl R. (2025) Generative Artificial Intelligence In Creative Contexts: A Systematic Review and Future Research Agenda. *Manag Rev Q*. <https://doi.org/10.1007/s11301-025-00494-9>
34. Hong, J. W., Peng, Q. & Williams, D. (2021) Are You Ready for Artificial Mozart and Skrillex? An Experiment Testing Expectancy Violation Theory and AI Music. *New Media & Society*. Vol. 23, no. 7. P. 1920-1935. DOI: 10.1177/1461444820925798
35. Kavaratzis, M. & Hatch, M. J. (2013) The Dynamics of Place Brands: An Identity-based Approach to Place Branding Theory. *Marketing Theory*. Vol. 13, no. 1. P. 69-86 DOI: 10.1177/1470593112467268.
36. Khilko, N. & Gorelova, Y. (2024) Artificial Intelligence as a Means of Visual Representation of the Lost Cultural and Historical Heritage of the Urban Landscape in Media Education. *Media Education (Mediaobrazovanie)*. Vol. 20, no. 3. DOI: 10.13187/me.2024.3.431
37. Khlystova, O., Kalyuzhnova, Y. & Belitski M. (2022) The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Creative Industries: A Literature Review and Future Research Agenda. *Journal of Business Research*. Vol. 139. P. 1192-1210. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.09.062
38. Kiroff, L. (2020) Nexus Between Creative Industries and the Built Environment: Creative Placemaking in Inner Auckland. *Frontiers of Architectural Research*. Vol. 9, № 1. P. 119-137. DOI: 10.1016/j.foar.2019.08.004
39. Lee H.-K. Rethinking Creativity: (2022) Creative Industries, AI and Everyday Creativity. *Media, Culture & Society*. Vol. 44, no. 3, 601-612. <https://doi.org/10.1177/01634437221077009>.
40. Sandbach, K. (2022) Authenticity, Local Creatives and Place Branding: A Case Study from the Blue Mountains, Australia. *Journal of Place Management and Development*. Vol. 15, no. 2. P. 149-166. DOI: 10.1108/JPM-06-2020-0057

41. Skivko, M. (2022) Creative Spaces and Local Identity for Territorial Branding: The Case Study of the Samara Creative Industries. *Festividades, Culturas e Comunidades*, ed. by F. Ribeiro. Braga: Universidade do Minho. P. 198-209. DOI: 10.21814/uminho.ed.73.16

Сведения об авторе:

Логунцова Ирина Вячеславовна, кандидат экономических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корпус 4; e-mail: loguntsova@spa.msu.ru; SPIN-код: 8414-0525, AuthorID: 369727, <https://orcid.org/0000-0002-1131-0878>

About the author:

Irina V. Loguntsova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: loguntsova@spa.msu.ru SPIN-code 8414-0525, SPIN-код: 8414-0525, AuthorID: 369727, <https://orcid.org/0000-0002-1131-0878>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Окончательный вариант статьи согласован.

The author declares no conflict of interest.
The final version of the article is agreed.

© Логунцова И.В., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ОТ ВОЗМОЖНОСТЕЙ К РЕЗУЛЬТАТАМ

Л. В. Овешникова , **Е. В. Сибирская**

¹Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, адрес: 115054, Москва, Стремянный переулок, д.36
Московский финансово-промышленный университет «Синергия», адрес: 129090, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1

Поступила
в редакцию
14.02.2025

Поступила
после
рецензирования
06.08.2025

Принята
к публикации
29.10.2025

Аннотация. Инновационная активность государства является ключевым фактором обеспечения устойчивого экономического роста и глобальной конкурентоспособности. В условиях санкционного давления и необходимости достижения технологического суверенитета актуализируется задача выявления системных направлений, определяющих возможности и результаты научно-технологического развития. **Цель** – идентификация, обоснование и ранжирование ключевых приоритетных направлений научно-технологического развития (НТР), формирующих архитектуру управленческих решений для технологической модернизации.

Методология исследования включает: анализ понятийно-категориального аппарата и стратегических задач НТР; комплексную оценку динамики показателей инновационной активности организаций, затрат на НИОКР и патентной деятельности; прогнозирование трендов.

Инструментарий исследования основан на применении элементов системного анализа, позволяющего выявить комплекс условий и действий, детерминирующих научно-технологическое развитие.

Результаты исследования заключаются в разработке взаимосвязанного комплекса условий и действий, обеспечивающих системный подход к активизации НТР. В качестве ключевых позиций направлений требующих повышенного внимания являются: определение стратегических задач по приоритетам научно-технологического развития, анализ его текущего состояния, а также прогнозирование показателей. Определение конкретных мероприятий проранжированных по приоритетности позволит соотнести, имеющиеся возможности к достижению результатов.

Практическая значимость работы состоит в обосновании приоритетных направлений научно-технологического развития, синхронизированных с национальными проектами и стратегическими документами. Разработанный методический аппарат позволяет формировать адресные меры государственной политики, направленные на преодоление ключевых барьеров и реализацию конкурентных преимуществ России в научно-технологической сфере.

Ключевые слова: приоритеты, приоритетные направления, научно-технологическое развитие, показатели, инновации, технологии, прогнозирование.

Информация о финансировании: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00283 (<https://grant.rscf.ru/site/user/forms?rid=00000000000010354979-1/>).

Для цитирования: Л.В. Овешникова Е.В. Сибирская Приоритетные направления научно-технологического развития России: от возможностей к результатам// Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – №4. – С. 131-151. EDN XIBCDL

© Овешникова Л.В., Сибирская Е.В., 2025

PRIORITY DIRECTIONS OF RUSSIA'S SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT: FROM OPPORTUNITIES TO RESULTS

L.V.Oveshnikova , **E.V. Sibirskaya**

Plekhanov Russian University of Economics, address: 36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054

Moscow University of Finance and Industry "Synergy", address: 1, 9/14, Meshchanskaya str., Moscow, 129090

Received
14.04.2025

Revised
06.08.2025

Accepted
29.10.2025

Abstract. *The innovative activity of the state is a key factor in ensuring sustainable economic growth and global competitiveness. In the context of sanctions pressure and the need to achieve technological sovereignty, the task of identifying systemic trends that determine the opportunities and results of scientific and technological development is becoming relevant.*

The purpose of the article is to identify and substantiate the key areas of scientific and technical progress that form the architecture of management solutions for technological modernization.

The research methodology includes analysis of the conceptual and categorical framework and strategic objectives of scientific and technological development, a comprehensive assessment of the dynamics of indicators such as organizational innovation activity, R&D costs and patent activity and trend forecasting.

The research tools are based on the application of system analysis elements, which make it possible to identify a set of conditions and actions that determine scientific and technological development.

As a result, the authors developed an interconnected set of conditions and actions that ensure a systematic approach to enhancing scientific and technological development. The key positions of the areas requiring increased attention are: setting strategic objectives for the priorities of scientific and technological development, analyzing its current state, as well as forecasting indicators. The identification of specific activities ranked by priority will allow correlating the available opportunities for achieving results.

The practical relevance of the research consists in substantiating the priority directions of scientific and technological development, synchronized with national projects and strategic documents. The developed methodological framework makes it possible to form targeted public policy measures aimed at overcoming key barriers and realizing Russia's competitive advantages in the scientific and technological sphere.

Keywords: *priorities, priority areas, scientific and technological development, indicators, innovations, technologies, forecasting.*

Funding: *the study is supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) № 25-28-00283 (<https://grant.rscf.ru/site/user/forms?rid=00000000000010354979-1/>)*

For citations: Oveshnikova L.V., Sibirskaya E.V. (2025) Priority Directions of Russia's Scientific and Technological Development: from Opportunities to Results. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol.20, no.4, p.131-151. EDN: XIBCDL

© Oveshnikova L.V., Sibirskaya E.V., 2025

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе научно-технологический прогресс в России становится стратегическим приоритетом, направленным на превращение научных и технологических достижений в основной двигатель национального развития и укрепление способности государства реагировать на международные вызовы. Смена экономических условий в 2022 году, вызванная введением санкционных ограничений, подчеркнула необходимость глубокой трансформации экономики, включая модернизацию промышленности, практическое внедрение научных разработок, а также создание и внедрение инновационных технологических решений на базе отечественных разработок (Эстерле, 2023, С. 227–229).

Анализ текущей ситуации выявляет критическую зависимость страны от импорта оборудования и высокотехнологичной продукции. Исследования ключевых барьеров научно-технологического развития указывают на системные проблемы: дисбаланс между текущим уровнем научно-технического потенциала и масштабом задач по достижению технологического суверенитета; неспособность оперативно адаптировать научную базу к меняющимся условиям; структурные диспропорции в распределении ресурсов; низкую эффективность управления научной сферой; хроническое недофинансирование исследований и опытно-конструкторских работ; отставание в технологической сфере и экономическую нестабильность наукоемких производств; ограничения в использовании зарубежных технологий и в международном научном сотрудничестве в условиях изоляции (Hasan, Kobeissi, 2012, С. 455–484; Spaniol, Rowland, 2022, С. 104). Отдельной проблемой остается массовый отъезд специалистов за рубеж: после февраля 2022 года страну покинули не только иностранные корпорации, но и десятки тысяч квалифицированных российских профессионалов, что привело к дефициту критически важных компетенций в ключевых отраслях экономики.

В указе Президента Российской Федерации целью научно-технологического развития является обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, достижение национальных целей развития и реализация стратегических национальных приоритетов путем создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации¹.

Устойчивое социально-экономическое развитие страны невозможно без активизации научно-технологической составляющей. Инновационная активность государства является залогом успешного развития, обеспечивающего экономический рост и конкурентоспособность страны в мировом масштабе². В этой связи необходимо решать вопросы научно-технологической модернизации и обеспечения роста глобальной индустриальной конкурентоспособности России. Реализация данной повестки потребует разработки и обоснования направлений научно-технологического развития.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Стратегические ориентиры научно-технологического прогресса России, закрепленные в программных документах, требуют выделения ключевых факторов, определяющих модернизацию инновационной сферы в условиях

---

¹ Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

глобальных вызовов. Под последними понимается комплекс проблем, угроз и перспектив, масштаб и сложность которых невозможно преодолеть простым наращиванием ресурсной базы. Анализ приоритетных направлений развития позволяет выявить системообразующие элементы, формирующие потенциал страны в области технологической трансформации. К ним относятся: способность адаптировать научно-технический потенциал к динамике внешних вызовов; эффективность механизмов интеграции исследовательских результатов в производственные процессы; устойчивость финансирования НИОКР и управления инновационными циклами; развитие компетенций для преодоления технологических разрывов в условиях ограниченного доступа к зарубежным разработкам. Эти факторы становятся критически важными в контексте санкционного давления, требующего перестройки традиционных моделей научно-производственной кооперации. Акцент смещается на создание замкнутых технологических цепочек, импортозамещение критических компетенций и формирование механизмов «быстрого реагирования» для оперативного внедрения прорывных решений (Эстерле, 2023, С. 227–229)¹.

В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² определены вызовы, связанные с исчерпанием возможностей экономического роста России, основанного на интенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов; демографические трудности, связанные со старением населения и изменением продолжительности жизни, что приводит к возникновению ряда социально-экономических проблем; активизация нагрузки производственно-хозяйственной деятельности человека на окружающую среду; необходимость эффективного освоения и эффективного использования территории страны в соответствии с пространственной стратегией Российской Федерации.

Цель исследования - идентификация, обоснование и ранжирование ключевых приоритетных направлений научно-технологического развития (НТР), формирующих архитектуру управленческих решений для технологической модернизации.

Отметим, что приоритетные направления позволят определить условия, способные влиять на экономические процессы и их достижение поможет формированию перспектив научно-технологического развития. Ранжирование приоритетов позволит определить последовательность управленческих решений в обеспечение сбалансированного НТР страны. Помимо мероприятий, направленных на поддержку инноваций и научно-промышленных преобразований, важно учитывать системные действия, способствующие выявлению и реализации приоритетных направлений трансформации науки и технологий в ключевой фактор развития страны (Kuznetsova, Druzhinin, 2024, С. 490–496).

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современная государственная политика России выделяет научно-технологическую сферу в качестве стратегического приоритета, закрепляя технологическое лидерство как основу национальной безопасности и регионального развития. Как отмечают исследователи, укрепление этой сферы напрямую

---

¹ Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

² Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

коррелирует с достижением технологического суверенитета, минимизацией внешней зависимости и активизацией экономического потенциала территорий (Петрухина, 2022, С. 234–239; Дашкова, 2020, С. 19).

Многогранность научно-технологического развития отражена в работах отечественных учёных: Е. Л. Андреева и В. В. Захарова анализируют его через призму международной кооперации и новых форматов экономического партнёрства (Андреева и соавт., 2016, С. 132–140); А. И. Татаркин акцентирует роль инноваций в региональном развитии (Татаркин, 2011, С. 45–58); А. Ф. Суховой исследует инновационную активность на макро- и мезоуровнях (Суховой, 2013, С. 173–180); Д. Ю. Руденко и Н. И. Диденко систематизируют критерии оценки технологической зрелости экономик (Руденко, Диденко, 2016, С. 129–147).

Интерпретация термина «научно-технологическое развитие» варьируется в зависимости от исследовательского фокуса: по Б. И. Волостнову и А. А. Кузьмицкому, это процесс структурных преобразований в экономике, стимулирующих рост через внедрение инновационных разработок и наукоёмкой продукции (Волостнов и соавт., 2011, С. 134–138); Г. П. Беляков трактует его как социо-экономический феномен, объединяющий эволюцию науки, техники и производства через накопление знаний, модернизацию процессов и оптимизацию управления (Беляков, 2014, С. 38–41; 2020, С. 49–58); К. А. Хубиев связывает понятие с наращиванием интеллектуального капитала для генерации технологий, усиливающих глобальную конкурентоспособность (Хубиев, 2010, С. 42); О. В. Карсунцева определяет его как трансформацию технологического базиса экономики, обеспечивающую переход к новым производственным парадигмам за счёт активизации научно-технического потенциала (Карсунцева, 2023, С. 77–82).

Несмотря на обширную теоретическую базу, остаётся нерешённым вопрос о системных направлениях, формирующих архитектуру управленческих решений для технологической модернизации. Актуальным представляется разработка методического инструментария, позволяющего выявлять ключевые факторы опережающего развития, формировать стратегии внедрения прорывных технологий, оценивать эффективность мер по структурной перестройке экономики. Этот пробел в исследованиях требует междисциплинарного подхода, объединяющего аналитику, прогнозирование и практико-ориентированные модели управления.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Технологическая трансформация – это процесс изменений в экономике, промышленности и обществе, вызванный внедрением новых технологий. Она задействует масштабный спектр различных аспектов, включая инновационные продукты, бизнес-процессы, организационные структуры и модели работы. Этот процесс изменений взаимосвязан с научно-техническим прогрессом, являющимся базисом активизации появления и внедрения новых технологий. Результаты технологической трансформации носят многогранный характер, включая создание наукоёмких продуктов и сервисов, фундаментальные и прикладные открытия, рост экономических показателей, социальные трансформации, расширение международных научных коллабораций, развитие профессиональных компетенций общества (Ильина, Клыпин, 2020, С. 458–485; Попова, 2022, С. 282–309). Эти эффекты не только стимулируют экономику и социум, но и задают траекторию долгосрочного прогресса, определяя его роль в улучшении качества жизни и формировании будущих технологических трендов.

Рассмотрим основные направления научно-технологического развития (рис. 1).

Задачи научно-технологического развития (первый приоритет). В соответствии с Указом Президента РФ № 145 от 28 февраля 2024 года приоритетом является обеспечение технологического суверенитета, повышение глобальной конкурентоспособности и реализация национальных целей развития (рисунок 2 иллюстрирует ключевые направления).

Дополнительные нормативно-правовые акты, включая Указ № 231 от 25 апреля 2022 года, фиксируют институциональные рамки для научно-технологических инициатив. Особо следует отметить, что период 2022–2031 гг. объявлен Десятилетием науки и технологий. Это акцентирует внимание на значимости науки в достижении социально-экономических целей и получении ожидаемых научно-технологических результатов, привлечении молодежи в исследовательскую сферу и продвижении российских научных достижений. Программа включает 18 инициатив, среди которых – модернизация исследовательской инфраструктуры, стимулирование общественного интереса к науке, интеграция образования и инноваций¹.

Рисунок 1 – Приоритетные направления научно-технологического развития
 Figure 1 – Priority directions of scientific and technological development

По мнению экспертов, реализация этих мер усилит научно-технический потенциал, обеспечит технологическую независимость и создаст основу для устойчивого роста, повысив статус науки в обществе² (Бояркин, 2025, С. 1–2). Программа синхронизирована с национальными проектами, такими как «Наука и университеты», и адаптирует лучшие международные практики управления научно-технической политикой.

¹ Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (ru (дата обращения: 05.04.2025))

² Бояркин А. Десятилетие науки и технологий в России: ключевые мероприятия и достижения // Росконгресс. Пространство доверия. – URL: <https://roscongress.org/materials/desyatiletie-nauki-i-tekhnologiy-v-rossii-klyuchevye-meropriyati-ya-i-dostizheniya/> ru (дата обращения: 05.04.2025)

Важно подчеркнуть огромную роль национальных проектов в продвижении научно-технического прогресса страны. На сегодняшний день весьма успешно выполнена работа, которая определена в рамках национального проекта «Наука и университеты»¹, реализация которого направлена на модернизацию научной инфраструктуры, развитие научно-исследовательских инициатив в университетах, создание возможностей взаимодействия науки и образования, а также на развитие научно-образовательных центров в регионах.

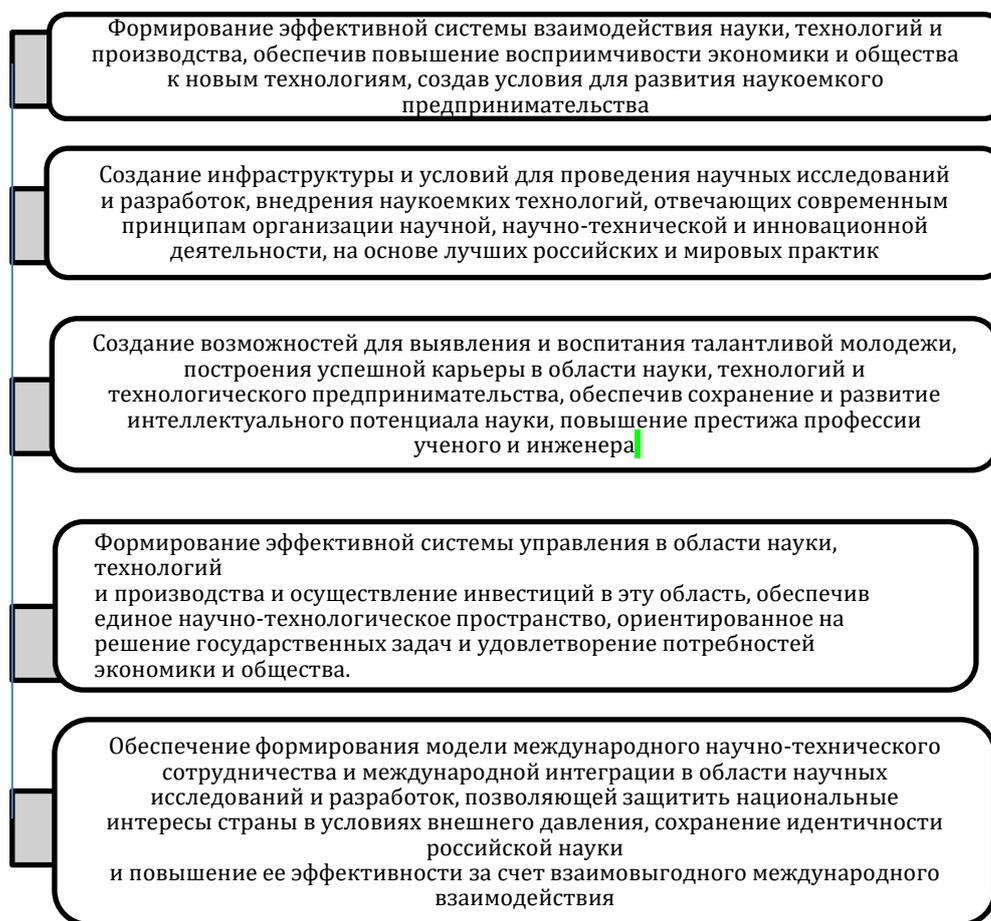

Рисунок 2 – Основные задачи научно-технологического развития Российской Федерации

Figure 2 – The main tasks of scientific and technological development of the Russian Federation

Кроме того, необходимо акцентировать внимание на национальном проекте «Цифровая экономика», успешная реализация которого была осуществлена в 2019–2024 гг. Этот проект определил приоритетные области развития цифровой среды и внедрил современные технологии в научные процессы, став основой для построения эффективной коммуникационной системы между фундаментальной наукой, учебными заведениями и предпринимательством².

¹ Национальный проект «Наука и университеты». – URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2025)

² Национальный проект «Цифровая экономика». – URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/tsifrovaya-ekonomika/> (дата обращения: 05.04.2025)

Важно также то, что в рамках действующих национальных проектов предусмотрены направления научно-технологического развития государства. В частности, рассматривая национальный проект «Кадры», можно проследить его направленность на подготовку высококвалифицированных специалистов, что является одним из ключевых элементов для решения научно-технологических задач государства. Проект акцентирует внимание на развитии образовательных программ в области науки, технологий, инженерии и математики, что позволит подготовить кадры, обладающие знаниями и навыками, необходимыми для работы в высокотехнологичных отраслях. В рамках реализации национального проекта предусмотрены программы переподготовки и повышения квалификации для уже работающих специалистов, что обеспечит их адаптацию к новым технологиям и требованиям рынка. Также следует отметить важность таких направлений, как установление партнерства между вузами, научными центрами и промышленностью, которое позволит интегрировать образовательные программы с реальными потребностями бизнеса и науки, а также обеспечит подготовку кадров для конкретных отраслей (например, IT, биотехнология, энергетика). Важным направлением реализации национального проекта является поддержка молодых специалистов и исследователей через гранты, стажировки и программы наставничества. Это поможет привлечь молодых специалистов в науку и стимулировать их к проведению исследований, обеспечить формирование культуры инноваций и предпринимательства среди молодежи, что важно для создания новых стартапов и внедрения новых технологий¹.

Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» направлен на цифровизацию отраслей экономики и социальной сферы, достижение технологического суверенитета и лидерства. Основные задачи проекта в области научно-технологического развития включают: обеспечение кибербезопасности (защита персональных данных и предотвращение киберпреступлений); бесперебойный доступ к интернету (обеспечение высокоскоростного интернета для граждан и развитие инфраструктуры связи, включая спутниковые сети); подготовку квалифицированных кадров (развитие IT-отрасли и подготовка специалистов для цифрового государственного управления); цифровое государственное управление (внедрение цифровых платформ в социальную сферу и государственное управление); развитие отечественных цифровых платформ и программного обеспечения (импортозамещение ПО на 80 % и сокращение расходов на 45 %); поддержку IT-компаний и стартапов (стимулирование инвестиций в российские IT-решения на уровне, как минимум вдвое превышающем рост ВВП); формирование рынка больших данных (при обеспечении защиты персональных данных); повышение доступности телекоммуникационных сервисов (развитие инфраструктуры для повышения доступности качественных телекоммуникационных услуг).

Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика» направлен на создание условий для устойчивого экономического роста, его реализация предполагает ряд направлений научно-технологического развития. В частности, внедрение механизмов поддержки инновационных компаний и стартапов, таких как гранты, налоговые льготы и субсидии, что будет способствовать развитию новых технологий. Также в рамках реализации национального проекта будет обеспечена технологическая трансформация отраслей (автоматизация промышленности,

---

¹ Национальный проект «Кадры». – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/916/about/> (дата обращения: 05.04.2025)

внедрение «умных» решений в сельское хозяйство, энергетику, транспорт); коммерциализация научных разработок (создание условий для перевода идей в рыночные продукты); укрепление международного сотрудничества (участие в глобальных научных проектах (ITER, CERN) и привлечение зарубежных ученых); повышение инвестиционной привлекательности (налоговые льготы для IT-компаний, особые экономические зоны для технологических кластеров); развитие инфраструктуры (строительство инновационных центров (например, инноград «Сколково»), технопарков, центров компетенций)¹. Проект тесно интегрирован с «Цифровой экономикой» (развитие IT-инфраструктуры), «Образованием» (подготовка кадров) и «Производительностью труда» (внедрение технологий в производство). В условиях санкционного давления акцент смещен на импортозамещение и создание замкнутых технологических цепочек.

Национальный проект «Новые атомные и энергетические технологии» направлен на развитие и внедрение инновационных решений в области энергетики. Его реализация может способствовать решению совокупности научно-технологических задач государства в ряде вопросов, таких как поддержка исследований и разработок в области солнечной, ветровой, гидро- и геотермальной энергетики; поддержка научных исследований, направленных на повышение энергоэффективности в различных отраслях (промышленности, транспорте, жилищном строительстве), поддержка инновационных решений в области ядерной энергетики, внедрение цифровых технологий в управление энергетическими системами, исследование и внедрение технологий «умных» электрических сетей обеспечат более эффективное управление потоками энергии, создание платформ для взаимодействия научных учреждений, бизнеса и государственных структур позволит ускорить внедрение новых технологий в промышленность².

Кроме национальных проектов, в рамках определения ключевых задач научно-технологического развития страны следует отметить также следующие законодательные акты.

Концепция технологического развития на период до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р, целью которой является «создание технологических условий социально-экономического развития страны в соответствии с национальными целями развития Российской Федерации до 2030 года»³. К 2030 году Россия планирует создать замкнутый цикл «наука – технологии – производство – рынок», где разработки быстро внедряются в экономику. Успех зависит от синхронизации усилий государства, бизнеса и науки, а также от гибкости в условиях глобальных изменений. Концепция технологического развития России до 2030 года предусматривает комплекс мер, направленных на превращение науки и технологий в драйверы экономического роста. Основные механизмы достижения целей включают:

1. Увеличение финансирования науки и НИОКР. Цель – повышение доли затрат на НИОКР в ВВП с ~1 % (2023) до 2,5–3 % к 2030 году (для сравнения: Китай – 2,4 %, США – 3,5 %). Источники финансирования: государственные инвестиции (нацпроекты «Наука и университеты», «Цифровая экономика»); стимулирование

---

¹ Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика». – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_effektivnaya_i_konkurentnaya_ekonomika/ (дата обращения: 05.04.2025)

² Национальный проект «Новые атомные и энергетические технологии». – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/929/about/> (дата обращения: 05.04.2025)

³ Концепция технологического развития на период до 2030 года. – URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf> (дата обращения: 05.04.2025)

частного сектора через налоговые льготы (например, IT-компании платят 3 % налога вместо 20 %), гранты, софинансирование проектов; создание венчурных фондов (например, Фонд развития инноваций, Роснано и др.).

2. Развитие научной инфраструктуры: мегасайенс-установки (строительство и модернизация объектов мирового уровня, например синхротрон СКИФ в Новосибирске, реактор ПИК в Гатчине); инновационные кластеры и научно-образовательные центры (НОЦ) в регионах (например, НОЦ «Кузбасс», «ТулаТек»); технопарки и инжиниринговые центры (например, инновационный центр «Сколково»); цифровая инфраструктура (развитие суперкомпьютеров, квантовых сетей, облачных платформ для исследований).

3. Подготовка и удержание кадров: усиление STEM-образования (физика, математика, инженерия) с ранних классов; программы «Приоритет-2030» для вузов; увеличение числа мегагрантов для ведущих исследователей (до 500 млн рублей на проект); стипендии и жилищные программы для молодых ученых (например, программа «Земский ученый»); привлечение зарубежных специалистов (упрощение визового режима и создание комфортных условий работы).

4. Технологический суверенитет и импортозамещение: критические технологии (искусственный интеллект, квантовые вычисления; микроэлектроника; фармацевтика; новые материалы). Господдержка: субсидии для локализации производства (например, программа Минпромторга); заказы госкомпаний на отечественные разработки (например, РЖД, Ростех).

5. Цифровая трансформация экономики: внедрение сквозных технологий (AI, Big Data, IoT) в ключевые отрасли – промышленность, сельское хозяйство, прецизионное земледелие, генетику растений, телемедицину, персонализированные лекарства.

Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике»¹. Закон определяет правовой каркас для научно-технологического развития России, задавая правила игры для государства, науки и бизнеса. Его эффективность зависит от согласованности с другими стратегиями и способности адаптироваться к вызовам (санкции, глобальная конкуренция).

Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий». В документе утверждены «приоритетные направления научно-технологического развития: высокоэффективная и ресурсосберегающая энергетика; превентивная и персонализированная медицина, обеспечение здорового долголетия; высокопродуктивное и устойчивое к изменениям природной среды сельское хозяйство; безопасность получения, хранения, передачи и обработки информации; интеллектуальные транспортные и телекоммуникационные системы, включая автономные транспортные средства; укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования; адаптация к изменениям климата, сохранение и рациональное использование природных ресурсов»².

Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В нём

---

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 05.04.2025)

² Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения: 05.04.2025)

определены семь национальных целей развития страны и задачи, выполнение которых связано с научно-технологическим развитием страны: «обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков по таким направлениям, как биоэкономика, сбережение здоровья граждан, продовольственная безопасность, беспилотные авиационные системы, средства производства и автоматизации, транспортная мобильность (включая автономные транспортные средства), экономика данных и цифровая трансформация, искусственный интеллект, новые материалы и химия, перспективные космические технологии и сервисы, новые энергетические технологии (в том числе атомные); увеличение к 2030 году уровня валовой добавленной стоимости в реальном выражении и индекса производства в обрабатывающей промышленности не менее чем на 40 % по сравнению с уровнем 2022 года; обеспечение к 2030 году вхождения Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по объёму научных исследований и разработок; увеличение к 2030 году внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2 % валового внутреннего продукта, в том числе за счёт увеличения инвестиций со стороны частного бизнеса на эти цели не менее чем в два раза; увеличение к 2030 году доли отечественных высокотехнологичных товаров и услуг, созданных на основе собственных линий разработки, в общем объёме потребления таких товаров и услуг в Российской Федерации в полтора раза по сравнению с уровнем 2023 года»¹.

Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» характеризует процесс обеспечения технологического суверенитета России². В частности, в нём «определены цели, задачи и инструменты реализации технологической политики; урегулированы правоотношения между субъектами, формирующими технологическую политику, и лицами, осуществляющими содействие в этой сфере; утверждён порядок разработки и реализации национальных проектов по обеспечению технологического лидерства РФ, проектов по развитию сквозных технологий, среднесрочных и долгосрочных планов развития технологий, а также программ инновационного развития организаций с государственным участием; установлены положения о технологических инновациях и государственном стимулировании деятельности по реализации технологической политики; указаны состав инфраструктуры развития технологий и инструменты информационного обеспечения технологической политики».

Таким образом, первая рассмотренная основная направления, определяющая возможности и результаты научно-технологического развития, касающаяся обоснования задач научно-технологического развития, позволила на основе исследования ключевых нормативных документов констатировать, что законодательные документы играют ключевую роль в решении задач научно-технологического развития страны, обеспечивая правовую основу и стимулируя инновационные процессы.

Они создают предпосылки для определения приоритетных направлений научной деятельности, разработки механизмов финансирования и поддержки научных организаций, а также для стимулирования инвестиций в научные исследования и разработки. Законодательные акты выполняют не только функцию формирования

---

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 05.04.2025)

² Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500> (дата обращения: 05.04.2025)

правовой базы для научно-технического прогресса, но и служат инструментом реализации государственной стратегии, направленной на развитие современных технологий и обеспечение условий для устойчивого экономического роста. Крайне важно учитывать ключевые задачи научно-технического развития, закрепленные в государственных нормативных документах, поскольку это позволяет определить основные направления изменения государственной политики в сфере науки, технологий и промышленности.

Анализ текущего состояния научно-технического развития (второй приоритет) является важным элементом для понимания динамики ключевых показателей, выявления существующих проблем и определения перспектив дальнейшего прогресса в этой области.

Такой анализ можно структурировать следующим образом: во-первых, изучить изменения ключевых показателей научно-технического прогресса и определить основные тенденции; во-вторых, выявить проблемы и риски, связанные с недостаточным развитием науки и технологий; в-третьих, определить потенциальные возможности для роста и развития в данной сфере.

Для анализа текущего состояния научно-технического развития используются различные методы, технологии и инструменты. Они позволяют не только оценить текущее положение дел, но и сформулировать стратегические подходы для дальнейшего совершенствования в этой области, в частности:

- использование официальной статистики, отчетов и исследований, проведенных государственными органами и научными учреждениями, включающих данные о динамике инновационной активности организаций, затратах на НИОКР и других ключевых индикаторах;

- оценка динамики показателей за определенный период с целью выявления трендов, изменений и закономерностей, что позволяет определить, какова динамика показателей научно-технологического развития инновационной активности и затрат на технологические инновации;

- интерпретация полученных количественных данных с учетом анализа факторов, влияющих на изменения в показателях, таких как экономическая ситуация, изменения в законодательстве или развитие технологий;

- сравнение данных по различным видам экономической деятельности для выявления областей с наибольшей и наименьшей инновационной активностью, что позволяет выполнить кластеризацию субъектов, в которых сосредоточены усилия по развитию технологий;

- использование математических моделей для изучения тенденций и перспектив научно-технической сферы на основе актуальных данных позволит обосновать более эффективное распределение ресурсов, выявить возможности и потенциальные риски в области науки и технологий, а также разработать долгосрочные стратегии научно-технического развития.

Такой подход к анализу не только даёт возможность получить объективную оценку текущего состояния научно-технического прогресса, но и позволяет разработать комплексные меры для его дальнейшего совершенствования. Далее мы проведём исследование показателей научно-технического развития, используя рассмотренные выше методы, технологии и инструменты анализа и прогнозирования.

Рассмотрим динамику инновационной активности организаций за период с 2018 по 2023 г.¹ (табл. 1).

---

¹ Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

Таблица 1 – Динамика уровня инновационной активности организаций
Table 1 – The Dynamics of the Innovation Activity Level of Organizations

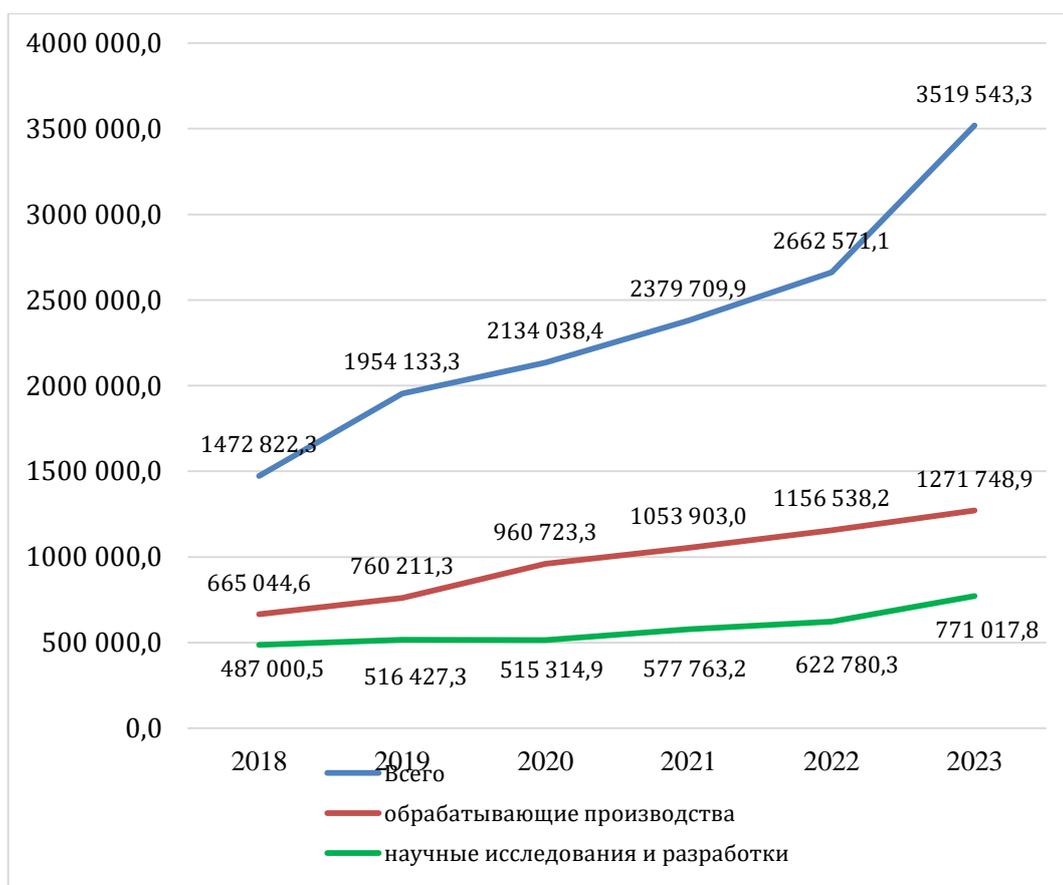
Виды экономической деятельности (согласно ОКВЭД)	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего, в том числе	12,8	↓ 9,1	↑ 10,8	↑ 11,9	↓ 11,0	↑ 11,3
Раздел А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	28	↓ 23,3	↑ 35,1	↑ 38,7	↓ 32	↑ 42,9
Раздел С. Обрабатывающие производства	15,6	↓ 15,1	↑ 16,2	↑ 17,4	↓ 15,6	↑ 16,9
Раздел D. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	6,9	↑ 8,1	↑ 9,9	↓ 9,0	↓ 8,1	↓ 7,8
Раздел E. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	3,4	↑ 4,6	↑ 5,8	↓ 5,6	↓ 5,0	↑ 5,4
Раздел E. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	3,6	↓ 3,6	↑ 3,9	↑ 4,5	↓ 3,9	↑ 4,0
Раздел H. Транспортировка и хранение	2,7	↑ 2,8	↑ 4,0	↓ 3,9	↓ 3,7	↓ 3,7
58 Деятельность издательская	2,1	↑ 2,5	↑ 3,8	↑ 5,1	↓ 4,7	↓ 4,0
61 Деятельность в сфере телекоммуникаций	12,4	↑ 12,6	↑ 13,1	↓ 12,7	↑ 13,4	↑ 13,7
62 Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	10,1	↑ 11,1	↑ 13,2	↑ 15,1	↓ 14,1	↑ 15,7
63 Деятельность в области информационных технологий	5,0	↑ 5,5	↑ 10,2	↓ 8,0	↓ 6,8	↑ 8,4
69 Деятельность в области права и бухгалтерского учета	2,8	↓ 1,9	↑ 4,2	↓ 3,7	↑ 4,0	↓ 3,0
70 Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления	4,0	↓ 3,6	↑ 5,2	↓ 4,4	↓ 3,7	↑ 4,0
71 Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	12,4	↓ 9,7	↑ 10,7	↑ 10,9	↓ 9,3	↓ 8,5
72 Научные исследования и разработки	61,4	↓ 51,3	↓ 51,1	↓ 47,5	↓ 43,6	↓ 42,5
73 Деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка	3,7	↓ 3,0	↓ 2,6	↑ 3,3	↓ 2,3	↓ 2,9
74 Деятельность профессиональная, научная и техническая прочая	2,3	↑ 4,3	↑ 8,8	↑ 9,3	↓ 7,3	↓ 6,4

Согласно данным таблицы с 2020 года наблюдается положительная динамика данного показателя, что говорит о важности разработки новых технологий и роста финансирования инновационных разработок для предприятий. Отмечается отрицательная динамика показателя с 2018 по 2020 год. Как видно из табл. 2, по

(дата обращения: 01.02.2025). (дата обращения: 05.04.2025)

видам экономической деятельности наиболее благоприятная динамика наблюдается по сельскому хозяйству, разработке компьютерного программного обеспечения, в сфере информационных технологий, промышленного производства, прочей профессиональной и научно-технической деятельности.

Динамика затрат на технологические инновации является положительной как в целом, так по исследованным видам деятельности (обрабатывающие производства и научные исследования и разработки) (рис. 3). Рост этого показателя свидетельствует о том, что увеличение финансирования исследований и разработок положительно влияет на экономические показатели Российской Федерации.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

Рисунок 3 – Динамика затрат на технологические инновации, млн руб.
Figure 3 - Cost dynamics for technological innovations, million rubles.

Аналогично наблюдается положительная динамика прироста высокопроизводительных рабочих мест за 2018–2023 годы, что свидетельствует о нескольких ключевых аспектах: во-первых, об общем росте экономики, что может быть связано с увеличением инвестиций в различные сектора, такие как технологии, производство и услуги; во-вторых, о внедрении новых технологий и инновационных процессов, что приводит к повышению производительности труда и эффективности; в-третьих, о том, что работники становятся более квалифицированными, что позволяет им занимать более сложные и высокооплачиваемые позиции; в-четвертых, об улучшении бизнес-климата,

включая упрощение регуляторных процедур, налоговые льготы или программы поддержки инноваций. И, наконец, в-пятых, увеличение высокопроизводительных рабочих мест может способствовать улучшению уровня жизни населения, так как такие рабочие места часто сопровождаются более высокими зарплатами и лучшими условиями труда. Таким образом, положительная динамика прироста высокопроизводительных рабочих мест является комплексным показателем, который отражает как экономические, так и социальные изменения в обществе. В структуре научного персонала доля технических специальностей возросла для научных сотрудников до 51,3 % и для технических сотрудников до 9,1 %. Это говорит о повышении привлекательности научной карьеры, а также указывает на результативность мероприятий по привлечению молодых специалистов (Бояркин, 2025, С. 1–2).

Исследованная динамика степени износа основных фондов в последние годы держалась на достаточно устойчивом уровне, причём в 2014 году данный показатель имел наибольшее значение, так как в период кризиса 2014 года у предприятий не было возможности производить замену изношенным основным фондам. Резкое падение степени износа основных фондов произошло в 2019 году, а в 2020 году произошло увеличение рассматриваемого показателя, и далее до 2023 года показатель продолжил расти, составив на конец 2023 года 41,2 %, следовательно, достаточно высокая степень износа основных фондов до сих пор остаётся одним из наиболее важных факторов, замедляющих научно-технологическое развитие¹.

Анализ этих показателей позволил выявить проблемы и угрозы, влияющие на темпы научно-технического прогресса. *Во-первых*, это нехватка финансирования научных исследований и технологических разработок, а также сложные и непредсказуемые нормативные рамки, которые затрудняют внедрение новых технологий и инноваций, особенно в области патентного законодательства и стандартов безопасности. *Во-вторых*, отсутствие междисциплинарного подхода и кадровый дефицит препятствуют интеграции знаний и технологий из разных областей, что необходимо для решения комплексных задач и может стать серьёзным препятствием для инновационного развития. *В-третьих*, устаревание технологий требует постоянных инвестиций в обновление оборудования и повышение квалификации персонала, что является серьёзной проблемой. *В-четвёртых*, низкий уровень коммерциализации научных разработок, при котором результаты научной деятельности редко доходят до стадии внедрения в промышленность, несмотря на их высокое качество. *В-пятых*, слабая вовлечённость в международные коллаборации, санкции ограничивают доступ российских ученых к новейшим технологиям и знаниям, снижают возможность участия в международных проектах. Кроме того, остро стоят проблемы, связанные с глобальными вызовами, геополитическими факторами и дифференциацией по уровню научно-технического развития между регионами страны. Решение этих проблем должно предусматривать комплексный подход и сотрудничество между государственным сектором, научными учреждениями и частным предпринимательством.

Прогнозирование показателей научно-технологического развития (третий приоритет). Выполним прогноз методом экстраполяции на основе экспоненциального сглаживания по показателю «объем инновационных товаров,

---

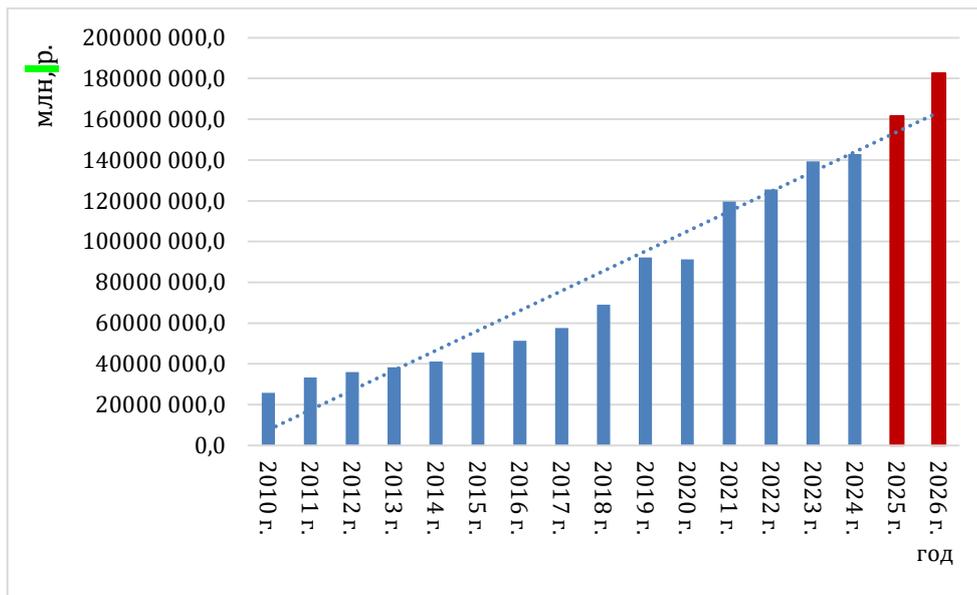
¹ Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/st_izn_of_2023.xlsx (дата обращения: 02.02.2025).

работ, услуг». Согласно данному методу, прогнозируемая величина определяется путём взвешенных средних величин текущего периода и сглаженных значений, сделанных с учетом предшествующих значений назад к началу временного ряда (формула 1).

$$S_t = \alpha * X_t + (1 - \alpha) * S_{t-1} \quad (1),$$

где S_t – текущее сглаженное значение;
 X_t – текущее значение исходного ряда;
 S_{t-1} – предыдущее сглаженное значение;
 α – сглаженная const.

За период с 2010 по 2024 г. в целом можно утверждать о наличии положительной тенденции. За исследуемый период среднегодовой темп роста по сглаженным данным составил 1,13013, значение показателя «объем инновационных товаров, работ, услуг» составит 182 636 154 млн руб., прогноз на 2025 год – 161 606 249 млн руб.; прогноз на 2026 год – 182 636 154 млн руб. (рис. 4).

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

Рисунок 4 – Динамика показателя «объем инновационных товаров, работ, услуг» с прогнозом до 2026 г.

Figure 4 - Trend Data "volume of innovative goods, works, and services" with a forecast up to 2026

В целом по прогнозным значениям ключевых показателей инновационной деятельности (объем инновационной продукции, численность организаций, затраты НИОКР) следует отметить, что централизованные прогнозы официально не опубликованы. Однако косвенные ориентиры – макропрогноз Банка России (рост ВВП 1,0–2,0 % в 2025-м и 0,5–1,5 % в 2026 г.), прогноз инвестиций Минэкономки, а также данные Института статистических исследований и

экономики знаний НИУ ВШЭ об интенсивности инновационных затрат (2,5 %) – создают ожидание, что инновационная активность будет развиваться умеренно, без взрывного роста. Дополнительным фактором влияния станет структура технологического развития: сильные секторы (машинное обучение, микроэлектроника, фармпродукты) могут демонстрировать более высокие темпы роста.

Основные направления научно-технологического развития (четвертый приоритет). Среди приоритетных возможностей научно-технологического развития России следует отметить:

во-первых, переход к эффективной системе взаимодействия науки, технологий и производства, повышение восприимчивости экономики и общества к новым технологиям, развитие наукоемкого предпринимательства;

во-вторых, предоставление достаточного и стабильного финансирования для исследовательских проектов и научных учреждений, включая государственные гранты и частные инвестиции;

в-третьих, развитие кадрового потенциала с помощью подготовки и переподготовки специалистов в области науки и технологий, создание программ повышения квалификации, а также привлечение молодых ученых и исследователей. Также важно создание платформ для сотрудничества между научными учреждениями и промышленными предприятиями, включая совместные проекты и обмен опытом;

в-четвертых, стимулирование инновационной активности путем разработки программ поддержки стартапов и малых инновационных компаний, внедрение механизмов налоговых льгот и субсидий для стимулирования инновационной деятельности;

в-пятых, создание инфраструктуры для исследований и разработок с помощью построения современных научных центров, лабораторий и технопарков, а также развития сетевой инфраструктуры для обмена данными и совместной работы исследователей;

в-шестых, мониторинг и оценку результатов с учетом внедрения систем оценки эффективности научных исследований и инновационных проектов, что позволит корректировать стратегии и подходы на основе полученных данных;

в-седьмых, популяризацию науки и развитие правовой базы на основе повышения общественного интереса к науке через образовательные программы, научные фестивали и другие мероприятия, направленные на популяризацию научных знаний. Также важно обеспечение правовой защиты интеллектуальной собственности, что будет способствовать созданию и коммерциализации новых технологий.

В современных внешних условиях научно-технологическое развитие предполагает формирование и реализацию как собственной повестки, опирающейся на национальную технологическую базу и направленной на первостепенное обеспечение технологического суверенитета страны, сбалансированного развития собственных базовых наукоемких технологий, необходимых для снижения критической зависимости от зарубежных институтов, так и уникальных российских технологий, конкурентоспособных на мировом уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегический глобальный вектор конкуренции стран в технологической сфере с учетом нарастания скорости цифровых преобразований в экономике и в

обществе предполагает формирование направлений научно-технологического развития. Приоритеты, рассмотренные в данном исследовании, определяют возможности/результаты и представляют собой комплекс условий/действий, обеспечивающих обоснованный системный подход к решению проблем низкой результативности НИОКР в Российской Федерации.

По первому приоритету (*задачи научно-технологического развития*) на основе анализа стратегических документов систематизированы ключевые цели государства: обеспечение технологического суверенитета, повышение глобальной конкурентоспособности, увеличение доли затрат на НИОКР до 2–3% ВВП, а также формирование замкнутого цикла «наука – технологии – производство – рынок».

По второму приоритету (*анализ текущего состояния*) выявлены положительные тенденции в динамике инновационной активности организаций (особенно в сельском хозяйстве, IT и обрабатывающих производствах) и затрат на технологические инновации, однако сохраняются системные проблемы (высокая степень износа основных фондов, кадровый дефицит, низкий уровень коммерциализации разработок и ограничения международного сотрудничества).

По третьему приоритету (*прогнозирование показателей*) с применением метода экспоненциального сглаживания построен прогноз роста объема инновационных товаров, работ и услуг до 182,6 трлн руб. к 2026 году, что указывает на умеренный, но устойчивый потенциал роста инновационной активности при условии реализации поддерживающих мер.

По четвертому приоритету (*основные направления развития*) обоснован комплекс первоочередных мер, включая переход к эффективному взаимодействию науки и производства, развитие кадрового потенциала, создание современной исследовательской инфраструктуры, стимулирование инновационной активности через поддержку стартапов и совершенствование правовой базы.

Таким образом, последовательная реализация по приоритетным направлениям в комплексе формирует системную основу для преодоления ключевых барьеров и достижения конкретных результатов поставленных стратегических целей научно-технологического развития России.

Список источников

1. Андреева Е.Л., Захарова В.В., Ратнер А.В. Научно-технологическое сотрудничество России в условиях становления международного экономического партнерства нового формата // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2016. – № 6 (68). – С. 132–140. – EDN: XRYVRR.
2. Беляков Г.П., Кочемаскин А.Н. Понятие и экономическая сущность научно-технологического развития // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1 (49). – С. 38–41. – EDN: SNKINH.
3. Беляков Г.П., Рыжая А.А., Беляков С.А. Научно-технологический комплекс России: понятийный аппарат и основы организации // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 11. – С. 49–58. – DOI: 10.17513/fr.42873. – EDN: ZRJNYV
4. Волостнов Б.И., Кузьмицкий А.А., Поляков В.В. Инновационно-технологическое развитие: стратегии, приоритеты, закономерности. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. – 352 с. – EDN: QUWHJF.
5. Государственное управление научно-технологическим развитием: вопросы теории и практики: монография / Под ред. Г.П. Белякова. – М.: Изд. «Доброе слово», 2019. – 384 с. – EDN: IJRUVF.

6. Дашкова М.О., Вок М.Г., Гапоненко М.А. Изменения российского законодательства в научно-технической сфере за 1-е полугодие 2020 года. – М.: IMG Print, 2020. – 48 с. – EDN: EJMТIV.
7. Ильина И.Е., Клыпин А.В. Научно-технологическое развитие Российской Федерации: текущее состояние и перспективы // Управление наукой и наукометрия. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 458–485. – DOI: 10.33873/2686-6706.2020.15-4.458-485. – EDN: RМKKYR.
8. Карсунцева О.В. Основные понятия и экономическая сущность научно-технологического развития // Вестник алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 12. – С. 77–82. –DOI: 10.17513/vaael.3136. – EDN: PXCJCC.
9. Моделирование научно-технологического развития в условиях нелинейной макроэкономической динамики [Текст]: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 27–28 сентября 2018 г.) / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт проблем рынка Российской академии наук» (ИПР РАН) ; [под ред. В. А. Цветкова и др.]. – Москва: ИПР РАН, 2018. – 189 с.
10. Петрухина Н.В. Анализ показателей научно-технологического развития регионов ЦФО // Управленческий учет. – 2022. – № 5. – С. 234–239. – EDN: VPOCIN.
11. Попова Г.Л. Инновации и отраслевая структура экономики региона: анализ взаимовлияния // Дайджест-финансы. – 2022. – Т. 27. – № 3 (263). – С. 283–309. – DOI 10.24891/ea.17.10.1898. – EDN JCBZSL
12. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 495 с.
13. Руденко Д.Ю., Диденко Н.И. Мировой опыт оценки уровня научно-технологического развития// Вестник Тюменского государственного университета. – 2016. – № 4 (2). – С. 129–147. – DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-129-147. – EDN: XWLBLB.
14. Суховой А.Ф. Инновационная активность как индикатор инновационного имиджа региона // Журнал экономической теории. – 2013. – № 3. – С. 173–180. – EDN: RDDCPT.
15. Татаркин А.И. Инновационная модель и системная модернизация Российской Федерации // Федерализм. – 2011. – № 3. – С. 45–58. – DOI: 10.21686/2073-1051-2011-3-45-58. – EDN: OFZAYB.
16. Хубиев К.А. Мировой экономический кризис и тенденции развития российской экономики: монография. – М., 2010. – 239 с.
17. Эстерле Т.А. Проблемы и перспективы развития научно-технического потенциала России, обеспечение конкурентоспособности страны на международном рынке технологий // Молодой ученый. – 2023. – № 22 (469). – С. 227–229. – EDN: SVYIQT
18. Hasan I., Kobeissi N. Innovations, intellectual protection rights and information technology: an empirical investigation in the mena re-gion. Electronic Commerce Research. 2012. Vol. 12. no 4. pp. 455 – 484. DOI: 10.1007/s10660-012-9100-1. EDN: FFBKEX (In Eng.)
19. Kuznetsova O.V., Druzhinin A.G. On a spatial development strategy for Russia // Studies on Russian Economic Development. 2024. T. 35. № 4. С. 490 – 496 DOI: 10.1134/S1075700724700047. EDN: NKXATO (In Eng.)

20. Spaniol M.J., Rowland N.J. Anticipated innovations for the blue economy: crowdsourced predictions for the north sea region. *Marine Policy*. 2022. Vol. 137. pp. 104. DOI:10.1016/j.marpol.2021.104874. EDN: DNTLQM (In Eng.)

References:

1. Andreeva, E.L., Zakharova, V.V. and Ratner, A.V. (2016) Scientific and technological cooperation of Russia in the context of the formation of an international economic partnership of a new format. *Bulletin of the Ural State University of Economics*. no. 6 (68). P. 132 – 140. (In Russ). EDN: XRYVRR

2. Belyakov, G.P. & Kochemaskin, A.N. (2014) Concept and economic essence of scientific and technological development. *Problems of modern economics*. no. 1 (49), P. 38 – 41. EDN: SNKINH (In Russ).

3. Belyakov, G.P., Ryzhaya, A.A. & Belyakov, S.A. (2020) Scientific and technological complex of Russia: conceptual apparatus and foundations of organization. *Fundamental research*. no. 11. P. 49-58. (In Russ). DOI: 10.17513/fr.42873. EDN: ZRJNYV

4. Volostnov, B.I., Kuzmitsky, A.A. & Polyakov, V.V. (2011) Innovative and technological development: strategies, priorities, patterns. M.: Your printing partner, 352 p. (In Russ). EDN: QUWHJF

5. Public administration of scientific and technological development: issues of theory and practice: monograph. Ed. G.P. Belyakov. M.: Publ. Good word, 2019. 384 p. (In Russ). EDN: IJRUV D.

6. Dashkova, M.O., Vok, M.G. & Gaponenko, M.A. (2020) Changes in Russian legislation in the scientific and technical sphere for the 1st half of 2020. M., 48 p. (In Russ). EDN: EJMTIV

7. Ilyina, I.E. & Klypin, A.V. (2020) Scientific and technological development of the Russian Federation: current state and prospects. *Science management and scientometrics*. Vol. 15, no. 4. P. 458 – 485. (In Russ). DOI: 10.33873/2686-6706.2020.15-4.458-485. EDN: RMKKYR

8. Karsuntseva, O.V. (2023) Basic concepts and economic essence of scientific and technological development. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. no. 12. P. 77 – 82. (In Russ). DOI: 10.17513/vaael.3136. EDN: PXCJCC

9. Modeling of scientific and technological development in the context of nonlinear macroeconomic dynamics: materials of the international scientific and practical conference (Moscow, September 27 - 28, 2018). Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences (IPR RAS); [edited by V. A. Tsvetkov et al.]. Moscow: IPR RAS, 2018. 189 p. (In Russ).

10. Petrukhina, N.V. (2022) Analysis of indicators of scientific and technological development of the Central Federal District regions. *Management accounting*. no. 5. Pp. 234 – 239. EDN: VPOCIN. (In Russ).

11. Popova, G.L. (2022) Innovations and sectoral structure of the regional economy: analysis of mutual influence. *Digest-finances*. Vol. 27. no. 3(263). Pp. 283 – 309. (In Russ). DOI 10.24891/ea.17.10.1898. EDN JCBZSL

12. Raizberg, B. A., Lozovsky, L. Sh. & Starodubtseva, E. B. (2017) Modern Economic Dictionary. 6th ed., revised and enlarged. M.: INFRA-M, 495 p. (In Russ).

13. Rudenko, D. Yu. & Didenko, N. I. (2016) World experience in assessing the level of scientific and technological. *Bulletin of Tyumen State University*. no. 4 (2). P. 129 – 147. (In Russ). DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-129-147. EDN: XWLBLB.

14. Sukhovey, A. F. (2013) Innovative activity as an indicator of the innovative image of a region. *Journal of Economic Theory*. no. 3. P. 173 – 180. EDN: RDDCPT (In Russ).

15. Tatarkin, A. I. (2011) Innovative model and systemic modernization of the Russian

Federation. *Federalism*. no. 3. P. 45 – 58. DOI: 10.21686/2073-1051-2011-3-45-58. EDN: OFZAYB. (In Russ).

16. Khubiev, K.A. (2010) The global economic crisis and development trends of the Russian economy: monograph. Moscow, 239 p. (In Russ).

17. Esterle, T.A. (2023) Problems and prospects for the development of scientific and technical potential of Russia, ensuring the country's competitiveness in the international technology market. *Young scientist*. no. 22 (469). P. 227 – 229. (In Russ). EDN: SVYIQT

Сведения об авторах:

Людмила Владимировна Овешникова, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, профессор кафедры информационного менеджмента и информационно-коммуникационных технологий имени профессора В.В. Дика, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», e-mail: lud_proz@mail.ru, SPIN-код: 5930-0415, AuthorID: 710575, Scopus Id 56178263900, <https://orcid.org/0000-0002-9411-9859>.

Елена Викторовна Сибирская, доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, профессор кафедры информационного менеджмента и информационно-коммуникационных технологий имени профессора В.В. Дика, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», e-mail: len.sibirskaya@yandex.ru, Scopus 56177842200, SPIN-код: 8041-6548, AuthorID: 434457, <https://orcid.org/0000-0001-5496-1446>.

About the authors:

Ludmila V. Oveshnikova, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of National and Regional Economy, Plekhanov Russian University of Economics, Professor at the Department of Information Management and Information and Communication Technologies named after Professor V.V. Dik, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Russian Federation, Moscow), e-mail: lud_proz@mail.ru, ORCID 0000-0002-9411-9859 SPIN-код: 5930-0415, AuthorID: 710575

Elena.V. Sibirskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of National and Regional Economy, Plekhanov Russian University of Economics, Professor at the Department of Information Management and Information and Communication Technologies named after Professor V.V. Dik, Moscow Financial and Industrial University "Synergy"(Russian Federation, Moscow), e-mail: len.sibirskaya@yandex.ru, Scopus 56177842200, SPIN-код: 8041-6548, AuthorID: 434457, <https://orcid.org/0000-0001-5496-1446>.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и написание статьи. Все авторы утвердили окончательный вариант статьи, несут ответственность за целостность всех частей статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: the authors made an equal contribution to the research and writing the article. The authors have approved the final version of the article and are responsible for the integrity of all parts of the article.

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

А.Н. Литвиненко , Ю.А. Лозина

Санкт-Петербургский университет МВД России,
адрес: Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1

Поступила
в редакцию
03.06.2025

Поступила
после
рецензирования
03.09.2025

Принята
к публикации
29.11.2025

Аннотация. Цель статьи — исследование современных форм посягательств на государственную собственность в России как угрозы экономической безопасности.

Авторы исследуют посягательства на государственную собственность, анализируют ключевые, в том числе и латентные факторы, снижающие эффективность защиты госсобственности. Актуальность темы обусловлена масштабами ущерба, который наносят такие посягательства — несмотря на принимаемые меры, — а также их эволюцией в условиях цифровизации и глобальных вызовов.

Методология и методы. В исследовании использован системный подход для рассмотрения государственной собственности как элемента экономической системы, нормативно-правовой и сравнительно-правовой анализ законодательства, экономико-статистические методы обработки данных, кейс-стадии резонансных дел, криминологическое моделирование. На их основе уточнены механизмы противоправного воздействия на госсобственность и дополнена система ее защиты цифровыми и институциональными компонентами.

Результаты. Авторы выделяют семь основных форм посягательств на госсобственность, включая коррупционные схемы, рейдерские захваты, мошенничество в госзакупках, злоупотребления при распоряжении землей и недвижимостью, киберпреступления, хищения через госпрограммы и использование офшорных схем. Особое внимание уделено латентным факторам, в числе которых коррупционные связи и межведомственная разобщенность, бюрократическая инерция и слабая цифровизация процессов учета и управления. Предложены направления совершенствования системы защиты госсобственности, включающие внедрение цифровых технологий, создание единых реестров и мониторинговых платформ, усиление межведомственного взаимодействия, а также адаптацию международного опыта. Обоснована необходимость повышения прозрачности управления государственными активами и вовлечения общественного контроля.

Выводы. Для повышения эффективности защиты государственной собственности необходим комплексный подход, сочетающий правовые, экономические и технологические меры. По итогам исследования сделан вывод о том, что противодействие посягательствам на государственную собственность должно концентрироваться не только на ужесточении законодательства и усилении контроля, но и на устранении латентных факторов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки государственной политики в сфере экономической безопасности посредством совершенствования законодательства и оптимизации механизмов контроля за использованием госсобственности.

Ключевые слова: посягательства, государственная собственность, экономическая безопасность, коррупция, рейдерство, киберпреступность, цифровизация, цифровые технологии, мониторинговые платформы, межведомственное взаимодействие, общественный контроль.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Литвиненко А.Н., Лозина Ю.А. Современные формы посягательств на государственную собственность как угроза экономической безопасности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – №4. – С. 152-176. EDN BZMFGN

© Литвиненко А.Н., Лозина Ю.А., 2025

**MODERN FORMS OF ENCROACHMENT ON STATE PROPERTY
AS A THREAT TO RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY****A.N. Litvinenko , Y.A. Lozina ***St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
address: 1 Pilyutova Pilot str., Saint Petersburg, Russia*Received
03.06.2025Revised
03.09.2025Accepted
29.11.2025

Abstract. *The purpose of the article is to study modern forms of encroachment on state property as a threat to economic security in Russia. The authors investigate encroachments on state property; analyze key factors, as well as latent ones, that reduce the effectiveness of protecting state property. The relevance of the topic is due to the scale of the damage caused by such encroachments, despite the measures taken, as well as their evolution in the context of digitalization and global challenges.*

The authors apply a systematic approach to consider state ownership as an element of the economic system, as well as regulatory and comparative legal analysis of legislation, economic and statistical methods of data processing, case studies of high-profile cases and criminological modeling. This made it possible to clarify the mechanisms of illegal influence on state property and complement its protection system with digital and institutional components.

The authors identify seven main forms of encroachment on state property, such as corruption schemes, raiding, fraud in public procurement, abuse of land and real estate, cybercrime, embezzlement through government programs and the use of offshore schemes. They pay special attention to corrupt ties and interdepartmental disunity, bureaucratic inertia and weak digitalization of accounting and management processes. In order to improve the state property protection system, the authors propose to introduce digital technologies, create unified registries and monitoring platforms, strengthen interdepartmental interaction, and adapt international experience. In addition, the authors substantiate the need to increase transparency in the management of state assets and involve public control.

As a result, the authors conclude that an integrated approach combining legal, economic and technological measures is needed to increase the effectiveness of state property protection. In addition, countering encroachments on state property should focus not only on tightening legislation and strengthening control, but also on eliminating latent factors.

Findings can be used to develop a state policy in the field of economic security by improving legislation and optimizing control mechanisms over the use of state property.

Keywords: *encroachments, state property, economic security, corruption, raiding, cybercrime, digitalization, digital technologies, monitoring platforms, interdepartmental interaction, public control*

Funding information: *This research received no external funding.*

For citations: Litvinenko, A.N., Lozina, Y.A. (2025) Modern Forms of Encroachment on State Property as a Threat to Russia's Economic Security. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol.20, no. 4, P. 152-176. EDN BZMFGN

© Litvinenko A.N., Lozina Y.A., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Государственная собственность – сложный многоуровневый институт, играющий ключевую роль в экономике, инструмент государственного регулирования, основа социально-экономической политики при перераспределении благ. Это позволяет позиционировать ее как фактор экономической безопасности, обеспечивающий контроль над стратегическими ресурсами. Эффективное управление ею требует баланса между стремлением к централизации (для контроля) и гибкостью (для повышения эффективности).

Значение государственной собственности для экономики страны определяется тремя ключевыми обстоятельствами: обеспечением стабильности в кризисных отраслях, например поддержкой убыточных, но социально важных производств; контролем естественных монополий; поступлением бюджетных доходов в виде налогов и дивидендов от госкомпаний.

В нашей стране до настоящего времени не разрешен ряд противоречий, сложившихся в сфере посягательства на государственную собственность, связанных с наследием советского прошлого и современным развитием технологий, особенностями межведомственного управления ею, меняющимися внутренними и внешними угрозами. С одной стороны, государство ужесточает законодательство, усиливает контроль и публично декларирует борьбу с коррупцией и хищениями. С другой стороны, масштабные случаи посягательств на госсобственность продолжают, а эффективность принимаемых мер зачастую оказывается ограниченной. Причиной сложившейся ситуации является сохранение ряда системных факторов, таких как коррупционная связь между чиновниками и бизнесом; несовершенство механизмов надзора и контроля (формальные проверки, слабая цифровизация); устойчивость посягательств (кибермошенничество, рейдерство) к мерам противодействия; избирательность правоприменения (когда громкие дела носят демонстративный характер, а массовые схемы остаются в тени). Быстрое развитие киберпреступности и криптовалютных схем и появление цифрового мошенничества опережают адаптацию законодательной базы. Конфликт между межведомственной разобщенностью (правоохранительными органами, регуляторами) и госкомпаниями снижает эффективность борьбы с изощренными схемами преступлений (например, тендерными махинациями). Слабый контроль за конфликтом интересов и злоупотребления чиновников показывают, что основной ущерб наносят не внешние хакеры, а внутренние угрозы.

Эти противоречия требуют разрешения, поскольку подрывают не только экономическую безопасность, но и доверие граждан к государственным институтам.

Таким образом, актуальной исследовательской проблемой является выявление современных форм посягательств на государственную собственность, ключевых и латентных факторов, ограничивающих эффективность защиты государственной собственности в России, несмотря на принимаемые меры. Без их устранения дальнейшее

ужесточение законодательства и увеличение числа проверок не приведут к значительному снижению экономических преступлений.

Предметной областью настоящей статьи стали формы посягательств на государственную собственность как фактора, продуцирующего угрозу экономической безопасности России.

***Целью** исследования - выявление в современных формах посягательств на государственную собственность ключевых, в том числе латентных, факторов, ограничивающих эффективность ее защиты.*

Методология исследования включила использование:

- системного подхода для рассмотрения государственной собственности как элемента экономической системы страны; позиционирования посягательств на государственную собственность (как попытку завладеть чем-либо или нанести чему-либо ущерб¹) в качестве системной угрозы национальной безопасности; анализа механизма защиты госсобственности как подсистемы экономического обеспечения национальной безопасности государства;

- нормативно-правового анализа для оценки ФЗ № 273 «О противодействии коррупции»², анализа ст. 160, 285, 290 УК РФ, экспертизы постановлений Правительства РФ о госсобственности;

- сравнительно-правового метода для сопоставления российского и зарубежного опыта защиты госсобственности (Китай, США);

- экономико-статистического анализа для обработки данных Счетной палаты и Росстата о масштабах ущерба;

- кейс-стади для разбора резонансных дел и анализа судебных решений по фактам посягательств на российскую государственную собственность;

- криминологического моделирования для построения схем типичных правонарушений (от хищений до кибермошенничества);

- SWOT-анализа для оценки сильных/слабых сторон системы защиты госсобственности.

Ограничением в разработке методологии выступила доступность данных в части засекреченной информации по делам о коррупции.

ОБСУЖДЕНИЕ

В научной литературе (как российской, так и зарубежной) данная тема исследуется в контексте экономической политики (Бузгалин, 2020), финансовой политики (Файберг и др., 2025), экономики предприятия (Когденко, 2024), коррупциологии, криминологии и цифровых рисков. Для решения задач настоящего исследования рассмотрим основные подходы к проблеме анализа посягательств на государственную собственность как угрозы экономической безопасности России.

Например, при анализе мер, направленных на повышение эффективности уголовно-правовой охраны государственной собственности, был сделан вывод о том, что наибольшую угрозу представляет не физическое обращение имущества в пользу виновных лиц, а злоупотребление этими лицами должностными полномочиями

---

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с. (дата обращения: 03.02.2025)

² Федеральный закон № 273 «О противодействии коррупции». СЗ РФ. 29.12.2008 (с изм. и доп.). № 52(1). № 6228

(Борков, 2017).

В зарубежных источниках отмечается, что в своей основе коррупция в государственном секторе имеет тот же характер, что и финансовые преступления, и в ее основе лежит незаконное использование, управление, распределение, приобретение или растрата государственных финансовых или экономических средств¹. Отмечено появление новой модели и практики преследования за государственную коррупцию в соответствии с уголовным законодательством, которые делают акцент на неправомерном использовании государственных активов и ресурсов, а не на традиционном подкупе или откатах.

Дела о коррупции в госорганах часто имеют политическую подоплеку, что демонстрируют результаты американской политики Трампа, сократившей штат отдела по борьбе с коррупцией в Министерстве юстиции США².

Кроме того, коррупционные правонарушения имеют гражданско-правовой характер, поскольку могут включать в себя нераскрытые сделки с самим собой, явный конфликт интересов, злоупотребление доверием и другие формы незаконного поведения государственных должностных лиц.

Американская система правосудия при доказывании причастности лица к преступлениям в отношении «национальной безопасности» использует альтернативные варианты, например обвинения в мошенничестве. Сфера этих экономических и финансовых интересов включает любое мошенничество или неправильное применение, которое подразумевает программу государственных расходов, лишает правительство доходов, влияет на распределение государственных средств или любые муниципальные инвестиции, контракты, субсидии, займы, гарантии, страхование или другие формы финансовых операций, влияет на любые финансовые операции, определенные в судебном порядке, и нарушает любое право на конфиденциальную информацию (Thomas M. DiBiagio, 2020).

Отмечен заметный сдвиг в сторону более широкого применения гражданско-правовых и административно-правовых средств правовой защиты либо в качестве жизнеспособных альтернатив, когда уголовно-правовые меры неосуществимы, либо в качестве основного средства правовой защиты для решения финансовых последствий коррупции или для наказания за неправомерные действия в сфере государственного управления³.

---

¹ Смотрите дело Соединенные Штаты против Кордаро 933 F.3d 232 (3 декабря 2019 г.) (подтверждение обвинения в государственной коррупции на основании управления государственными контрактами окружным комиссаром); Р. Снелл, федералов: Менеджер аэропорта Детройта взял взятки, неопровержимые доказательства, ДЕТРОЙТ НЬЮС (23 мая 2018 г.). – URL: <https://www.detroitnews.com/story/news/local/wayne-округ/2018/05/23/детройт-метро-Джим-Уорнер-аэропорт-обвиняемый-во-взятчиестве-федералы/636871002/> (в федеральном обвинительном заключении утверждается, что должностное лицо получило взятки от подрядчиков в обмен на 18 миллионов долларов в контракты, связанные с аэропортом).

² Bart Jansen In latest Trump overhaul, Justice Department may change who prosecutes public corruption USA TODAY. 19.05.2025. – URL: <https://ca.news.yahoo.com/latest-trump-overhaul-justice-department-162528187.html> (дата обращения: 03.02.2025)

³ Civil and Administrative Liability for Corruption: Domestic Practices and Ways to Enhance International Cooperation under the United Nations Convention Against Corruption. – URL:

Что касается рассмотрения посягательств на собственность иностранных государств, то можно отметить использование различных механизмов манипулирования правовыми гарантиями неприкосновенности собственности на международном уровне в отношении государственной собственности (Григорьева, 2023).

Криминологические расчеты показывают имеющиеся пробелы в расследовании коррупционных преступлений, а также отсутствие современных методик расследования преступлений коррупционной направленности (Харченко, 2022). Выявлены коррупциогенные факторы, т. е. положения, содержащие сложные, непонятные требования к участникам закупок, что продуцирует разработки методики проведения антикоррупционной экспертизы (Бобошко, 2021).

Последние годы характеризуются увеличением количества успешных кибератак на организации по всему миру. Этому поспособствовало множество факторов, среди которых – сложная мировая геополитическая обстановка, массовая эксплуатация уязвимостей нулевого дня в популярном программном обеспечении, а также усложнение и изощренность атак¹. Государственные учреждения по-прежнему остаются лидерами по числу инцидентов (в 2023 году 15 % от общего числа успешных атак). Из всех успешных атак на организации 8 % пришлось на ИТ-компании наравне с промышленными организациями. Проблемой также являются так называемые большие данные, которые целесообразно хранить на собственной территории (Бакулина, 2021).

При анализе рейдерства авторы отмечают, что оно осуществляется на высоком технологическом уровне с использованием юридически обоснованных методов, т. е. подлога документов, разнообразных схем с долгами, на основе зависимости экономической безопасности предприятий от органов государственной власти (Макарова, 2020). Данный феномен представляет реальную угрозу бизнесу и обществу, поэтому требуется не только четкая формулировка данного понятия, но и усиление мер ответственности, обеспечительных мер, не дающих распоряжаться захваченным имуществом (Хачак, 2024).

Характеристика объекта исследования

Согласно различным оценкам государство играет значительную роль в экономике России, сочетая прямое участие и финансовый интервенционизм. При этом общий диапазон оценок составляет 30–70 % ВВП, что обусловлено различиями в применяемой методологии². На 2023 год доля госсектора в ВВП составляла 40,5 %. При этом компаний с государственным участием – 33 %³. В

Civil_and_Administrative_Liability_for_Corruption_UNODC_2023_EN.pdf (дата обращения: 03.02.2025)

¹ Актуальные киберугрозы для организаций: итоги 2023 года. – URL: <https://ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-dlya-organizacij-itogi-2023-goda/> (дата обращения: 03.02.2025)

² Исследование «Отказ от госкапитализма – ключ к трансформации российской экономики». – URL: https://C:/Users/Acer/Desktop/%D0%B3%D0%BE%D1%81%20%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80/_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB.pdf (дата обращения: 16.05.2025).

³ Исследователи РАНХиГС зафиксировали снижение вклада госсектора в ВВП. NTV.ru. 30.10.2024. – URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2857664/>. (дата обращения: 03.02.2025)

проекте бюджета РФ на 2025–2027 годы¹ доля государства составила 62,7 %. Предприятий с федеральным и государственным имуществом насчитывается свыше 45 тыс. Ключевые активы в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) (> 50 %) контролируют «Роснефть», Газпром, «Росатом», в оборонно-промышленном комплексе (ОПК) – «Ростех», Объединённая авиастроительная корпорация, в транспортной инфраструктуре – РЖД (85 %), федеральных дорог – Росавтодор (65 %).

За последние 20 лет влияние государства в российской экономике возросло. В значительной степени оно сосредоточено в добыче энергоресурсов, энергетике, банковском секторе, транспорте, телекоммуникациях и нескольких других стратегических секторах. Среди значимых секторов экономики можно выделить финансовый, рынки электрогенерации и авиаперевозок, транспортную инфраструктуру и производство транспортных средств.

Значение государственной собственности как важного элемента экономической безопасности России может быть обосновано посредством анализа следующих ключевых аспектов.

1. *Контроль над стратегическими отраслями.* Государственная собственность позволяет России сохранять управление критически важными секторами экономики, которые определяют ее безопасность и независимость:

- компании «Роснефть», «Газпром», «Росатом» обеспечивают бюджетные доходы (до 40 % федерального бюджета) и геополитическое влияние в ТЭК;
- госпредприятия «Ростех», «Алмаз-Антей» гарантируют технологический суверенитет и обороноспособность в ОПК;
- РЖД, «Аэрофлот» поддерживают единство экономического пространства страны в транспортной сфере.

Например, санкции 2022–2024 гг. показали, что национализированные активы (например, Сбербанк, ВТБ) помогли избежать коллапса финансовой системы.

2. *Стабилизация экономики в кризисы.* Государственные компании выступают амортизаторами во время кризисов:

- поддержка убыточных, но социально значимых производств (например, угольные шахты в моногородах);
- антиинфляционное регулирование (например, Росрезерв контролирует запасы продовольствия);
- инвестиции в инфраструктуру (стройки века вроде Крымского моста или Севморпути).

В качестве примера: в 2020–2022 гг. госбанки (ВЭБ.РФ, «Дом.РФ») выдавали льготные кредиты бизнесу, предотвращая массовые банкротства.

3. *Защита от внешних и внутренних угроз.* Госсобственность помогает противодействовать:

- санкционному давлению (запрет на приватизацию стратегических активов);
- рейдерским захватам (жесткий контроль над продажей госпакетов

---

¹ О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. № 727320-8. Законопроект: Система обеспечения законодательной деятельности. Российская газета. 05.12.2024. № 277.

акций);

- кибератакам (единые стандарты безопасности для госкомпаний).

Пример: после 2022 года ограничение иностранного участия в СМИ, IT и добывающих отраслях снизило риски враждебного поглощения.

4. *Социальная стабильность и развитие регионов.* Управление государственной собственностью и ее развитие содействуют:

- сохранению рабочих мест (например, градообразующие предприятия в Сибири и на Дальнем Востоке);

- финансированию науки и образования (госкомпании спонсируют вузы и исследования);

- развитию депрессивных территорий (налоги от госпредприятий идут на инфраструктуру).

Примером может послужить строительство корпорацией «Росатом» АЭС за рубежом, что дает России политическое влияние и доходы в бюджет.

Высокая доля государственного сектора в российской экономике обусловлена не только преобладанием госкомпаний в сырьевых и инфраструктурных отраслях, но и слабым вкладом других секторов. В таких сферах, как промышленность, торговля и бытовые услуги, где госучастие минимально, объемы производства остаются незначительными.

Теоретико-правовые основы защиты государственной собственности

Принципы и инструменты управления государственной собственностью в РФ регулируются комплексом законов и подзаконных актов. Среди них необходимо отметить:

- принцип равной защиты всех форм собственности, который разграничивает полномочия РФ и субъектов в управлении госсобственностью (ст. 8, 9, 71, 72, 130 Конституции РФ);

- понятие государственной собственности (федеральной и субъектов РФ), право оперативного управления и хозяйственного ведения для госпредприятий и учреждений (ст. 296–299 ГК РФ);

- порядок формирования и использования имущества, составляющего казну РФ (ст. 20, 41, 42 Бюджетного кодекса РФ);

- порядок передачи госсобственности в частные руки («О приватизации государственного и муниципального имущества»¹);

- правила использования госсредств и имущества при госзакупках (Закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»²);

- учет госсобственности в ЕГРН (Закон «О государственной регистрации недвижимости»³);

- полномочия Росимущества по управлению федеральной собственностью (постановление Правительства РФ о Росимуществе⁴);

---

¹ Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». СЗ РФ от 28.01.2002 (с изм. и доп.). № 4. Ст. 251.

² Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». СЗ РФ от 08.04.2013 (с изм. и доп.). № 14. Ст. 1652.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». СЗ РФ от 20.07.2015 (с изм. и доп.). № 29 (1). Ст. 4344.

⁴ Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 «О Федеральном агентстве по

- разграничение государственной собственности на землю (ст. 16–19 Земельного кодекса РФ);

- право госсобственности на природные ресурсы (ст. 8 Лесного кодекса РФ, ст. 8 Водного кодекса РФ).

Анализ институциональной среды выявил современный тренд трансформации концептуальных подходов к управлению государственным имуществом, которое рассматривается уже не только как источник доходов в результате приватизации (как это было на протяжении многих лет), а в первую очередь как инструмент выстраивания новой политики в области привлечения инвестиций, развития предпринимательской деятельности, структурной перестройки экономики, совершенствования материальной базы промышленного производства на новом, более высоком и современном уровне технологического развития (Козлова, 2024). Таким образом, происходит переосмысление роли госсобственности – из пассивного объекта приватизации она превращается в активный инструмент экономического развития и технологического обновления производства.

Исследование институциональных условий управлению госсобственностью позволило сделать несколько выводов. Во-первых, сохраняется ряд тенденций, перешедших от советского периода (доминирование властно-собственнических отношений в хозяйственной жизни (Плисевиц, 2006), их действие в теневом секторе (Тимофеев, 2000), управление госсобственностью узкой группой лиц, низкая рентабельность целого ряда предприятий). Отсюда, сохранение невозможности быстрой трансформации института госсобственности (Ахиезер и др., 2005), нестабильность управления им, возможность процессов деприватизации и реприватизации. При этом отметим, что выбор между эффективностью и устойчивостью делается в пользу устойчивости этого института (Саймон, 2004). Во-вторых, на управление институтом госсобственности оказывают влияние современные тенденции: технический прогресс, рождающий киберугрозы и цифровое мошенничество, недостаточность цифровизации государственных институтов, рейдерство, заменившее рэкет, использование корпоративных норм для прикрытия преступлений, отсутствие некоторых посягательств в уголовном законодательстве в связи с этим.

Взаимосвязь тенденций управления и форм посягательств на госсобственность в России прослеживается в следующем:

- централизация и усиление контроля порождают риски появления коррупции в органах управления и махинации при передаче собственности;

- цифровизация процессов имеет двойственный эффект: с одной стороны, повышает прозрачность, с другой – порождает новые ИТ-угрозы и цифровые схемы хищений (взлом систем, манипуляции при передаче собственности);

- оптимизация активов порождает риски приватизации объектов по заниженной стоимости как завуалированное банкротство активов;

- избирательная приватизация используется как прикрытия для перевода активов в частные руки в виде рейдерства путем фиктивных продаж, лоббизма при распределении имущества;

- рост роли крупных госкорпораций формирует скрытые угрозы уклонения

управлению государственным имуществом (Росимущество)». СЗ РФ от 09.06.2008 (с изм. и доп.). № 23. Ст. 2721.

от публичного контроля, нецелевое использование ресурсов;

- законодательные изменения при слабом контроле могут использоваться во вред интересам государства при злоупотреблении правовыми механизмами;

- антикризисное управление порождает риски принятия быстрых решений, снижает контроль и открывает поле для махинаций в виде нарушений в государственных программах.

Таким образом, государственная собственность – это «щит» экономической безопасности, а для ее обеспечения нужны: цифровой контроль (искусственный интеллект для аудита), жесткая антикоррупционная политика и гибкость в управлении (например, ГЧП для инфраструктурных проектов). Без этих мер даже стратегические активы могут стать источником рисков.

Резонансные случаи посягательств на государственную собственность в РФ

Коррупционные преступления

Дело о хищениях при строительстве космодрома Восточный (2019–2023): Следственным комитетом РФ возбуждены уголовные дела о хищениях более 3 млрд рублей при строительстве космодрома. В ходе расследования были задержаны экс-чиновники «Роскосмоса» и подрядчики, обвиняемые в завышении стоимости работ и выводе средств через подставные фирмы. Часть денежных средств удалось вернуть, но ущерб бюджету остался значительным¹.

Дела о закупках медицинского оборудования по завышенным ценам (Челябинская², Нижегородская³ области): при расследовании дел выявлены схемы закупки лекарств по завышенным ценам через «дружественные» компании, фиктивные конкурсы и откаты. Ущерб оценён в 737 и 7 млн руб. соответственно, задержаны чиновники и коммерсанты. По итогам I полугодия 2024 г. ФАС выявлен 61 случай сговора на торгах по госзакупкам, привлечено 229 субъектов и 65 заказчиков. Соглашения, ограничивающие конкуренцию, охватили 887 закупок на общую сумму 64,2 млрд руб.⁴.

Дела о хищениях в Минобороны (2022–2024 гг.), в результате расследования которых было установлено завышение цен на продукты и оборудование для армии, государственные чиновники получали откаты⁵.

---

¹ Барова Е. Космические хищения. На Восточном украден каждый 10-й рубль // АиФ. № 47. 17.11.2019 – https://aif.ru/society/law/kosmicheskie_hishcheniya_na_vostochnom_ukraden_kazhdy_10_rubl (похищено 11 млрд руб., возвращено 3,5 млрд руб., возбуждено 128 уголовных дел); М. Котов. Космическая коррупция: как и сколько украли на космодроме Восточный // 11.10.2023. – URL: <https://www.ridus.ru/kosmicheskaya-korrupciya-kak-i-skolko-ukrali-na-kosmodrome-vostochnyj-418448.html>

² ФАС в СМИ: Челябинское УФАС обнаружило признаки сговора на торгах по поставке медоборудования на 737 млн рублей // Официальный сайт ФАС России. 06.03.2023. – URL: <https://fas.gov.ru/publications/23968>

³ Официальный сайт СУ СК Нижегородской области. В Нижнем Новгороде сотрудники ПИМУ и директор организации по продаже медицинских изделий подозреваются в мошенничестве. 13.03.2025. – URL: <https://nnovgorod.sledcom.ru/news/item/1961678/>

⁴ ФАС подвела итоги антикартельной деятельности за 1-е полугодие 2024 года // Официальный сайт ФАС России. 22.07.2024. – URL: <https://fas.gov.ru/news/33370>

⁵ Козлова Н. За продажу армии продукции по завышенной цене осуждены производитель и приемщик // Российская газета. 19.01.2022. – URL: <https://rg.ru/2022/01/19/za-prodazhu-armii->

Последствия: недостаточное снабжение войск, угроза боеготовности.

Дело о передаче информации о спутниках иностранным спецслужбам, в результате расследования которого было установлено, что экс-советник главы «Роскосмоса» И. Сафронов в течение длительного времени передавал секретные сведения¹. Ущерб национальным интересам РФ не поддается точной оценке (угроза национальной безопасности).

Дело о растрате бюджетных средств в Приморье (2024 г.), в результате расследования которого установлена растрата средств, выделенных на развитие портов в Новороссийске, Тамани и Находке. Путем использования фиктивных отчетов и поддельных актов приема-передачи выполненных работ госчиновники причинили ущерб на сумму около 5 млрд руб.².

Дела о «распиле» грантов (Карелия³, 2024 г.), в результате следственных мероприятий по которому было установлено оформление несуществующих исследований для освоения бюджетных средств. Получались поддельные патенты, составлялись липовые отчеты.

Дело о получении взятки в размере 3,75 млн руб. за содействие в выделении гранта⁴ экс-замминистра цифрового развития М. Паршиным.

Незаконная продажа природных ресурсов

Дело о контрабанде леса на Дальний Восток и в Сибирь (2022–2023 гг.), при рассмотрении которого выяснилось, что крупные партии леса вывозились в Китай по поддельным документам с участием коррумпированных чиновников Рослесхоза. Ущерб составил 600 млн руб.⁵.

Дело о контрабанде леса в Китай из Иркутской области (2023 г.), при расследовании которого была установлена незаконная добыча и экспорт леса, металлов на сумму 283 млн руб.⁶. В ходе преступной деятельности использовались поддельные лицензии, «серые» цепочки поставок.

Дело о неучтенной нефти (2020 г.), при расследовании которого было установлено, что неучтенная нефть сливалась из трубопроводов и продавалась через подставные фирмы. По данным «Транснефти», ущерб от незаконных врезок составил 600 млн руб.⁷. Последствия: снижение

---

produkcii-po-zavyshennoj-cene-osuzhdeny-proizvoditel-i-priemshchik.html; Загвоздкина К. Ущерб по делу экс-замминистра обороны // Forbes. 29.07.2024. – <https://www.forbes.ru/society/517876-userb-po-delu-eks-zamministra-oborony-bulgakova-ocenili-v-1-3-mlrd-rublej>

¹ Казанцев А. ФСБ: Журналист Сафронов передавал Чехии данные о спутниках ГРУ // Российская газета. 23.12.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/12/23/fsb-osuzhdenyj-za-gosizmenu-safronov-peredaval-sekretnye-dannye-chehii-i-frg.html>

² Голыбин А. Прокуратура пресекла хищение 5 миллиардов бюджетных средств в Приморье // Life.ru. – URL: <https://life.ru/p/1723687>

³ Официальный сайт СУ СК РФ по Республике Карелия. Расследуется уголовное дело по факту хищения денежных средств при реализации в Карелии грантов Российского научного фонда. – URL: <https://karelia.sledcom.ru/news/item/1933791/>.

⁴ Уголовное дело экс-замминистра цифрового развития Максима Паршина о коррупции при распределении грантов. 28.04.2025. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>

⁵ Официальный сайт МВД РФ. Следователями транспортной полиции Дальнего Востока направлено в суд уголовное дело о контрабанде леса на сумму 600 млн рублей. 03.07.2024. – URL: <https://мвд.рф/news/item/52355884>.

⁶ Официальный сайт Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры. При координирующей роли транспортной прокуратуры правоохранительными органами пресечена деятельность организованной преступной группы по контрабанде лесоматериалов. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/vstp/mass-media/news?item=85099524>.

⁷ Официальный сайт «Транснефти». Ущерб от «Транснефти» от криминальных врезок в 2020 г. составил 600 млн руб. – URL: <https://www.transneft.ru/media-center/newspress/publications/ushcherb-transnefti-ot-kriminalnykh-vrezok-v-2020-g-prevysil-600-mln-rub/>.

налоговых поступлений, риски аварий из-за несанкционированных врезок.

Кибермошенничество с госучреждениями

В 2023–2024 годах увеличилось количество кибератак на госучреждения. Последствием этого является распространение информации в публичный доступ, прекращение функционирования сайтов органов государственной власти, кибершпионаж, кражи данных. При этом органы государственной власти кибератаки на свои сайты не подтверждают. Открытых статистических данных по ущербу, нанесенному государственной собственности России, не имеется. Оценка стоимости ущерба основана на исторических данных о киберпреступности. Ущерб включает повреждение и уничтожение данных, кражу денег, снижение производительности, кражу интеллектуальной собственности, кражу личных и финансовых данных, растрату, мошенничество, нарушение нормальной работы после атаки, судебно-медицинскую экспертизу, восстановление и удаление взломанных данных и систем, а также ущерб репутации.

В конце 2023 года многие российские компании, в том числе в банковском секторе, подверглись атаке DarkCrystal RAT. Целью злоумышленников было проникновение во внутренние финансовые и юридические системы, а также получение доступа к клиентским базам данных и корпоративным счетам. В первой половине 2024 года Экспертный центр безопасности Positive Technologies (PT ESC) выявил атаки группы Lazy Koala на компании финансового сектора и других отраслей в России и странах СНГ. Фишинговые электронные письма распространяли LazyStealer; вредоносное ПО крало учетные данные браузера и отправляло их боту Telegram.

Иностранные государства раскрывают ряд атак на их банковские структуры. В ноябре 2023 года американское подразделение промышленно-коммерческого банка Китая (ICBC) подверглось атаке программы-вымогателя LockBit, что привело к нарушению торговли на рынке казначейских облигаций США. В июне 2024 года был взломан крупный индийский Nainital Bank, скомпрометированы учетные данные менеджера, выведены средства на сумму более 1,9 млн долларов.

Согласно отчету ФБР общий объем средств, похищенных мошенниками в 2023 году, превысил 12 миллиардов долларов, что на 22 % больше, чем в предыдущем году¹.

Незаконная приватизация и рейдерство

Дело о рейдерском захвате Петербургской топливной компании (2024), включённой в реестр субъектов естественных монополий. Активы оцениваются в 17,5 млрд руб. В результате нескольких сделок, совершённых держателями акций, участие в управлении компанией получено иностранными лицами Германии и Франции. Для захвата предприятия была использована подделка документов, оказывалось давление на акционеров. В результате выявленного ФАС РФ факта Генеральная прокуратура РФ подала иск о признании сделок купли-продажи контрольного пакета акций недействительными. В настоящее

---

¹ Golushko A. Cyberthreats in the financial industry: H2 2023 – H1 2024/ 27.11.2024. – URL: <https://global.ptsecurity.com/analytics/financial-industry-cyberthreats-h2-2023-h1-2024>.

время акции перешли в собственность Федерального агентства по управлению государственным имуществом¹.

Дело о захвате госпредприятия «Саянскхимпласт» (Иркутская область). Общая стоимость активов завода оценивается в 78,8 млрд руб., выручка составляет 25 млрд руб/год (2025 г.). По иску Генеральной прокуратуры РФ депутат от «Единой России» в заксобрании Иркутской области, входивший в комитет по собственности и экономической политике, учредил дочерние фирмы и вывел в их уставные капиталы производственные мощности «Саянскхимпрома». В деле было применено незаконное банкротство, участвовали аффилированные компании, кипрский офшор².

По подобным делам Генпрокуратуры РФ приняты решения Калининградским областным судом (иск к владельцу производителя насосов для нефтедобычи ПК «Борец», дело А21-1175/2025), Арбитражным судом Башкирии (к экс-руководителю «Газпром энерго» А. Митюшову и компаниям «Корпоративный центр» и «Меркури Кэпитал Траст» о возврате нескольких предприятий и заводов в собственность государства) и Фрунзенским районным судом г. Санкт-Петербурга (№ 2-4372/2025 ~ М-1089/2025). По данным Генпрокуратуры РФ, А. Митюшов и Селезнев (директор «Газпром энерго») вывели из «Газпром нефтехим Салават» в свою пользу не менее 150 млрд руб.³.

Механизм осуществления рейдерства включает внутреннюю и внешнюю работу по подрыву деятельности предприятия. Это использование СМИ и жалоб граждан для формирования негативного пиара о деятельности предприятия, о его банкротстве; инициирование проверок различными органами с помощью подкупленных граждан (налоговая, Роспотребнадзор, пожарная инспекция и т. д.). Правовая подготовка, реализуемая подписанием фиктивных договоров и соглашений, доведением до процедуры банкротства, подключением по заявлениям МВД РФ и Следственного комитета РФ. Фактический захват предприятия, заключающийся в запрете доступа на территорию, изъятии документов, печатей, баз данных. Злоупотребление должностным положением, личными связями, использование бандитских группировок и коллекторов. Итогом активной работы становится шантаж: переоформление документов за личную безопасность, прекращение уголовного дела и т. д. (Коршунов, 2018).

При анализе причин, способствующих совершению подобных форм посягательств, отмечают: неэффективность институтов государственной власти (Мороз, 2017), ненадлежащий контроль за расходованием бюджетных средств, цифровые детерминанты коррупционной преступности (дистанционный доступ, цифровой бюрократизм, отсутствие коррупционной экспертизы и т. д.) (Аносов,

---

¹ Официальный сайт Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области РФ. Решение по делу № А56-3068/2025 от 10.04.2025 г. – URL: [https://: A56-3068/2025](https://a56-3068/2025).

² Официальный сайт Хамовнического районного суда г. Москвы, дело 02-1918/2025.

³ Алифирова Е. Генпрокуратура РФ попросит суд изъять активы еще у одного бывшего топ-менеджера Газпрома. – URL: <https://neftegaz.ru/news/arbitrage/882779-dobralis-doselezneva-genprokuratura-rf-poprosit-sud-izyat-aktivy-eshche-u-odnogo-byvshego-top-mened/>.

2023), отсутствие закрепленных индикаторов контроля за сотрудниками (противоречивые пункты в договорах и исправления в финансовой документации, необоснованное обогащение сотрудников) (Снимщикова, 2020), а также процесс преобразования коррупции как фактора самовоспроизводящегося рейдерства (захватчиками госсобственности в России стали госчиновники) (Османов, 2014).

Результаты

Анализ современных форм посягательств на государственную собственность в Российской Федерации показал их высокую способность к трансформации в зависимости от изменяющихся социально-экономических условий, степени цифровизации государственного управления, а также от эффективности правоприменительной практики. Полученные результаты позволили выделить основные направления противоправной деятельности.

Коррупционные практики, выражающиеся в нецелевом использовании бюджетных средств, злоупотреблениях при осуществлении государственных закупок, присвоении или умышленной растрате государственного имущества, искусственном завышении стоимости подрядов и поставок с последующим незаконным изъятием средств через аффилированные структуры.

Рейдерские захваты, реализуемые посредством манипуляций с механизмами приватизации и регистрации прав собственности, в том числе подделки документов при передаче объектов государственной собственности, а также использования лояльных судебных решений и действий регистрирующих органов для незаконной смены собственника.

Мошенничество в контрактной системе, проявляющееся в создании фиктивных юридических лиц для участия в конкурсных процедурах, заключении контрактов на заведомо невыгодных для государства условиях в интересах связанных организаций, фальсификации отчетных данных по исполнению государственных контрактов.

Злоупотребления в сфере распоряжения земельными и имущественными активами, включающие незаконное изменение категории или целевого назначения земельных участков, подделку кадастровой документации и вмешательство в государственные информационные реестры, отчуждение имущества по искусственно заниженной стоимости в пользу частных субъектов.

Использование цифровых технологий в противоправных целях, включая получение несанкционированного доступа к информационным системам государственных органов, в том числе к государственным и муниципальным реестрам, подделку электронных подписей и цифровых документов, манипулирование результатами электронных торгов и аукционов.

Хищения в рамках реализации государственных программ и проектов, что выражается в получении бюджетных средств на основании подложной документации, нецелевом использовании финансирования, направленного на реализацию национальных проектов и государственных

программ, использовании механизмов лоббирования при распределении государственного имущества и бюджетных ассигнований.

Операции с государственным имуществом, обладающим спорным или непрозрачным правовым статусом, включая применение схем с участием офшорных компаний и номинальных владельцев, передачу активов в унитарные предприятия с дальнейшим доведением их до банкротства и последующей приватизацией на невыгодных условиях.

Установленные факты свидетельствуют о системной природе угроз, исходящих от различных форм посягательств на государственные активы, и об их тесной взаимосвязи с недостатками в механизмах государственного управления и контроля.

Анализ причиненного государству ущерба позволил обозначить ключевые последствия в основных сферах деятельности, связанных с использованием государственной собственности: в госзакупках и бюджете – это рост госдолга и инфляция; в оборонном комплексе – ослабление ВПК и возникновение новых угроз безопасности; в области природных ресурсов – это риск появления экокатастроф и потеря экспортных доходов; последствия кибермошенничества выражаются в сбоях в госуправлении и потере данных.

Анализ содержания посягательств на государственную собственность и форм их совершения позволил оценить их влияние на экономическую безопасность страны:

- прямой экономический ущерб (потери бюджета, недополученные доходы);
- косвенные последствия (подрыв доверия к госуправлению, рост теневой экономики);
- угрозы стратегическим отраслям (деградация инфраструктуры, зависимость от недобросовестных подрядчиков).

Основные угрозы формируются в условиях роста киберпреступности, распространения теневых схем отчуждения государственной собственности, внешнеэкономической нестабильности и политического давления, что может негативно повлиять на уровень экономической безопасности.

В числе сильных сторон системы противодействия посягательствам на государственную собственность можно выделить наличие нормативно-правовой базы, функционирование специализированных органов контроля (Росимущество, ФАС, правоохранительные органы), а также внедрение электронных платформ учета.

Вместе с тем слабыми сторонами остаются высокий уровень коррупции в отдельных звеньях управления, недостаточная защищенность информационных систем, а также пробелы в учете имущества, особенно на региональном уровне.

Возможности повышения эффективности противодействия заключаются в дальнейшей цифровизации процессов, расширении доступа к открытым реестрам, развитии гражданского и общественного контроля, а также в сотрудничестве с международными организациями.

В результате исследования представляется важным выделить ключевые и латентные факторы, ограничивающие эффективность защиты

государственной собственности в России (табл. 1).

Таким образом, государственная собственность в РФ, несмотря на ее масштабы и стратегическое значение, остается крайне уязвимой к противоправным посягательствам. Латентные факторы действуют как подводные течения, усугубляя ключевые проблемы. Их учет критически важен для системных реформ, поскольку формальные меры (например, ужесточение законов) без устранения скрытых барьеров (клановость, инерция) дают ограниченный эффект. За 10 лет совокупный ущерб превысил 10 трлн руб., что подрывает экономическую безопасность страны.

Таблица 1 – Ключевые факторы, ограничивающие эффективность защиты государственной собственности в России

Table 1 - Key factors limiting the effectiveness of protection of state property in Russia

I. Внешние	
санкции; ограничения, наложенные на российскую собственность за границей; отток кадров; киберугрозы; цифровое мошенничество	
II. Внутренние	
Институциональные	Латентные в институциональных
<ul style="list-style-type: none"> - непрозрачные схемы управления госсобственностью; - рейдерские захваты при злоупотреблении полномочий (дублирование проверок); - недобросовестные приватизационные сделки; - сговор чиновников и бизнес-структур в ущерб государственным интересам¹; - отсутствие системы мониторинга использования госактивов; - недостаточная цифровизация и слабый аудит; - бюрократические барьеры и низкая ответственность распорядителей 	<ul style="list-style-type: none"> - скрытое влияние клановых и корпоративных групп на распределение госактивов; - использование «доверенных лиц» для обхода формальных процедур контроля; - подмена публичных интересов ведомственными или личными целями чиновников; - отставание во внедрении блокчейна и AI для отслеживания активов; - уязвимость информационных систем госучетности к манипуляциям; - сопротивление цифровизации и прозрачности со стороны бюрократии; - сохранение советских подходов к управлению собственностью, несмотря на формальные реформы
Правовые	Латентные в правовых
<ul style="list-style-type: none"> - несовершенство законодательной базы и пробелы в регулировании; - противоречия между федеральными и региональными нормативными актами; - слабая судебная защита и коррупция в правоохранительных органах 	<ul style="list-style-type: none"> - «теневая» приватизация через искусственное банкротство или занижение стоимости активов; - непрозрачность корпоративных решений и заключение сделок на их основании; - отсутствие в законе действующих посягательств в связи с прикрытием преступлений легальными нормами корпоративного права; - пробелы в регулировании аффилированных лиц; - размытие одинаковых компетенций и ответственности в правовых актах; - отсутствие механизма сопровождения и контроля объекта госсобственности при управлении им на разных уровнях; - отсутствие коррупционных экспертиз; - утечка информации в оперативных разработках
Экономические	Латентные в экономических

¹ Официальный сайт РФ. В ФАС России рассказали о картельных сговорах. – URL: <https://fas.gov.ru/publications/20363>

<ul style="list-style-type: none"> - недостаточное финансирование мер по защите собственности; - низкая рентабельность части госпредприятий, снижающая их инвестиционную привлекательность; - зависимость от сырьевого сектора, где высоки риски нецелевого использования активов 	<ul style="list-style-type: none"> - скрытое перераспределение бюджетных средств через завышенные контракты; - использование офшоров и схем минимизации налогов при управлении госактивами; - искусственное банкротство и вывод активов; - зависимость от «дружественных» подрядчиков и монополистов; - выдача кредитов «лояльным» компаниям под господдержку без должного контроля за их целевым использованием и возвратом
--	---

Составлено авторами с использованием источников (Хамалинская, 2023; Ехлакова, 2018; Еремина и др., 2022).

Устранение угроз и минимизация ущерба видится в решении проблем противодействия посягательствам на госсобственность (пробелы в законодательном регулировании, неэффективность контрольных механизмов и низкая раскрываемость «элитных» преступлений) и требует системных изменений в контроле и защите активов. В таблице 2 перечислены решения по преодолению факторов, влияющих на результативность защиты государственной собственности, и отражается предполагаемый эффект от их внедрения.

Таблица 2 – Предложения по повышению результативности противодействия посягательствам на госсобственность

Table 2 - Suggestions for Improving the Effectiveness of Countering Encroachments on State Property

Проблема	Решение	Ожидаемый результат
Дублирование проверок и другие действия в ущерб интересам государства	Единый реестр проверяемых субъектов	Сокращение нагрузки на бизнес
Разрозненность данных	Интеграция систем ФНС и МВД через ГИС ГМП, создание единого мониторинга и реестра	Увеличение раскрываемости преступлений
Правовая неопределенность в защите и распределении полномочий органов государственной власти	Принятие методических рекомендаций СК РФ, указание полномочий госорганов в НПА	Снижение числа судебных споров
Кадровый дефицит, слабый аудит	Создание межведомственного учебного центра	Подготовка 500+ специалистов ежегодно, повышение квалификации

Составлено авторами на основании (Маркунин, 2021; Ермакова, 2023; Алехин, 2024).

В настоящее время ведется активная работа, направленная на совершенствование защиты государственной собственности, которую можно сформулировать *в виде следующих направлений:*

1. Ужесточение уголовной ответственности (ст. 160 УК РФ «Растрата», ст.

285 «Злоупотребление должностными полномочиями» и др.).

2. Усиление контроля со стороны ФСБ, СКР, МВД и Счётной палаты (в табл. 3 представлены сведения, позволяющие увидеть слабые и сильные стороны государственных органов по предотвращению возникновения преступлений против собственности).

3. Внедрение цифровых систем мониторинга госрасходов (например, система «Электронный бюджет». Казначейское сопровождение планируется при осуществлении всех видов платежей федерального и регионального уровней. Все изменения электронного бюджета планируется включить в Бюджетный кодекс РФ).

4. Национализация ключевых активов в стратегических отраслях для защиты от внешних и внутренних угроз.

Акценты проведения национализации сводятся к трем направлениям: анализ на правомерность сделок 1990-х годов по приватизации объектов инфраструктуры, наличие в стратегически важных предприятиях зарубежных инвесторов, а также деятельность коррупционных чиновников и рейдерские захваты государственных предприятий. Работа ведется через иски Генеральной прокуратуры РФ.

Таблица 3 – Сравнительная характеристика эффективности государственных органов по предотвращению возникновения преступлений против собственности

Table 3 - Comparative Characteristics of the Effectiveness of State Bodies to Prevent the Encroachment on Property

Гос.учреждение	Основные рычаги воздействия	результат
МВД РФ	Оперативно-розыскные мероприятия	Снижение коррупции в регионах
ФСБ РФ	Спецоперации, доступ к секретной информации	Усиление контроля при ограничении публичности
СК РФ	Расследование особо тяжких преступлений	Возмещение ущерба и демонстрация неотвратимости наказания
ФНС РФ	Налоговый контроль	Нивелирование операций по переводу в офшоры

Составлено авторами на основе результатов исследования.

5. *Международный опыт и возможности его адаптации.* Например, использование опыта системы социального рейтинга и видеонаблюдения Китая. Первая предоставляет за достижение определенного количества баллов льготы и привилегии. Вторая позволяет раскрывать преступления и бороться с коррупцией (Петров, 2020). Речь идет о рассмотрении американского и китайского подходов, используемые для активизации борьбы с коррупцией и преступностью с помощью цифровизации и применения гражданско-правовых и административно-правовых средств

правовой защиты при расследовании уголовных дел. В России можно расширить систему «Безопасный город» с технологией QR-кодов, которая помогает эффективно бороться с преступностью (Желудков, 2022).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование современных форм посягательств на государственную собственность в Российской Федерации позволило определить их как одну из существенных угроз экономической безопасности страны. Анализ выявил, что, несмотря на принимаемые меры нормативно-правового и организационного характера, включая ужесточение законодательства и усиление контрольных механизмов, масштабы противоправной деятельности остаются значительными. Это обусловлено как внешними вызовами, среди которых санкционное давление и рост киберугроз, так и внутренними дисфункциями, включая высокий уровень коррупции, недостаточную цифровизацию процессов управления и слабую координацию между государственными институтами.

Характерной чертой большинства выявленных форм противоправных посягательств, таких как коррупционные практики, рейдерство, мошенничество в сфере государственных закупок и киберпреступность, является их способность адаптироваться к изменяющимся условиям правового регулирования. Это свидетельствует о необходимости перехода от преимущественно репрессивной модели к комплексной системе профилактики, мониторинга и стратегического управления. Существенную опасность представляют латентные, слабо выявляемые механизмы воздействия, включая деятельность кланово-корпоративных структур, использование офшорных юрисдикций и преднамеренное доведение предприятий до банкротства, что усугубляет существующие институциональные риски.

Для повышения эффективности противодействия указанным угрозам требуется реализация системы мер, направленных на устранение нормативных пробелов, особенно в части регулирования деятельности аффилированных лиц и процедур оценки законности распоряжения активами. Важным направлением является развитие цифровых инструментов контроля, в том числе использование технологий блокчейна и искусственного интеллекта для мониторинга операций с государственной собственностью и обеспечения прозрачности в сфере государственных закупок. Особое значение приобретает формирование открытых реестров собственности, развитие общественного и экспертного контроля, а также повышение институциональной ответственности субъектов управления.

Анализ международного опыта позволяет сделать вывод о потенциале их адаптации в российских условиях. Однако реализация подобных решений требует прежде всего обеспечения институциональной независимости контрольных органов, поскольку эффективность даже самых современных технологий напрямую зависит от степени прозрачности и подотчетности правоохранительной и надзорной систем.

Перспективы дальнейших исследований лежат в области поиска сбалансированных моделей управления государственной собственностью, сочетающих централизованный контроль с необходимой гибкостью. Важное значение приобретают разработки в сфере методик оценки ущерба

от латентных форм нарушений, а также механизмов минимизации коррупционных рисков в условиях цифровой трансформации. Дополнительного внимания заслуживает потенциал государственно-частного партнерства как инструмента защиты стратегически значимых активов государства.

Таким образом, обеспечение безопасности государственной собственности следует рассматривать как многоуровневую задачу, имеющую не только правовой и экономический, но и общенациональный характер. Только комплексный подход, включающий институциональные реформы, технологические инновации и развитие механизмов общественного участия, может обеспечить устойчивое управление государственными активами и способствовать укреплению экономической безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

1. Алехин, Б. И. Кадровый дефицит в российских регионах / Б. И. Алехин // *Пространственная экономика*. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 163-186. – DOI 10.14530/se.2024.1.163-186. – EDN EJTXXI.
2. Аносов, А. В. Цифровые детерминанты коррупционной преступности / А. В. Аносов // *Труды Академии управления МВД России*. – 2023. – № 1(65). – С. 77-85. – DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-77-85. – EDN RDEWAP.
3. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. *История России: конец или новое начало?* М., 2005. – 708с.
4. Бакулина, А. А. Глобальные риски государства и общества в цифровой экономике / А. А. Бакулина // *Вопросы безопасности*. – 2021. – № 4. – С. 30-38. – DOI 10.25136/2409-7543.2021.4.37104. – EDN GQSEF.
5. Бобошко, Н. М. Коррупция в сфере государственных закупок как угроза экономической безопасности государства / Н. М. Бобошко // *Криминологический журнал*. – 2021. – № 1. – С. 118-120. – DOI 10.24412/2687-0185-2021-1-118-120. – EDN APTZVN.
6. Борков В.Н. Свобода экономической деятельности и посягательство на государственную собственность // *Современное право* № 5,-2017.- С. 75-80. EDN: YPJENT.
7. Бузгалин, А. В. Собственность как объект теоретического исследования: политическая экономия и экономическая политика / А. В. Бузгалин // *Экономическая наука современной России*. – 2020. – № 4(91). – С. 7-24. – DOI 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-7-24. EDN: MZRGQO.
8. Григорьева, О. Г. Манипулирование юридическими гарантиями неприкосновенности собственности в «недружественных» западных странах / О. Г. Григорьева // *Правовая культура*. – 2023. – № 1(52). – С. 64-72. – EDN YGQOFS.
9. Еремина И.А, Облизов А.В. Комплексный анализ и оценка эффективности осуществления государственных и муниципальных закупок в Республике Коми // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2022. Том 17. - № 4. – С. 47-83. <https://doi.org/10/22394/2071-2022-17-4-47-83>.
10. Ермакова, Н. С. Привлечение персонала в условиях кадрового дефицита на рынке труда / Н. С. Ермакова // *Вестник Сибирского института бизнеса и*

информационных технологий. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 79-85. – DOI 10.24412/2225-8264-2023-3-79-85. – EDN PDKNCW;

11. Ехлакова Е.А. Анализ основных форм теневых экономических отношений, непосредственно связанных с собственностью и приватизацией // Экономические системы. 2018. Том 11. № 3 (42). С. 63-69. DOI 10.29030/2309-2076-2018-11-3-63-69

12. Желудков, М. А. Реализация новой технологии цифрового контроля QR-кодов в предупреждении городской преступности / М. А. Желудков // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 1. – С. 15-21. – EDN WTJPVX.

13. Когденко В. Г. Анализ государственных, частных и иностранных предприятий: оценка эффективности и устойчивости // Экономический анализ: теория и практика. 4(547). Том 23, выпуск 4, апрель 2024 г. с. 625–650.

14. Козлова С.В. Трансформация институтов управления государственным имуществом: итоги 2022–2024 гг // Вестник Института экономики Российской академии наук 5/2024 EDN: HWKQIA DOI: 10.52180/2073-6487_2024_5_42_57

15. Коршунов, В. К. Современные направления системы декриминализации земельных отношений аграрных организаций / В. К. Коршунов, А. Г. Светлаков // Вестник Прикамского социального института. – 2018. – № 3(81). – С. 58-64. – EDN YQDONF.

16. Макарова, Л. И. Факторы устойчивости рейдерства как угрозы экономической безопасности предприятия / Л. И. Макарова // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2020. – № 3. – С. 3-6. – EDN BTMFQA.

17. Маркунин, Р. С. Правовая неопределенность системы юридической ответственности органов государства и ее последствия / Р. С. Маркунин // Государственно-правовые исследования. – 2021. – № 4. – С. 278-283. – DOI 10.20310/2658-5383-2021-4-278-283. – EDN LTQWIE.

18. Мороз, Д. Г. Причины и условия коррупции / Д. Г. Мороз // Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия: сборник материалов круглого стола, 4 марта 2017 г., Минск, РБ / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права; редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. – Минск: БГУ, 2017. – С. 115–119.

19. Османов, О. А. Значение и роль коррупции как фактора рейдерства / О. А. Османов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 103-106. – EDN SNOBJ.

20. Петров, А. А. Новейшие инструменты четвертой промышленной революции и цифровые механизмы контроля и управления обществом / А. А. Петров // Chronos. – 2020. – № 8(47). – С. 24-34. – EDN VSVTUH.

21. Плискевич, Н. М. "Власть-собственность" в современной России: происхождение и перспективы мутации / Н. М. Плискевич // Мир России. Социология. Этнология. – 2006. – Т. 15, № 3. – С. 62-113. – EDN HUBUUV.

22. Саймон Г.С. Науки об искусственном. М., 2004. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с. (Науки об искусственном.) ISBN 5-354-00759-3.

23. Снимщикова, И. В. Антикоррупционная политика как фактор противодействия корпоративному мошенничеству в нефтяных компаниях / И. В. Снимщикова, А. Б. Мельников, Ю. А. Чугаева // Вестник Северо-Кавказского

федерального университета. – 2020. – № 1(76). – С. 151-157. – DOI 10.37493/2307-907X.2020.1.18. – EDN LDWSQG.

24. Тимофеев Л. Институциональная коррупция. М.: РГГУ, 2000. – 365 с.

25. Файберг Т.В., Щербакова И.Н. Оценка состава государственной собственности Российской Федерации и доходов от управления ею // Журнал прикладных исследований. – 2025. № 2. – 119-127. – doi: 10.47576/2949-1878.2025.2.2.013

26. Хамалинская, В. В. Современные проблемы управления государственным имуществом в Российской Федерации / В. В. Хамалинская, И. В. Хамалинский, Е. К. Кузнецова // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2023. – № 3(46). – С. 86-93. – DOI 10.21777/2587-554X-2023-3-86-93. – EDN WBNTEN.

27. Харченко, О. В. Противодействие промышленному шпионажу как угрозе экономической безопасности: криминологическое исследование / О. В. Харченко // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 2. – С. 18-24. – DOI 10.26163/GIEF.2022.51.76.003. – EDN FCBPEO.

28. Хачак, Б. Н. Рейдерство как угроза национальной экономической безопасности / Б. Н. Хачак, М. И. Катбамбетов, С. Г. Дзыбова // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 8-1. – С. 135-142. – EDN HKZXSQ.

29. Thomas M. DiBiagio Public corruption prosecutions as financial crimes under federal criminal law: targeting the illicit use and misuse of public assets and resources. 2020. Public Corruption Prosecutions as Financial Crimes Under Federal Criminal Law: Targeting the Illicit Use and Misuse of Public Assets and Resources.

References:

1. Alekhine, B. I. (2024) Personnel deficit in the Russian regions. *Spatial economy*. Vol. 20, no. 1. P. 163-186. DOI 10.14530/se.2024.1.163-186. EDN EJTXXI.

2. Anosov, A. V. (2023) Digital determinants of corruption crime. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. no. 1(65). P. 77-85. DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-77-85. EDN RDEWAP.

3. Akhiezer, A., Klyamkin, I., Yakovenko, I. (2025) *The history of Russia: the end or a new beginning?* М., 708p.

4. Bakulina, A. A. (2021) Global risks of the state and society in the digital economy. *Security issues*. no. 4. P. 30-38. DOI 10.25136/2409-7543.2021.4.37104. EDN GQSEF.

5. Boboshko, N. M. (2021) Corruption in the field of public procurement as a threat to the economic security of the state. *Criminological Journal*. no. 1. p. 118-120. DOI 10.24412/2687-0185-2021-1-118-120. EDN APTZVN.

6. Borkov V.N. (2017) Freedom of economic activity and encroachment on state property. *Modern law*. no. 5, p. 75-80. EDN: YPJENT.

7. Buzgalin, A.V. (2020) Property as an object of theoretical research: political economy and economic policy. *Economic science of modern Russia*. no. 4(91).p. 7-24. DOI 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-7-24. EDN: MZRGOQ.

8. Grigorieva, O. G. (2023) Manipulation of legal guarantees of inviolability of property in "unfriendly" Western countries. *Legal culture*. no. 1(52). P. 64-72. –

EDN YGQOFS.

9. Eremina I.A., Oblizov A.V. (2022) Comprehensive analysis and assessment of the effectiveness of state and municipal procurement in the Komi Republic. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Volume 17. no. 4. P. 47-83. <https://doi.org/10.22394/2071-2022-17-4-47-83>.

10. Ermakova, N. S. (2023) Attracting personnel in the face of a personnel shortage in the labor market. *Journal of the Siberian Institute of Business and Information Technology*. Vol. 12, no. 4. p. 79-85. DOI 10.24412/2225-8264-2023-3-79-85. EDN PDKNCW.

11. Ekhlovskaya, E.A. (2018) Analysis of the main forms of shadow economic relations directly related to property and privatization. *Economic systems*. Volume 11. no. 3 (42). P. 63-69. DOI 10.29030/2309-2076-2018-11-3-63-69

12. Zheludkov, M.A. (2022) Implementation of a new technology for digital control of QR codes in the prevention of urban crime. *Journal of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*. no. 1. - P. 15-21. EDN WTJVPVX.

13. Kogdenko V. G. (2024) Analysis of public, private and foreign enterprises: assessment of efficiency and sustainability. *Economic analysis: theory and practice*. 4(547). Volume 23, Issue 4, April. p. 625-650.

14. Kozlova, S.V. (2024) Transformation of state property management institutions: results 2022-2024. *Journal of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. no. 5, EDN: HWKQIA DOI: 10.52180/2073-6487_2024_5_42_57

15. Korshunov, V.K. and Svetlakov, A.G. (2018) Modern directions of the system of decriminalization of land relations of agrarian organizations. *Journal of the Prikamsk Social Institute*. no.3(81). p. 58-64. EDN YQDONF.

16. Makarova, L. I. (2020) Factors of the stability of raiding as a threat to the economic security of the enterprise. *News of higher educational institutions. Ural region*. no. 3. p. 3-6. EDN BTMFQA.

17. Markunin, R. S. (2021) Legal uncertainty of the system of legal responsibility of state bodies and its consequences. *State legal research*. no. 4. p. 278-283. DOI 10.20310/2658-5383-2021-4-278-283. EDN LTQWIE.

18. Moroz, D. G. (2017) Reasons and Conditions of Corruption. *Constitutional and Legal Foundations of Combating Corruption as the Most Important Condition for Ensuring Sustainable Socio-Economic Balance: a collection of materials from the round table, March 4, 2017, Minsk, RB/BSU, Legal Faculty., Kaf. constitutional law; editor: G. A. Vasilevich [et al.]. Minsk: BSU, p. 115-119.*

19. Osmanov, O. A. (2014) The importance and role of corruption as a factor in raiding. *Legal Bulletin of Dagestan State University*. no. 3. p. 103-106. EDN SNOSRJ.

20. Petrov, A. A. (2020) The latest tools of the fourth industrial revolution and digital mechanisms of control and management of society. *Chronos*. no. 8(47). p. 24-34. EDN VSVTUH.

21. Pliskevich, N. M. (2006) "Power-property" in modern Russia: the origin and prospects of mutation. *World of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 15, no. 3. p. 62-113. EDN HUBUUV.

22. Simon G.S. (2004) *Artificial sciences*. M., 2004. M.: URSS Editorial, 144 p. (Artificial Sciences.) ISBN 5-354-00759-3.

23. Sneshchikova, I.V. Melnikov, A. B. and Chugaeva, Yu. A. (2020) Anti-

corruption policy as a factor in countering corporate fraud in oil companies. *Journal of the North Caucasus Federal University*. no. 1(76). p. 151-157. DOI 10.37493/2307-907X.2020.1.18. EDN LDWSQG.

24. Timofeev, L. (2000) *Institutional corruption*. M.: RSUH, 2000. 365 p.

25. Fayberg, T.V. and Shcherbakova, I.N. (2025) Assessment of the composition of state property of the Russian Federation and income from its management. *Journal of Applied Research*. no. 2. P. 119-127. DOI: 10.47576/2949-1878.2025.2.2.013

26. Khamalinskaya, V.V., Khamalinsky, I.V. and Kuznetsova, E.K. (2023) Modern problems of state property management in the Russian Federation. *Journal of Moscow University. S.Yu. Witte. Series 1: Economics and Management*. no. 3(46). P. 86-93. DOI 10.21777/2587-554X-2023-3-86-93. EDN WBNTEH.

27. Kharchenko, O. V. (2022) Countering industrial espionage as a threat to economic security: criminological research. *Journal of Legal and Economic Research*. no. 2. P. 18-24. DOI 10.26163/GIEF.2022.51.76.003. EDN FCBPEO.

28. Khachak, B. N., Katbambetov, M. I. and Dzybova, S. G.(2024) Raiding as a threat to national economic security. *Issues of Russian and international law*. – Vol.14, no. 8-1. P. 135-142. EDN HKZXSQ.

29. Thomas, M. (2020) DiBiagio Public corruption prosecutions as financial crimes under federal criminal law: targeting the illicit use and misuse of public assets and resources. *Public Corruption Prosecutions as Financial Crimes Under Federal Criminal Law: Targeting the Illicit Use and Misuse of Public Assets and Resources*.

Сведения об авторах:

Литвиненко Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, Санкт-Петербургский университет МВД России, адрес: Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1, e-mail: lanfk@mail.ru, ORCID 0000-0002-3269-6634, SPIN-код: 9651-6422, AuthorID:109424.

Лозина Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, адрес: Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1, e-mail: 1612ulia.l@mail.ru, ORCID 0000-0002-6369-2468 SPIN-код: 6515-2021 AuthorID: 537212.

About the authors:

Alexander N. Litvinenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economic Security, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: lanfk@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-3269-6634>, SPIN-код: 9651-6422, AuthorID:109424.

Julia A. Lozina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: 1612ulia.l@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-6369-2468>

SPIN-код: 6515-2021 AuthorID: 537212.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и написание статьи. Все авторы утвердили окончательный вариант статьи, несут ответственность за целостность всех частей статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: the authors made an equal contribution to the research and writing the article. The authors have approved the final version of the article and are responsible for the integrity of all parts of the article.

© Литвиненко А.Н., Лозина Ю.А., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Среднерусский вестник общественных наук» приглашает к обмену мнениями, творческому диалогу, открытой научной дискуссии преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

На страницах журнала находят достойное место публикации по политическим, социальным, правовым, экономическим и другим важнейшим аспектам развития российского общества и государства, его регионов; проблемам международных отношений, внешней политики и глобального развития.

Основная цель журнала – предоставление возможности участия в обсуждении развития современного общества с позиции политологии, социологии, экономики, а также изучения правовых, образовательных, ментальных и других аспектов, формирующих и продуцирующих развитие регионов России.

Целевая аудитория журнала – это профессиональное сообщество исследователей, экспертов, бизнесменов, лиц, принимающих решения в российской политике регионов России; интересующихся проблемами методологии политической науки, вопросами экономической политики и социальными трансформациями, происходящими в регионах России.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.: <http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>.

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Точка зрения авторов не всегда отражает мнение редакции.

Перепечатка, перевод, а также размещение материалов журнала «Среднерусский вестник общественных наук» в Интернете только при согласовании с редакцией.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Central Russian Journal of Social Sciences

The main purpose of the Journal:

Providing opportunities to participate in the discussion of the development of modern society from the standpoint of political science, sociology, economics, as well as the study of legal, educational, mental and other aspects that form and produce the development of the Central regions of Russia.

The Journal contains articles on:

- the study of the essential, institutional, procedural and technological characteristics of the political space, features of political changes, the main actors of the political process, technologies of political mobilization in modern conditions;
- theories and philosophies of politics, history and methodology of political science;
- analysis of society as a complex hierarchical system, which is in the process of functioning, in the context of global contradictory trends and factors associated with globalization and regionalization;
- social results of management decisions (evaluation of the effectiveness and quality of management, interpersonal relations in management processes, value orientations, motivation and the degree of participation of individuals in management, etc.);
- actual problems of economics and management in the Russian Federation and abroad; domestic and foreign economic policy;
- current trends in the development of the world economy and conceptual approaches to the development of the Russian economy, issues of economic theory in a historical context;
- state regulation and government, innovation, management, investment, logistics, marketing, tax policy, education and business, the basics of entrepreneurship, business finance.

Среднерусский вестник общественных наук. — 2025. — Т. 20, №4 (100). — 180 с.

ISSN 2071-2367 (print)

ISSN 2500-2090(online)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-71950 от 26.12.2017

Журнал издается с 2006 года

Материалы журнала размещаются в открытом доступе,
а также индексируются в базе данных РИНЦ (eLIBRARY.RU)

Учредитель:

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Издатель:

Среднерусский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Адрес редакции и издателя:

302001, Орловская область, г. Орёл, Панчука, д. 1

e-mail: vestniksrvon@mail.ru

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Среднерусский вестник общественных наук» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Журнал включен в базу данных CrossRef, Sherpa Romeo, Ulrich Web Global Serials Directory, РГБ, Google Scholar, Mendeley, Research4Life, lens.org, OpenAIRE, Wikidata, Internet Archive Scholar

The Journal has been published since 2006. Journal materials are published on the platform eLIBRARY.RU (Scientific Electronic Library).

Подписной индекс 40642

Тираж 300 экз.

Подписано в печать 20.12.2025.

© дизайн, макет - Среднерусский институт управления филиал РАНХиГС, 2025

СРЕДНЕРУССКИЙ ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Том 20, №4 2025

CENTRAL RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Volume 20, Issue 4 2025

Редактор *Нечаев Д.Н.*
Корректор Кургузова И.Л.
Переводчики: Князькова Е.В.

Подписано в печать 20.12.2025 г. Дата выхода в свет: 24.12.2025

Формат 70×108. Усл. печ. л. 10,6
Тираж 300 экз. (1-й завод — 40 экз.). Заказ 982
Свободная цена

Signed 24.12.2025
Page format 70×108. Reference printed sheets 10,6
Edition 300 copies (first print: 40 copies). Order 982
Free price

Издательство Среднерусский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Адрес издательства 302001, Орловская область, г. Орёл, Панчука, д. 1

Publisher
Central Russian Institute of Management -branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

Address 302001, Orel region, Orel, Panchuka, 1

